

ლიტერატურა

ტრუზია

5

1977

Хута БЕРУЛАВА

Весеннее

Пусть никто не считает,
Что иссякнет порыв,
Что народ почитает
Пыл борьбы до поры.

Светоч истины с нами,
И вздымает народ
К солнцу Красное Знамя
Продвиженья вперед!

Пусть никто не считает,
Что пора отдохнуть,
Что решимость растает
И закончится путь.

Нет, блеснув, как зарница,
Не погаснет звезда,
Нет, со злом не смирится
Наш народ никогда,

Нет, сияют, не плавятся,
В сердце честных людей
Убежденность и пафос
Благородных идей!

Есть слова, что из сердца
Исторгаются в стих —

Только жаром усердья
Годкрепляем мы их.

Только верностью светлым
Дням борьбы и тревог,
Только дружбою с ветром
Бесконечных дорог!

Темп и качество — это
Лозунг наш огневой,
Вдохновенье поэта,
Правды голос живой:

Верю в светлое завтра,
Победившей страны,
В блеск салютного залпа,
В бег зеркальной волны.

Верю смелым и честным,
Верю в мудрость труда —
Ведь достойных не счастье нам
Никогда, никогда!..

Лучше! Больше! Быстрее! —
Этот клич боевой
Стягом огненным реет
Над родной стороной...

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

5
МАИ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 77
ЦК КП ГРУЗИИ

ქართველი
წიგლიერთა
კავშირი

«ლიტერატურნაია გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

ქოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 5

მაისი 1977 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

*Издается
с июня 1957 года*

Главный редактор

Георгий Цицишвили

Редакционная

коллегия:

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Гиви ЖВАНИЯ,

Марк ЗЛАТКИН,

Исидор КОЗАЕВ,

Георгий ЛОМИДZE,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДZE

(заместитель главного редактора),

Владимир ХОМУТОВ

(ответственный секретарь),

Эммануил ФЕЙГИН.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора —
93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ

Отдел прозы и очерка

(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —
93-31-43

Отдел поэзии и искусства

(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики

(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) —
93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

ПОЭЗИЯ

ХУТА БЕРУЛАВА. Весеннее. Перевод Г л а н а О н а н я н а	Вторая страница обложки
ХУТА ГАГУА. Апрель. Перевод Ю н н ы М о р и ц. «Кто знает — за окном цветет миндаль...». Семья. Мороженое послевоенных лет. Перевод О л е г а Ч у х о н ц е в а. Сомнение. Августовский дождь. Солнце заходит — солнце всходит. Перевод Ю р и я Р я ш е н ц е в а. Баллада спасения. Исповедь. Видение. Тропинка. «Еще в снегах звенит синица..». Перевод В а с и л и я К а з а н ц е в а	4
КАЛЕ БОБОХИДЗЕ. Песнь труда. Плодородная осень. Перевод А л е к с е я Р о г о в а. Яков Гогешашвили. Перевод Л е о н и д а Т е м и н а	8
ХАМЗА АБДУЛЛИН. Грузия, страна мечтаний. Перевод с казахского В л а д и м и р а Щ у к и н а. О чем же человеку петь. Перевод с казахского Р у ф и Т а м а р и н о й	9
ДАНИЕЛ АРУТЮНЯН. Суровы стали времена. Перевод с армянского В л а д и м и р а П а в л и н о в а	9

ПРОЗА

ЛЕВ ВОРОБЬЕВ. Свет тех сосен. Повесть	10
ЭЛГУДЖА МАГРАДЗЕ. Стенание. Роман. Продолжение. Перевод А н а и д ы Б е с т а в а ш в и л и	40
ТЕНГИЗ ГОГОЛАДЗЕ. Свет добра. Повесть. Перевод Л и а н ы Т а т и ш в и л и	47
ЕКАТЕРИНА ГАБАШВИЛИ. Душевные тревоги Нато. (Предисловие Любови Мепаришвили)	58

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НОДАР ДУМБАДЗЕ. Добро пожаловать, дорогие!	53
ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. «Рассвет встречаю я на жаркой ниве слова...»	60

К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

СЕРГИ ЧИЛАЯ. Великий Октябрь и грузинская литература	72
--	----

ПУБЛИЦИСТИКА

ВАХТАНГ ЧИЧИНАДЗЕ. Логика научно-технического прогресса	65
ВАХТАНГ ГУРУЛИ, ВАЛЕРИАН МАЧАРАДЗЕ. Яркий эпизод боевого содружества	70

К 140-ЛЕТИЮ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

ГЕОРГИЙ ДЖИБЛАДЗЕ. Илья Чавчавадзе	78
------------------------------------	----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Е. ХАРАДЗЕ, В. КУПРАДЗЕ. Чудесный сплав таланта и труда. (К 70-летию академика И. Векуа)	83
--	----

НАУКА

ШОТА ДЗИДЗИГУРИ. Жизнь в науке	86
--------------------------------	----

ИСКУССТВО

ТАРИЭЛ ЧАНТУРИЯ. Запечатленная мысль	92
--------------------------------------	----

В МИРЕ КНИГ

ИОСИФ ГРИНБЕРГ. Под знаком «двойной радуги»	95
---	----

Хута ГАГУА

Апрель

Были в саду тишина и серьезность.
Снега — так мало,
Он выглядел кисло,
И понимал он,
Что не было смысла
Ежиться здесь, нагоняя морозность.

Я подошел и дождался момента,
Когда из простертой гранитной ладони
Выпорхнул снег и пропал в небосклоне
Голубкой,
Озябшей в руке монумента.

Апрель улыбался глазами лазури,
В воздухе нежность такая носилась,
Как будто в деревне
Лоза прослезилась,
Пьянея от счастья, что кончились бури.

Деревья, как тени,
Качались на взгорье,
Где небо востока
Багрянцем дышало...
А рваное облако не разрушало
Блаженства и праздника
В сердце, в просторе.

Перевод Юнны МОРИЦ

Кто знает — за окном цветет миндаль
Иль пробегает шелест в листьях
блеклых,
Когда неслышно копится печаль
В душе,
как копоть на вокзальных
стеклах.

Не тянет выйти. Смотришь из окна
Во все глаза — а самому обидно:
Откуда эта копоть? — Так черна
Ночь за окном — ни деревца не видно.

Не видно. Только мысль еще горит,
Горит, как вызов, а за нею следом
Машина запоздалая летит,
Обшаривая переулок светом...

Я лишь тогда познал наверняка
Простую правду этой жизни поздней,
Когда увидел, что печаль-тоска —
Лишь копоть на окне,
Лишь чад наносный.

И взгляд прозрел. И садом стал
пустырь.
И домом — мир. И в мире было рано.
И, как надежда, Джварский монастырь
При свете утра выплыл из тумана.

Семья

Когда ни лая, ни луны в ночи,
Когда свежо в деревне и в долине,
И женщина на лавке у печи
С ребятами, кутятами моими
Сидит и что-то вяжет у огня, —
Я встану здесь, где все так незнакомо,
Что, если бы не ответ из окна,
Я не узнал бы собственного дома.
Люблю я у калитки постоять,
В холодный плащ запахиваясь туже,
Люблю потемки иль, верней сказать,
Достаточно мне кашлянуть — и тут же
Кутята мои вскочат — и к дверям,
А мать их между тем отложит нитки,
Откроет дверь —
и хоть не верь глазам —
Цветной ковер расстелет до калитки.

Мороженое послевоенных лет

Когда жаркое лето приходит,
И навстречу друг другу снует
С запотелым мороженым
праздний
И спешащий куда-то народ,
Вижу я, как на станции где-то,
Все забыв, я стою у ларька
С тем мороженым послевоенным,
О котором и память сладка.
Вот проселочной пыльной дорогой,
Ног не чуя, бегу я домой,
А до дома ни много ни мало —
Перелесок и луг небольшой.
Вон и папа стоит у калитки, —
Он в соломенной шляпе видней, —
Там же фыркает белая кляча
И хвостом отгоняет слепней.
Я спешу, я хочу поделиться
Безграничным восторгом с отцом,
Но слова застревают у горла,
И отец с напряженным лицом
Так глядит на меня, что под взглядом

Я молчу, я признаться боюсь.
 А потом меня с жаром уложат,
 И кто знает, когда поднимусь..
 Ты поверишь, отец, и сегодня
 Сам не знаю с чего, но опять
 Тот восторг еще мучает душу
 Так, что хочется в голос кричать;
 Та сладчайшая радость ребенка,
 Горечь незабываемых лет
 Еще мучает сдавленным криком,
 Еще жжет — и забвения нет.

Перевод Олега ЧУХОНЦЕВА

Сомнение

...И тянет шею, голодно всегда,
 Усталости моей не понимая,
 И будто сука ластится шальная,
 И снова пища просит без стыда.

Нет, ненасытней твари не найдешь.
 Опять скулит. И я сорвусь невольно
 И закричу: — Оставь меня, довольно
 Как надоел мне вечный твой скулеж!..

— Но чем я провинилось? Не могу
 Уйти, не получив еще хоть корку!..
 — Прочь, прочь, ты враг!
 — Но вспомни поговорку:
 Не пожалейте ужина врагу!..
 — Теперь ты шутишь, мерзкое, а я
 Теряю веру!..
 — Вера — блажь простая,
 Духовный жир, когда душа — пустая,
 А это — стыд и срам для бытия!..

И понимаю, что, покуда жив,
 Оно извечно будет за спиной.
 Друг или враг, всегда пойдет за мною,
 Со мной лишь вместе голову сложив.

Августовский дождь

Лето сжалилось над нами:
 Дождик — что за благодать!
 Грязь раскисла под ногами,
 Да ненадолго, видать.
 Ах, в такие-то минуты
 Все мы — как с иных планет:
 Надо всеми — парашюты:
 Город в зонтики одет.

Тот у моря ждет погодки,
 Этот вдаль стремится свой шаг.
 Вот на мокрый пляж из лодки
 Вылез вымокший рыбак!..

Ветер, клеивший афиши,
 Клеил наспех, как пришлось:
 Угол выше, угол ниже,
 Вверх ногами, вкривь и вкось.

И обычен, и нередок
 Шум дерев для здешних мест.
 Но в раскачиванье веток
 Есть какой-то странный жест..
 Там не голубь ли подбитый
 Тихо бьется на скамье?
 Нет, газетный лист забытый
 Ждет кого-нибудь к себе.

С пылом сильным и неровным
 Дождь сечет, сечет с плеча.
 Капли звонко бьют по кровлям,
 Словно колокол, звуча..
 Где тот дождик — нет в помине! —
 Под которым я дитем
 Рос, как деревце!.. А ныне
 Просто мокну под дождем.

Солнце заходит — солнце всходит

Скрывались клены в улочках, дрожа,
 Тая озноб в худом озябшем теле.
 И как от снега на ветвях в апреле,
 От света нынче отошла душа.

Молчало все. Но в воздухе пустом —
 Каких-то тайных отзвуков метанье.
 Что предвещало нам зари мерцанье,
 Я сам еще не ведал. Все — потом!

Великий смысл в пейзаже был сокрыт
 Подвержена природа переменам,
 Как человек, в своем движенье бренном
 Меняющий характер свой и быт, —

В чем лучше разбираюсь я теперь.
 Ведь и закат — всего поток рассвета:
 Когда сейчас заходит солнце — это
 Оно восходит, верь или не верь!

Перевод Юрия РЯШЕНЦЕВА

Баллада спасения

I

Когда среди лесов густых,
 В сырой ночи блиндаж взорвался,
 Из десяти парней живых
 Один лишь только он остался.

Немой, бесчувственно-глухой,
Наполовину погребенный,
Лежал с оторванной ногой...
Лишь ветра раздавались стоны.

Он все припомнил в краткий миг,
Когда вдруг перед ним в палате
Внезапно человек возник
В белеющем, как снег, халате.

Припомнил — в медленных глазах
Неясно свет пробился странный.
Надежда? Счастье? Смутный страх?
Цвела улыбка —
Будто рана...

Он дома. Дети и жена.
И вдовы... Бледные, как тени.
Их глаз немая тишина...
И поздравленья, поздравленья.

Зеленой, влажной ветви взмах.
Дыханье свежей, вешней силы.
А где-то далеко в горах —
Безмолвно—скорбные могилы.

Густые, дальние леса.
Кусты, застывшие в печали...
Кругом звенели голоса.
И с возвращеньем поздравляли.

И знал ли, знал ли кто-нибудь,
Что это счастье с тяжелой силой
Плитой могильною на грудь
Ему,
Спасенному,
Давило?

II

Был взрыв палящий, мертвый свет.
И — тьма, гнетущая, тупая.
И ей, накинувшейся, нет,
Казалось, ни конца ни края.

Высокий лес, небес пятно,
Утесы, выступы, ложбины —
Все в этот миг слилось в одно.
И стало черною равниной.

И звезд высоких свет угас.
Померкли вечные просторы.
О, если бы еще хоть раз
Увидеть вас,
Родные горы...

Еще клубился черный дым,
Виясь понуро и устало.
Но солнце пламенем густым
Уже, огромное, вставало.

Яснела неба синева...
И над ожившею землею
Он распрямился, как трава,
В ночи примятая ступнею.

Исповедь

— На свете строк бесцветно-складных,
Не гревших сердце никогда
Как будто бы домов стандартных!
Ты это знаешь?
— Знаю. Да.

— А ты скажи мне — можешь грудью
Дорогу преградить врагу?
И умереть, коль нужно будет,
Во имя Родины?
— Могу.

— А может, лучше было б это:
Пасти овец, растить хлеба?
И жить в тиши, вдали от света?
Кто в путь позвал тебя?
— Судьба.

— В лесах поэзии суровых,
Среди таинственных деревьев,
Ты рыка львиного, глухого
Не убоишься?
— Где он — лев?

— Не легче ль было б — молчаливо
Приноровить к другим свой шаг
И жить спокойно и счастливо?
— Конечно, легче.
Это — так.

— Слова презренья, откровенья...
Быть может, лучше — про запас
Их отложить? Забыть на время?
— Нет. Нужно их сказать
Сейчас.

— Так, значит, ты готов с отрадой
Нести свой тяжкий груз трудов?
И лучшею считать наградой
Сам труд свой тяжкий?
— Да, готов.

Видение

В раздумье виском к косяку
прислонилась —
Далекую даль приоткрыло окно.
И все, что случилось, еще не случилось,
А только когда-то случиться должно.

И майское утро навстречу глядело.
И путь, убегая, светлел впереди...
Как будто бы пуговица отлетела —
Вдруг легкую вскинула руку к груди.

Мужчина,
До боли знакомый и милый, —
Умерший давно —
Средь толпы промелькнул...
Увядшую грудь под рукой ощутила —
И, горько вздохнув,
Опустилась на стул.

Тропинка

Полями,
рощами,
оврагами
Бежит, сминая травы летние...
Над деревенскими оградами —
Кто пролетает незаметнее?

Спешит —
как будто опоздавшая,
Дубравой мчится и по ельнику,
И вдруг — как странница уставшая —
Метнется к тополю-отщельнику.

С холма,
из дебрей
К нам бросается,
Дает надежду — тем и славится!
В траве исчезнет на мгновение —
И тут как тут опять появится!

Всех любопытней, откровеннее,
Всех ближе незнакомой местности!
Идет к дверям — и, тем не менее,
Ее не слышат псы в окрестности.

Но ни в одном дворе не кончится
Ее живая нить! По лестнице

Ей не взбежать! В траве потопчется —
И в путь, как подобает вестнице.

Ей нет конца. Начало было ли?
Равнина, холм, ущелье, роща...
Срастется с городскими жилами —
И канет в городскую площадь.

...Хотел бы знать — где путь мой
кончится?
Когда устану — где прилягу?
И вдруг

тропинка,
словно гончая,
Метнулась в лес, прибавив шагу.

* * *

Еще в снегах звенит синица
И стужей дышит вышина,
А задремавшей вишне снится
Зелено-синяя весна.

О, неожиданный приход
Тревожной музыки, гости ранней..
Твоих неясных ожиданий
Огонь поэту сердце жжет.

Ты песне говоришь: «Приди!»
Вот так ребенка, замирая,
Та ожидает, к чьей груди
Еще и в снах рука мужская
Не прикасалась...

Чистый свет,
Лучась, в глаза огнем приветным,
Призывным смотрит! И поэт
Уже горит огнем ответным!

Перевод Василия КАЗАНЦЕВА

Кале БОБОХИДЗЕ

Песнь труда

Тревогами полна судьба людская.
Нас многое печалит на Земле:
И смерти страх людей не отпускает,
И путь борьбы теряется во мгле.

Не трать на это жизни драгоценной,
Тревоги и печали отгони —
Ведь не одни мы смертны во Вселенной
И боремся с судьбой не мы одни.

Несчастен тот, кто угнетает ближних, —
Его вовеки совесть не простит,
А счастлив правдолюбец и подвижник,
Чей пот горячий землю оросит.

Пирушки и бездумное веселье,
В конце концов, не радуют ничуть.
Еще сильнее страдаешь ты, без цели
Одолеева жизни тяжкий путь.

Счастливец тот, кто жил, презрев
гоненья,
В ярме не унижался никогда.
Никто не может выдержать сравненья
С людьми неугасимого труда.

Трудись же, человек, ломай преграды,
Своим трудом на свете сей добро.
Ты одолеешь смерть и пламень ада.
Берись за плуг, за молот, за перо!

Плодородная осень

И ртвелж конец, и все ближе зима.
Деревья осеннему празднику рада.
Блещат чистотою дворы и дома,
Под крышами тесно от лоз винограда.

Оттуда, все явственней в каждом дворе,
Доносится запах айвы, мандарина...
Стог сена, как замок, стоит на горе,
Глядит на него с восхищеньем долина.

Зерном золотистым амбары полны,
И большего счастья на свете не надо.
Труду благородному нету цены,
Плоды его — высшая в мире награда.

Бутыли, кувшины построились в ряд,
В них мед и варенье, подливы и соки.
У тóнэ горячих крестьянки стоят,
Как тóнэ, пылают их алые щеки.

А в кевври таинственно бродит вино —
До срока храни благородную влагу!
И лишь индюку умереть суждено:
Готовится свадьба, зарежут беднягу.

Счастливый отец на семейство глядит.
Он долг свой исполнил. Спокойно
грузину.

Огонь в очаге, разгораясь, гудит.
Деревня встречает морозную зиму.

Перевод Алексея РОГОВА

Яков Гогебашвили

Шел грузин не по тропке торной,
Он в бою не боялся риска.
Оттого, может быть, так полно
Сохранился язык грузинский.

Но у речи родной, я знаю,
И другой был страж исполинский,
И гремела борьба — двойная,
Защищая язык грузинский!

Не сотрется в душе народной
Тот, кто вел его к новой шире:
Жив учитель наш благородный —
Это Яков Гогебашвили.

«Деда зна», «Бунебис кари»
Пред глазами раскрыты с детства.
Не забудь, покоряя дали:
Это — Гогебашвили наследство.

Если жив гениальный Шота,
Если с нами — Илья, Акакий,
В этом есть и его работа,
Этой жизни мечты и злаки.

Мы внимаем любым поэтам —
По-грузински они запели,
И в различных наречьях эхом
Голос слышится Руставели.

Книги разных времен и наций
Перед нами листы раскрыли.
Ждем, надеемся:

появляться
Будут новые Гогебашвили!

Перевод Леонида ТЕМИНА

Хамза АБДУЛЛИН

Грузия, страна мечтаний

Я в шелесте страниц поэмы
Услышал пенье родников,
Гуденье скал, что были немы,
И рая сладкозвучный зов.

Шота у скал взял постоянство,
У сказок взял он доброту,
У предков — гордый дух гражданства,
У песен — вольную мечту.

О, Грузия, страна мечтаний,
Была ты в сказках неземной,
Но было много испытаний
Тебе обещано судьбой.

Твоя судьба и дышит в строчках
Поэмы, что в руках держу,
И видя Грузию воочью,
Вдвойне я жизнью дорожу.

Перевод с казахского Владимира ЩУКИНА.

О чем же человеку петь

Певец меня зовущей красоты,
Как соловей — звонкоголосый,
Приказываешь сердцу ты
Не задавать судьбе вопросов.

Не ты над сердцем, а оно
Могуче над тобою властно,
И боль, и радости вино —
Твой рог наполнен не напрасно.

Оно в душе моей, поэт,
В поиске истины извечной,
Как мысль, нащупывает след
Ее, ведущий в бесконечность.

Как вечный странник на коне,
Оно в погоне за свободой,
Как метроном стучит во мне,
И счастлив я, что сердцу отдан.

Лишь потому я и поэт:
Склоняюсь перед красотой.

И рыцарь я — свободы свет
Так дорог мне, что жизни стоит.

Я вместе с Шота пел Нестан
И за ее свободу бился,
И, с Тариэлом рядом встав,
Пред красотой ее склонился.

Но, покоряясь красоте,
Ее свободу охраняя,
Всегда ищи прямых путей,
Надежде песню доверяя.

О чем же человеку петь,
Как не о красоте и воле?
Свирель или органа медь —
Певец, ты в инструменте волен.

Давно нам Руставели пел
О красоте и о свободе,
И повторять его — удел
Наш вечный,
Неподвластный моде.

Перевод с казахского Руфи ТАМАРИНОВ.

Даниел АРУТЮНЯН

Суровы стали времена

Суровы стали времена!
Не знаешь, до чего добрался,
Что сделал, в чем не разобрался,
За что не получил сполна.

Век, как бикфордов шнур, горит,
Дни так стремительны и грозны!
Гремит, разбужен, купол звездный,
Пыль под ногами говорит.

Стал шалтым золотом песок,
Сама луна меняет облик...
Жизнь, ты отыщешь в сердце отклик
Иль прахом ляжешь на висок?

Век мне суровым быть велит,
Долгами душу мне врачуя,
И если их не оплачу я,
Взрыв свалит с ног и опалит.

Перевод с армянского Владимира ПАВЛИНОВА.

ПОВЕСТЬ

СКРИП длинных половиц из дали времен. Мать склонилась: «Леник, пора». Блаженно вытянулся, чувствуя родное тепло и медля открыть глаза.

— Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант!

Конопатый мальчишка-дневальный, с противоголом через плечо, поймал его очумелый взгляд. Щелкнул каблуками, откозырял.

— Срочно! В штаб бригады. И рванул обратно под барабанную дробь половиц.

Савельев вдохнул запах свежеструганой сосны, сбросил одеяло. На ходу разминаясь, плеснул в лицо из умывальника. Мастера спали, спал и Дима Норка — неслышно, калачиком. Намахались вчера. Мигом оделся, глянул в осколок зеркала —

можно считать побрит — и, поправив кобуру, выскочил вон из землянки.

К февралю бои на Велижском направлении утихли, и бригада вышла на подступы к Торопцу и Витебску. Белоруссия была рукой подать, за ней граница. Казалось, они так и пойдут, и пойдут: еще полгода, может быть, годик — и Германия рухнет под тяжестью своих преступлений. Но немцы окопались, фронт встал. И вот уже две недели как бригада заняла уцелевшие домики турбазы, вырыла землянки и замаскировалась в сосновом бору, чему немало помогли снегопады. Погода была не для авиации. Случались перестрелки, нет-нет с минометами, с артиллерией, но немцы били все невпопад. Вообще было спокойно и, благодушествуя вовсю, бойцы и офицеры Особой бригады навострились бегать к зенитчикам, где устраивались танцующий и всякого рода знакомства.

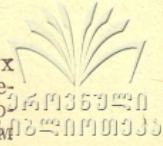
Для оружейников, однако, наступила настоящая страда.

Части, которые поддерживала бригада, передали от Северо-Западного Калининскому фронту. И теперь, помимо собственного текущего ремонта, им все подваливали и подваливали стрелковое оружие, обычные минометы и даже артиллерийские орудия. А вчера взгромоздили штабеля ящиков с немецкими трофейными автоматами — наладить для белорусских партизан, группа руководства которыми располагалась рядом. Месяц работы. Понять-то можно, мастерская оснащена образцово. Но было и одно «но»: не хватало напильников — и грубых рашпелей, и особенно нежнейших бархатных, а без них слесарное дело — это, по словам Гусенкова, нуль без палочки. Тыл безотказно давал все, кроме напильников. И вот, мучаясь со сточенным инструментом, мастера кляли все и вся. Но худшее было впереди, и Савельев затаил для главнейших нужд — только Гусенков с Норкой знали — пяток напильников. В остальном совесть его была чиста. Вчера к поздней ночи они вовремя закончили ремонт четырех установок, и их угнали по местам.

Вот и сейчас от барака мастерской слышался лязг металла, скрежет ножовок и рашпелей, пенье пилы. Савельев подумал, не забегать ли к начальнику, капитану Гусенкову — проконсультироваться. Да нет, не знает, раз так срочно.

Из кирпичных труб бревенчатого трехэтажного здания штаба, раньше правления турбазы, поднимались последние дымки, розовато окрашенные восходящим солнцем. Ночью протопили. Не дай бог ясной погоды.

Начштаба майор Смольянинов глянул на рапортовавшего и, буркнув, что Савельев гвардии техник-лейтенант — не просто! — снова погрузился в перелистывание папки. Верно, Савельев оплошал, не привык еще, а всем реактивным минометным частям с момента их формирования присваивалось звание гвардей-

ских. Однако в бурканье Смольянинова его чуткий с курсантских времен слух уловил ту особую военную ласковинку, когда одинаково можно ждать и хорошо, и плохо. Но уж никак не обыденного. Склонив стриженную под бокс голову над папкой, майор, прищепывая в иных местах, долистал ее до конца, потом пропустил бумаги под плоским пальцем обратно и захлопнул. Савельев увидел свою фамилию. Его личное дело! Лицо Смольянинова, круглое и румяное, с висячими щеками, незнакомцу могло показаться бабьим. Но из-под рыжеватого безбровья глядели такие пронзительные глазки, что наткнешься на них — и сразу станет ясно — суров... Он прошелся вдоль комнаты и, встав перед Савельевым, кивнул на папку:

— Так что же ты скрывал?

Что скрывал Савельев? Станный вопрос. Ничего он не скрывал и ничего нельзя было вычитать из личного дела, кроме правды. Окончил среднюю школу. В тридцать девятым поступил в московский вуз и, проучившись всего две недели, был по новому закону мобилизован и направлен в артиллерию. Но когда грянула война, на фронт не попал. Их, уже готовых командиров, — далеко не всех, конечно, — с месяц держали в опустевшей казарме. Оказалось — гроверка. Потом дополнительные курсы по гвардейским минометам, стрельбы и практика на заводе. Короче, вместо командира получился техник, и это была не его вина. В часть успел к самому началу нового наступления, к январю; вместе со всеми прошел эти двести не таких уж бескровных километров, заменяя погибшего командира батареи. Снова отозвали в мастерскую — электротехник на всю бригаду он был один. Медали пока не заслужил, а кто из технарей их заслужил? Но на гимнастерке гвардейский знак, приняли кандидатом в партию. И вообще все там в личном деле было неплохо, среди родственников репрессированных не было, кроме мачехино дядьки. Между прочим, и его Савельев неоднократно вписывал в разные анкеты, поскольку гвардейские минометы были строго секретными.

— Так зачем скрывал, что твой отец директор «Промтруда»?

Савельев приоткрыл пухлые губы. На лице отразилось такое недоумение, что Смольянинов улыбнулся и, звякнув медалями, сжал его локти.

— Ну, шутки в сторону, — посурился он, проведя ладонью против волос, и опять зашагал по комнате. — Тебе известно, как обстоит дело с напильниками? Известно. Так вот, «Промтруд», чтоб ты знал, одна из немногих точек, где их сейчас производят. Мы решили на свой риск послать человека, и я вовремя вспомнил, что там командует твой отец. Значит, поедешь ты.

Побывать дома денек-другой! Ну и подвезло ему! Что и говорить, недаром о цепкой памяти Смольянинова ходили легенды.

— Я привезу. Конечно, привезу.

— Погоди. Не так просто, распределение под диким учетом. На другое надежда. Пусть хоть из бракованных, из поломанных, из бэу, из каких угодно. Гляди сюда.

Он подвинул бумагу. Гвардейская особая бригада и группа руководства подпольными парторганизациями и партизанским движением Белоруссии убедительнейше и надеясь на высокопатриотическое понимание просила Владимира Васильевича Савельева помочь в предвидении событий чем возможно из нелегальных фондов. Штамп, росписи, печати.

— На неделю обговорил у генерала. С запасом. В Москве пересадка, а с транспортом сейчас... Это не значит — неделю гулять.

— Да нет!

— И ни с чем — лучше не возвращайся. Однако уверен — у-ве-рен! — задание выполнишь. Ну, Леонид Владимирович... — Он крепко пожал Савельеву руку. — Давай! Час на сборы. Машина будет у трех сосен.

Савельев понял: Смольянинов не хочет, чтобы видели такой многими желанный отъезд.

Получив в штабе документы, деньги и удерживаясь, чтобы не подпрыгнуть от счастья, Савельев помчался назад. Когда сбежал в землянку, там оставался один Норка, младший воентехник. Удачно. На нарах открытый блокнот — бригадный поэт, в многотиражке печатался, но вдохновенно, видно, не пришло, и он стоял у зеркала, задумчиво разглядывая свою безбородую физиономию. Также повадился к зенитчикам бегать. Савельев знал, есть у него там Зиночка, и сквозь пальцы смотрел на отлучки, требуя, чтоб вернулся к утру, а уж если тревога — смотри.

Загораживаясь спиной, Савельев шарил на полках. Помазок, безопаска, мыло. Так. Подумав, достал мешочек и вытряс малиновые «кубари», сверкающие эмалью, — в тылу хотелось выглядеть понаряднее.

— Слышь, Дима, — сказал он, — пока — никуда.

— Че-его-о? — оглянулся Норка, но, увидев, что дела серьезные и Савельев не шутит, закончил уже неуверенно: — Да брось ты, Леня.

Глаза у этого хохленка были, как васильки в поле, — синие в рыжих ресницах. Для выщей убедительности Савельев вынул из кобуры револьвер, и будто проверяя, крутнул барабан. Тоже неплохо пройтись по родному городу, вполне боевым человеком. Впрочем, кого он увидит из класса, из школы, из соседних ребят? Наверняка — Бориса и Кольку.

— Возьми, — Норка протягивал картонную коробочку.

Савельев открыл. Там густели патроны — двадцать восемь. Вот ведь, черт побери. Но кивнул доверчивому Норке важно и сурово, спрятал патроны в карман. Ладно, в мастерской оставит.

Гусенков пригнулся над тисками: показывал молодому мастеру работу зубилом. Удары точно падали на расплюснутый торец. Визжала пила. Савельев взял за плечо, мигнул, и Гусенков, вытирая руки паклей, пошел вслед. Обрадовался больше Савельева.

— Ну! — и сразу о деле: — Возьмешь трофейный чемодан. Поставим перегородки, чтобы не навалом. Паек на десять дней. Не спорь. Нахлебничать в тылу грешно, и все ж какой-никакой подарок.

Вон они, три сосны, промелькнули и скрылись за другими деревьями. Гусенков подождал, обнял Савельева за плечи.

— Слушай-ка... Вдруг совсем откажет?

Теперь и этот ввергает в сомнение. Савельев ответил насколько мог твердо:

— Даст отец.

Глаза Гусенкова, зеленые на солнечном просторе, жестко сощурились.

— Хе-хе! Мне тридцать восемь, и я для тебя почитай старик. Опыт. Так в случае чего... И у себя, и в Москве — на рынок, на толкучку. Не скупись. Там, — он кивнул на чемодан, — двадцать тысяч. Собрали. И концентраты. Меняй. Понял?

Савельев кивнул. Не дай бог вернуться ни с чем. Как бы подтверждая это, Гусенков добавил:

— А припрятанные — учти — пускаю в дело.

У трех сосен никого еще не было. Знаменитое для бригады место. Приземистые деревья, стоявшие треугольником на холме, были достаточно густыми, чтобы на развилках ветвей неприметно укрыться. У подножья кустарник, обочку ручей — естественный ПНП, так и не обнаруженный немцами. Отсюда в последних боях корректировали шквальные налеты артиллерии и «катюш».

Они поднялись на холм. На запад уходила широкая просека. Слева на взгорке — ряды елочек; справа за скованным морозом ручьем — трубы штабного здания. Увядавший дерн на бруствере и окопчик с улежавшимся снегом. Оттуда под углом торчал деревянный щит, и хозяйственный Гусенков отвел его в сторону, заглянул, дожидаясь, пока не привыкнут глаза. Как оказалось, не зря. Кряхтя протянул руку — не достал.

— Там лимонка, — объяснил он. — И запалы, несколько штук. Непорядок, откопать надо. Пришло людей.

Гудок, они спустились на дорогу. За ним пригнали генеральскую «эмку».

Обнялись, Савельев долго смотрел сквозь заднее желятое стекло на поного Гусенкова. Будто навсегда попрощались.

По колдобинам разбитой дороги добрались до шоссе и там помчались среди березняков и осинников.

В Калинин добрались к сумеркам.

Над разбитым зданием вокзала одиноко и красновато, как бог войны, светила крупная звезда. Около домика с надписью «Военная комендатура» гудела толпа военных — все офицеры, виднелись полковничьи шпалы, и Савельев тоскливо подумал, что трудности встретили раньше, чем полагал Смольянинов. Встал позади, смекая, что делать, но в это время хлопнуло оконце и охрипший голос выкрикнул:

— Савельев здесь?!

— Я, я! — откликнулся Савельев.

— Где же ты, черт побери, пропадал?

Смотри, позаботился Смольянинов. Через полминуты выскочил лейтенант с непокрытой головой, мигом подхватил чемодан и скомандовал:

— Бегом!

Мчались через пути, через рельсы, хрустел гравий, гремели площадки товарных вагонов. Отставая, Савельев поглядывал на вертикальную фигуру, на ровный ежик черневших волос и думал: сам ты черт, вражина быстроногая, призы, что ли, брал до войны? И вдруг красный огонек впереди сменился зеленым.

— Быстрой!

Совсем задыхаясь, Савельев мимо посторонившейся проводницы влез в тамбур, вволок чемодан, а чернобровый лейтенант снизу быстро заговорил:

— В Москве пойдешь на Павелецкий. Не на Казанский, на Павелецкий Помощник коменданта Оськин. Запомнил? Привет от Оськина, я брат его. Сделает.

Поезд тронулся. Хрустя сапогами по шлаку, лейтенант бодро добавил:

— Передай, что дело, мол, выгорело. Он знает о чем. Счастливо! Что они, Оськины, все что ли в комендантах тыловых?

Проводница заперла дверь, накинула крюк и открыла внутренний проход, откуда пахнуло карболкой, лекарствами и большим человеческим телом. Он уловил протяжный стон. В свете синей лампочки — большеглазое лицо, из-под накинутой шинели — белый халат. Никакая не проводница, медсестра.

— Туда нельзя, — сказала она приятным грудным голосом, — тяжело раненые. Вода — видишь краник? Ничего, здесь неплохо.

К его горюду Т. фронт подходил близко. Узел бомбили, но особых жертв, как писал отец, не было. Немцев отбросили, и многие, кто успел эвакуироваться, возвратились обратно. Колька и Борис, конечно, оставались. Но раз Борис, то и Наля.

Семья Савельевых переехала в Т., когда Леня учился в седьмом, — отец с мачехой и он. Невеликий город с пыльными зелеными улочками, с единственной автобусной линией и театром, с узкой прозрачной речушкой, широкой дугой огибавшей городской вал, — оборона против татар, — сначала ему, саратовскому волгарю, не понравился. Очень мало людей, слишком тихо, и редкий грохот поездов достигал отдаленной окраины — кладбища и дома сумасшедших. И завод, и железнодорожное депо, и медицинский институт — все было в единственном числе.

Класс встретил настроенно. Легко давалось ему ученье, и память была такой цепкой, что, прочитав к сентябрю от корки до корки учебники, он потом целый год туда не заглядывал. Сидел позади и под партией читал романы и прочее, а вызывали, вежливо просил повторить вопрос, безукоризненно отбарабанивал спрашиваемое. Некоторые учителя сердились, потом все привыкли, а когда на уроке физики он один за себя и соседа по парте Кольку Сбитнева решил контрольные, то ехидный физик Мефодич пощипал бровь. Сказал: «А все-таки содрали. Оба. У господина Максвелла». И дружный смех класса — сам он и Колька тоже смеялись — отметил слияние с коллективом, сложившимся задолго до его приезда.

Почему Леня, не Ленька... Он был худой карандаш, всегда с книженцией под мышкой, и пухлые губы не оставляли сомнений, что добрый. Драк сторонился, и его не трогали. Одним словом — Леня.

Самым верным другом — на равных — стал Колька Сбитнев, сын машиниста. С ним чаще других вскакивали на велосипеды и жали в лес, на речку, в безграничные поля. На ипподроме, где скуластые монголы из кавалерийского училища скакали через препятствия и с визгом рубили лозу. Хасан и Халхин-Гол были позади, но с запада поднималось самое грозное, застлало горизонт. Они мечтали, кем стать. Колька знал — архитектором. И всегда тренировался — гипсы, городские дворики, церкви, портреты — карандаш. Физкультурник дядя Сережа, сам художник-любитель, восхищался: хорошо, отменно. Но Колька верил Лене Савельеву. Сделав последний штрих, поворачивал рисунок на поглядение, ждал: ну как? Леня задумывался, а Колька кричал: «Без пощады!». Рисунки были хороши, может, и талантливы, но чего-то в них не хватало. Чего? Колька рвал сделанное в клочки и до крови прикусывал губу.

Один летний день запомнился особенно. С самой рани покатили километров за тридцать — давно уже собирались — в заброшенные сады помещика Кугушева, где, говорили, красивые развалины усадьбы. Между густых на черноземе картофельных плантаций тропинка едва виднелась, но знали они ее на ощупь. Набрав ходу с горки, мчались как на гоночных, а из-за решеток «желтого дома» безмолвно смотрели бледные сумасшедшие. Выбросив ноги на руль, Колька сделал нос и заулюлюкал, заржал не хуже жеребца. Но оттуда — ни звука. Зря старался.

Заросший английский парк действительно был необычным. Среди разнообразья полян поднимались одичавшие орхидеи, порушенные беседки обвивали вьюнки. Колька рисовал вдохновенно.

Возвращались, когда закат окрасил стены сумасшедшего дома алым цветом. Увидев их, оттуда замахали руками, закричали не разбери что. Они вытянули шею на нежданное и теперь не очень понятное представление. Первым опомнился Леня. Поперек тропинки желтой осыпью зияла канава, которой утром не было. Он резко затормозил, свалился набок в ботву, а Колька, так ничего и не заметив, кубарем полетел вниз.

У театра сели передохнуть. К ночи город совсем затихал, только дворовые собаки передавали друг другу запоздавших прохожих. И тут Сбитнев признался в том, чего никто не заметил.

— У меня правый глаз с рождения слепой. Поэтому не вижу перспективы, но привык себя представлять. Закрою глаза, и вот они — объемы, дали, горизонты... Понял, Ленька? Эксперимент ставлю, может ли мозг выправить физический недостаток.

Он сидел гордо и прямо. Длинные ржаные волосы падали назад, и оба глаза в свете театральных фонарей были совсем живыми. Не отличить.

— Не обману, а докажу! Добьюсь! А сегодня канавы-то и не заметил. Справа. Вот и посмеялся над несчастными, гад.

Потом он пытался и в архитектурный, и в инженерно-архитектурный — не вышло. Доки там были, разгадали. Не получилось и в военкомате, куда он притагал, вызубрив таблицы наизусть. Врач закрыл его зрячий глаз и показал на строку, которой он не увидел.

Тогда это осталось их дружеской тайной. Но вскоре и жизнь Савельева, и их отношения повернулись иначе.

Из какого-то небольшого городка в Т. переехал врач-гинеколог Боговяленский. Там продал собственный дом, здесь купил другой, побольше. Он вдовствовал и, видно, поэтому был всегда мрачен. Мрачно принимал пациентов; мрачно, откидывая в сторону набалдашник черной резной палки, здоровался с прохожими; мрачно ерошил седоватые волосы, отдыхая вечерами на скамейке рядом с палисадником. Говорили, запивает, но специалист из самых лучших. С ним приехали незамужняя сестра-вековуха, которая вела хозяйство, и маленькая дочка — Вера.

Наля появилась позже. Вошла и остановилась сбоку учительской кафедры, независимо помахивая облезлым портфельчиком и разглядывая всех, будто не ребята, а картины. Затихший класс тоже смотрел на нее, Сентябрь стоял теплый, и была она в легком сатиновом платице, из-под которого торчали длинные загорелые ноги в синих с белой полоской резиновых барежах. И шея была длинной, и руки тоже, и вообще, по понятиям некоторых девочек, вся она была некрасивой. Но дерзкое скуластое лицо, короткие в стороны медные косички в постиранных бантах, брови, как татарские луки, и особенно узкие длинные глаза редкостного цвета темной стали — такого вместе никто не видывал. Единственное свободное место было рядом с Сергеем Колодиным, впереди Лени и Кольки, без подсажек которых он пропал. Там она и села.

Оказалось, старшая дочь Боговяленского.

Когда в Т. мальчик и девочка, парень и девушка дружили, это называлось «ходят». Наля «ходила» со многими, из своего и параллельных классов, а он перестал «ходить» с Ларисой. С ней стало неинтересно, тошнило от жеманства.

Оставалось запойно читать — что попадалось. Осени, зимы, морозы, драное пальтишко еще с материнских времен, на улице неуютно. Особенно понравился «Жан Кристоф» Роллана, откуда и узнал, что одна любовь сменяется другой.

Кончался девятый, еще годик, и он упорхнет — из школы, от мачехи, ото всех — только в Москву. В геологоразведочный или, положим, в ИФЛИ. Как звучит: институт истории, философии и литературы! Ку-ку, ребятки!..

Годовое сочинение Савельев написал не об Онегине и не по «Отцам и детям», а о своем «Жане Кристофе». Войдя в класс со стопкой проверенных тетрадей, Анна Никифоровна уселась за стол, трянула букольками и особенно внимательно посмотрела в их угол.

— Работа Боговяленской — замечательная. Просто не знаю, как вы могли почувствовать и понять — совсем по-взрослому, — почему Онегин не остался с Татьяной, а она потом отвергла его...

Лариса презрительно трянула светлой хорошенькой головкой. Наля сосредоточенно рисовала чертиков.

— Но сочинение Лени Савельева... Послушайте.

Он замер. Двадцать страниц, написанных второпях. И о любви, какая она бывает, и об одержимости творчеством... Савельев чувствовал, как багровеют уши, лицо, шея. Колька Сбитнев притих, а Наля, поставив стоймя карандаш, забыла своих чертиков.

На следующий день затянула в уголок на батарее, который девочки называли бесстыдником — видно, кто подходит, успеешь переменить разговор. Тихо спросила:

— Как это удалось?

Разделенные вертикальной чертой брови внимательно свелись, от нее пахло земляничным мылом.

— О себе не думал? Ни чуточки?

Савельев, чтобы не показать скрытой радости, нахмурился.

В класс опоздал. Попросив разрешения, сел на место и, когда Колька прошептал: «Ну, Байрон...», так двинул в бок, что тот едва не упал со скамьи. «Ч-ш-ш...», — обернулась Наля.

В последний перед каникулами день произошел случай, взбудораживший город.

Сначала всем классом пошли на речку. Купанье, раздолье. Свобода! Потом в кафе-мороженом кое-что позволили себе, то есть тайком и быстро, под видом газировки, разлили по стаканам две бутылки вина, не обойдя и девочек. Наля, он заметил, выплеснула под стол. Потом они под руки шлялясь цепочкой по улицам, пели песни. «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону...». В сквере городского театра сдвинули в кружок скамьи. Сбитнев встал посередине.

— Я гипнотизер, я всех насквозь вижу. Возьмем, например, Наталью... Как по отчеству?

— Михайловна, Михайловна, — закричали девочки, большинство из которых окончательно примирились с Налькой.

Она сидела напротив. Пока Сбитняга делал пассы и молот чепуху, а все смеялись, Савельев волюно — учтите и выпитое — смотрел в длинные узкие глаза. Добрая улыбка меняла весь облик, который из азиатского, сурового превращался в мягкий, славянский. Налька недовольно глянула — перестань.

Неожиданно глаза ее засветились красным колеблющимся светом. Савельев оглянулся. В окне пустого театра — труппа на гастролях — мелькнуло пламя, — Пожар! — обрадовался Колька.

И вдруг прикрыл рот пальцами, сообразил: ведь и правда пожар. Все вскочили.

Не раздумывая, Леня перемахнул через спинку скамьи, сиганул к подъезду. Забарабил в дверь, прислушался — тихо. Нажал плечом. Табурет сторожа под блеклой лампой пустовал, сверху тянуло гарью. Через три ступеньки он запрыгал по лестнице, распахнул вход в зрительный зал. Со сцены валил дым.

— Огнетушители, огнетушители где?! — крикнула сзади растрепанная Налька.

Он обернулся и как раз за ее спиной увидел в витрине длинные красные цилиндры. Схватил один, бросился назад. Пылали декорации, загорался пол сцены. Смаху шибанул об пол и через оркестровую яму пустил пенную струю. У нее никак не получалось, и по лицу катились слезы — то ли с досады, то ли от одного дыма, и в это время на сцене грохнуло, рванулось жаркое пламя, и они попятились к дверям. Снизу торопливо тянули кишку пожарные в шлемах, в брезентовых робах.

— А ну, пацанва, — крикнул один, — марш отсюда! Краска это, краска, Иван! Скорее!

Грохнуло еще и еще раз, скатились вниз все вместе. На улице гудела толпа, бежали новые люди. Со скрежетом рухнула крыша, перед чудовищным оранжевым костром все отступили назад. Деревянные строения были за парком, на спасительном расстоянии: там уже хлопотали люди, из рук в руки цепочкой передавая ведра с водой.

— Мне холодно, — сказала Наля, подняв к нему испачканное сажей лицо, и он обнял мальчишеские плечи, а она прижалась как к своему, к близкому. Глянул, ноги босые, потеряла, когда спасались бегством, туфли. Скинул спортивные — надень. Но не отпускал. И боясь нечаянно изменить такую верную позу, они стояли до самого конца.

— Так и будет в большой войне, — сказала Наля.

Это лето стало их летом. А оно случилось знойное и сухое: безоблачное небо, медленно оседавшая после грузовика или телеги пылица, фиолетовая дымка в зарежье. Лишь изредка налетали короткие грозы. Вскочить на велосипеды и умчаться под дубы, в лесной тени, где рядом бежала прохладная речка — одно удовольствие. Велосипед у Наля был отцовский, мужской, и юбочка на раме задиралась выше положенного по тем строгим временам, открывая сильные ноги. После купанья бросались на мягкую мураву, нос к носу. Начиналась любимая игра.

— Что? — выстукивая «тра-та-та-та, тра-та-та-та» камешками друг о друга, спрашивала Наля.

— Легко, — щурился Леня. — Начало «Пятой».

В городе было музыкальное училище, и многие ребята тащили туда два раза в неделю папки «Musique» — отбывать родительское принуждение. Наля добровольно. А Леня просто не упускал случая присесть к дребезжащему громкоговорителю или к патефону: воображение дополняло все изъяны.

УДАЧЛИВЫЙ
ПОСЛЕДНИЙ
ОБЫЧЬ

— А это? Ну, если угадаешь...

Угадывал. Тогда она бросалась на него и, прижимая к земле, трепала за чуб. «Противный, противный, все знаешь...».

Ей разрешалось все: дать подножку, так что катились по песку за шею, чмокнуть в щеку. Ему — ничего. И хотя сверстники давно признали, что они — «ходят», между ними ничего такого не было. Их уголки на берегах, в лесу, где нет постороннего взгляда, давали просто свободу общения.

Была и лодка — старший Савельев любил порыбачить. И когда Ляня, скрипя уключинами, греб по протоке среди высокого аира и камышей, а она, вытанувшись вдоль ногами к нему, голова и закинутые руки на руле плоскодонки, разглядывала прищуренными от солнца глазами его лицо, наступало время испытательных вопросов. К примеру:

— Слушай-ка, Леонид. Вот человек родится. Вон он учится, взрослеет, воспитывает себе подобных. Делает что-то. А потом умирает — и ничего.

— Как это ничего?

— Дети, может, и вспомнят, ну внуки. А потом — ничего.

— Значит, сделай такое, что все не забудут.

— Хм. Это необыкновенные люди. А мы с тобой? Обыкновенные.

— Надо стремиться.

— К чему? Если нет особого таланта?

Он замолчал, обдумывая.

— То-то и оно, — наставительно сказала она, жуя травинку — Много о себе думаешь. А ведь в большинстве люди остаются безвестными и, значит, по-твоему, прожили жизнь бесполезно.

Возмутительно. Эта ее манера провоцировать и выворачивать разговор наизнанку. Он рассердился.

— Я такого не говорил.

— Но подразумевал. Ну и комсомолец, ну и идейный человек!

— Каждый может сделать необыкновенное.

Теперь задумалась она и, скользя опущенной рукой по журчащей воде, смотрела на пузырьки, на струйки, на широкие листья кувшинок и водяных лилий.

— Постой-ка!

Натаскав желтых и белых цветов, принялась плести венок, ловко пропуская между пальцами длинные гибкие стебли. Стайка уток неторопливо погнала утят за поворот протоки.

— Безвестность, — наконец придумал он, — еще не значит, что дело исчезло. Кто первый изобрел иглу или парус? Или колесо?

— Но большинство ничего не придумывает. Просто работает: пашет, лечит, строит. Ну и так далее.

— Верно. И разве без пользы?

Она вскочила, удержалась за его плечо и надела на голову влажный, приятно охлаждающий венок. Как награду. И очень серьезно, приблизив лицо вплотную, сказала:

— Все люди могут и должны быть счастливыми.

Понравиться ей удавалось редко. Они были как брат и сестра, во многом сближало полусиротство, без матерей. Гладь меня по головке, гладь. Она и гладила, читая вслух какую-нибудь интересную книгу.

— Дурак, — резюмировал Колька Сбитнев, узнавший об их времяпрепровождении. — Невдомек, чего бабам надо?

— Иди ты!

Этого он хотел и до озноба боялся. Она — баба? Нет, совсем другая, одна-единственная. А некоторые ребята уже хвастались, как это бывает. Любопытно и муторно слушать. Значит, будь как все, раз так устроено, — мужественным.

— Чего злой? — спросила однажды Наля, когда он, насупившись, пускал по воде плоские гальки.

— Чего, Ляня?

Глянул исподлобья, отряхнул руки. И вдруг, как коршун, бросился. Внутри закружилось — поцеловать малиновые губы, раствориться, исчезнуть. Не делая этого.

— С ума спятил? — спокойно и без сопротивления сказала она. — Пойди окупись.

Но он все крепче вжимал ее в траву. Отчаянно завертелась, вырвала притиснутые к груди руки. Вскочила, отбежала и, крест-накрест охватив плечи, с сожалющей улыбкой смотрела, как он поднимается на ноги. Проклятые Колькины уроки!

Намеренно не торопясь, она натянула платье, поправила волосы. Сунула ноги в бретки. Сели в лодку, и уключины на этот раз закрипели противно.

— Не провожай, — сказала она, прыгнув на лодочные мостки. Набрался духу через неделю. Домой друг к другу они не заглядывали, но что делать.

Дверь открыл доктор Богоявленский и, благодушно покачиваясь, а значит, выгнанным и немало, сказал:

— Жара-то какая! Вы, молодой человек, случайно не сын Савельева?

— Сын.

— Гм. А Налечка уехала к дяде. До осени.

Наступил последний год учения. Видел ее каждый день, и заседали на бюро, и делали стенгазету. Но все откатилось назад, не подступиться, «А был ли мальчик-то», — сказал однажды Колька, которому все это надоело. Может, и не было.

Драмкружок их в десятом классе набрал силу. За дело взялся дядя Сережа — физкультурник, а был он человек всесторонний. Мало что художник-любитель, знал толк во всех видах искусства. Поставили вещь современную — «Платон Кречет». Роль Кречета дали Борису Тарарину. Высокий лоб в черных курчавинах, тонкие сжатые губы, острый подбородок. Не то что Леня, характерная, волевая внешность. Правда, по мнению Савельева, у него получалось не ахти, а если точнее — совсем плохо, но он помалкивал, не подумали б, что завидует. Хуже было другое. Теперь Борис и Налька постоянно, по крайней мере на репетициях, держались вместе: садились в уголок, шептались, забывали о других. Он заметил однажды, как Борис вытряхнул что-то из ее туфли, что значило — совсем близкий человек. Бывало, ловил ее взгляд исподтишка, сразу ускользающий в сторону. И только.

Близилась выпускные — окончательная разлука. Савельев вконец истердался, запутался и сочинил письмо. На урок опоздал. Все были взволнованы чем-то, полкласса пустовало, а он заметил единственное — ни Сбитнева, ни Нали — и в первую же перемену смотался. Поднялся на крыльцо, дернул ручку звонка. Открыла она сама, глаза заплаканные. Удивилась.

— Ты? Ну проходи.

— Возьми.

Он сунул принесенный конверт и повернулся уйти.

— Постой, постой-ка, — остановила она властно.

Он погнулся. Видел край юбки и длинные голые ноги в расшлепанных домашних тапках. Дыхание ее было ровным, и ему хотелось, чтоб все обиды и недоразумения провалились, после экзаменов — вместе в Москву, а там... там будет хорошо. И вдруг хрустнул скомканный конверт. Он поднял глаза, ноздри ее раздувались.

— Значит, ты и есть самый лучший? Что молчишь?

Понял, ищет слова, и поднял руку — предупредить, — но она нашла и процедила сквозь зубы:

— Презренный.

Ожгла, как плетью.

Вечером отец принес известие: когда на здание школы поднимали портреты и майские лозунги, Борис Тарарин оступился и упал. Со второго этажа. Леня закрыл глаза, так стало страшно за товарища. И она посмела подумать, что он воспользовался этим? Гадко. Даже самому близкому человеку нельзя прощать все. Многое, но не все.

Борис выжил. Вместе со Сбитнягой заходили в больницу. Закованный в гипс, Борька, разговаривая, все время поглядывал на дверь, ждал, наверное, ту, что не оставит в беде. Леня торопился уйти. Он был мягкий, податливый — воли не хватало, но нападало упрямство — все. Упрямство пока и заменяло волю. Презренный.

Дня за два до выпускного вечера выцганил, вырвал у завуча аттестат и укатил в Москву.

Колька писал, что Борис передвигается только в коляске, экзамены приняли на дому. «Она помогала», — подумал Леня.

И вот спустя почти три года — каких года! — он впервые ехал в свой город. Все прошло, все сгладилось, никакой любви и злости. В курсантские времена заводились знакомства, клубные танцы-шманцы, а теперь нравилась военные девушки — в сапогах и шинельках, в лихо сбитых назад пилотках. Но этого пока не случилось, пока все было не то.

Медсестра едва растолкала его. Поезд стоял, утро. Он сощурился от весеннего солнца. Повезло: поезд встал у скрещения Окружной и Павелецкой. Расспросив прохожих, он, спустя несколько минут, поднялся на пригородную

платформу, а еще через полчаса мчался на электричке к вокзалу, с любопытством разглядывая каменные в полосах камуфляжа громады домов, малолюдные улицы, трамваи... Дымили трубы заводов. Взгляд искал разрушений.

— Москва была как Москва. Отстояли.

Но на Павелецком, до предела забитом военными — с вещмешками, с ящиками, с винтовками и автоматами, — он испугался. Двери комендатурь осаждала толпа. В расписании сплошные наклейки — отменен, отменен, отменен. Нужный ему поезд отправлялся раз в трое суток, как раз сегодня.

Савельев задумался, как пробраться к Оськину.

Окна комендатуры выходили в узкий тупичок. Он постучал.

— Мне нужен Оськин.

— Оськин всем нужен.

— От брата ему привет.

— Хм. А где брат-то? — экзаменуя, спросил военный.

— В Калинин.

— Верно, — задумался тот. — Ну вот что. Оськин будет к вечеру. В последний раз.

И не успел Савельев слова сказать, захлопнул форточку. Почему — в последний?

Ворота Зацепского рынка были забиты сосновыми горбылями. Но сбоку, сунув руки в рукава и притоптывая, сидел гражданин в фетровом глубоком колпаке и в телогрейке. На фанерном ящике десяток книг — «Три мушкетера», «Человек-амфибия», даже зачитанное Евангелие. С небритого в седой щетине лица на Савельева смотрели слезящиеся глаза.

— Лучшая литература. В-военные приключения.

— А где толкучка?

— Толкучка-то? На Тишинском. А вам зачем, м-молодой человек? Хотите, и я с-меняю.

Он пошарил в кармане и протянул на желтой бледной ладони свое изделие. Зажигалка.

— А инструментика нет? — пригнулся Савельев поближе.

Продавец вскочил, вырвал зажигалку.

— Какой тебе инструментик! К-какой! Ишь ходят тут, проверяльщики! Нет у меня ничего — понял? Проверяльщики!

Савельев схватил чемодан, затопал к трамвайной остановке. Тишинский так Тишинский. Рядом жила тетя Тоня, будет где чемодан оставить.

Семиэтажный домина на Триумфальной щерился пустыми проемами окон, а с другой стороны вовсе обвалился — Москву все-таки бомбили. Встревожженный вошел под арку. Над деревянной халупой — уцелела — поднималась струйка дыма.

Дверь открыла дворничиха тетя Даша, замотанная в пуховую шаль. Сразу узнала, обхватила и, прижавшись к груди щекой, заплакала:

— О-ой, Ленечка... Живой! А от Игорька писем нет. Раньше каждую неделю, и вот... Боюсь я. О-ой, Ленечка... Да заходи ты, заходи.

Внутри оказалось жарко. Чугунка раскалилась докрасна, в кастрюле что-то кипело. Спустив шаль и вытерев слезы, тетя Даша заговорила спокойнее. Нет, тетушка Тоня жива, и большинство уцелело, днем бомба-то свалилась, в рабочее время. Выселили куда-то, теперь много квартир пустует.

— Помнишь, как голубей вместе гоняли? Где те голуби — и-эх!

Игорек был ее единственный вдовый сын, мысль все время возвращалась к нему.

— Раз выжил, то живой, — уверенно сказал Савельев. — Бои потихли.

— И я то же думаю, — обрадовалась тетя Даша.

Однако, выкурив закрутку и послушав, что писал Игорек с фронта, — оказалось, они воевали рядом, тот у Великих Лук. — Савельев распахнул полушубок и переложил зашипенную пачку денег в карман. Спросил насчет Тишинского.

— Конечно, чего там не достать, конечно, — совсем не удивилась она. — Достанешь.

— Я оставлю чемодан. И вот тетя Даша...

Вынул банку тушенки, насыпал сухарей.

— А у меня картошка! Вернешься, такой пир закатим. — она подмигнула. — И рюмочка найдется. Да-а... Надо же, во время войны отпускают с фронта здоровых. Вот родителям повезло... Что это, орден у тебя аль еще что?

Она заметила на гимнастерке гвардейский знак. Говорила все от простой души, но Савельева кольнуло. И в трамвае, и на улицах он со своим роскош-

ным чемоданом уже заметил взгляды: откуда, мол, такой здоровила. Следовало помнить, что не в отпуске. Скорее бы сделать все — и обратно.

На Тишинском торговали и менялись продуктами. Был и промтоварный ряд, продавали и зеркала, и настенные часы, и вообще, что хочешь. Но только в самом дальнем углу на разостланных рядах Савельев увидел гайки и гвозди, разболтанные тиски, всякий металлический хлам.

— Сколько? — он поднял ржавый без ручки рашпиль.

Ждал всего, но дядька-хитрован загнул такую цену, что содрогнулся. Всех его денег хватило бы на жалкий десяток. Да и ничего похожего вокруг больше не было. Однако вынул кисет, бумажку, дядька тоже потянулся — пожалуй-ста.

— Помельче ничего? — Савельев кивнул на товар.

— Помельче? — ответил тот вопросом и, ловко замусоливая гигантскую цигарку, остро глянул, как мудрец на глупого. — Эт-то, знаешь, какой инструмент? И табакерки, и мундштуки, и зажигалки. Помельче, служивый товарищ, значит подороже. Бывает. Я не держу — пропадешь.

Он кивнул на табличку «Милиция». Вот тебе, советчик Гусенков, и вся ярмарка. К тому же Савельев заметил: приглядываются двое военных с красными повязками, надо было уходить. Пробиваясь через толпу, увидел в витрине палатки запыленный, выцветший плакат — игрушки. Ну и ну! Выбрал тряпичного пса с развесистыми ушами, с черными бусинками глаз. Для братика, для Юрки, которому было теперь четыре года.

Вечером, немного хмельной, сошел у Павелецкого.

— Оськина! — крикнул он в форточку.

Подошел совсем другой человек.

— Оськина откомандировали на фронт.

— Но...

И опять захлопнулась форточка. Понурый Савельев обогнул здание и увидел, что посадка началась. Люди давили друг друга, всасываясь вперед: но в узкую горловину решетчатой калитки, на платформу, проникали далеко не все. Сбоку предусмотрительно оставили проход, огражденный серыми металлическими трубами.

Савельев решил попытаться. Вынул из планшетки документы и, чемодан у ноги, втерся в толпу, отдал себя ее течению. Наконец вытолкнуло к главному, к офицеру. Тот схватил бумагу, быстро их пролистал и молча кивнул вправо. Двое патрульных расступились, сзади нажали, и он со своим чемоданом мог идти куда угодно, только не к поезду.

Солнечный день сменился морозцем. До отхода поезда оставалось уже недолго. Ну зачем, зачем он понадеялся на этого Оськина? Зачем еще утром не пробился в комендатуру, не вырвал визы? Ждать двое суток? Возвращаться обратно? Все было невозможно, и он подумал об электричке, а там попробовать на что угодно, хоть на товарняк, хоть на крышу вагона. А вдруг и там — патрули, заграждения, безнадежный номер?

— Вот дьявольщина!

Рядом с Савельевым стоял молодой человек, тоже в полушубке, но в каком-то ином, вроде поддевки. Горбоносый, черный, как вороненок, худой. Широкие плечи, узкие бедра. Странно бледный, желто-лимонный. Шапка, впрочем, была армейской, со звездочкой, и сапоги, и бриджи. На плече болтался вещмешок. Он злобно оторвал мундштук папиросы — настоящей, каких Савельев давно не видывал, — сплюнул на асфальт и, ища сочувствия, оглянулся.

— Каково, годок, а? Тебе куда? В Т.? И мне тоже.

Едва заметный нерусский акцент, а слово «годок», типично русское, знает. Оба пожирали глазами такой близкий и недоступный состав. Горбоносый сморщился, вроде от боли, спросил: «Можно?» и сел на чемодан. Но сразу вскочил, сбил шапку назад.

— А что в чемодане?

Савельев не понял.

— Я спрашиваю — полный? Нет? Ну все! Скорей!

За углом он сбросил полушубок, шапку, ремень и, без спроса раскрыв чемодан, затолкал все туда вместе с вещмешком.

— Скорей же!

До Савельева дошло. Через минуту, оба раздетые, вроде все уже оставили в поезде, а это последнее, они тянули груз сквозь примолкшую толпу. Офицер скользнул взглядом, сказал: «Торопитесь», и они выбежали на платформу. Состав дрогнул, заскрипел и медленно двинулся вперед. Обогнали несколько вагонов и, наконец, увидели открытую дверь, где стоял патрульный.

— Браточек! — крикнул горбоносый. — Не успеем до своего вагона!

Тот посторонился, они ввалились в тамбур. Напарник, ловя воздух открытым ртом, прижал руку к груди. Патрульный покачал головой.

— А если б отстали? Без одежды-то?
И прыгнул на платформу. Поезд набирал ход. Савельев глянул на своего напарника — надо же, придумал такое! — и оба захохотали, не оставив новить.

— Тебя как зовут? Леонид? — глаза нового знакомого под черным смоляным изломом бровей сверкали победно. — Меня Гиви. Ну, грузин я, из Грузии, бабушка только русская. Три дня отпуска после госпиталя, хочется повидать. И так-кая удача, подвернулся ты мне. Теперь с нами ничего не сделаешь. Сел, значит, все — написанный закон!

Постепенно отдыхаясь, он горланно выпаливал слова, а Савельев поглядывал на него с завистью. «Красная Звезда», золотая нашивка за ранение — тяжелое. Вообще орел.

— Можно было бы взять отпуска и побольше. Грузию повидать — горы, море... Там сейчас весна в разгаре. Поверишь — не могу. По-обили нас — тьма. Часть отвели в Горький, на переформировку. Вернуться — значит, глину полгода ногами месить. Не-ет, не могу. Подсказали знающие. Я комсомолец — так? И есть партизанский отдел цена комсомола — так? Теперь удалось в их распоряжение. Это — по мне! Я ведь, если хочешь знать, в военной академии начинал учиться — подрывник!

Поезд громыхал на стрелках, в щели тамбура дуло, и они распатронили чемодан, оделись. Покурили настоящий Гивин «Беломор».

В душном вагоне, где люди сидели и на третьих полках, нашлось и для них местечко. И Савельева снова охватило чувство приближения к дому.

Отец, мачеха, Юрка.

Мать умерла, когда Лене было семь лет, и он трудно пережил горькую потерю, годом позже других пошел в школу. Отец привел домработницу, тихую старушку, говорила, будто из-под Астрахани, паспорта не было. Каждый год Леня ждал лета, когда с босоногими дворовыми ребятами, а еще лучше с отцом, отправлялся на купанье, на рыбалку — прекраснее не бывало. Ожидание поклевки, загадочный бредень, где вокруг вскипала рыба, костерок, уха. Пусть и проклятая мошкара, от укусов которой гудели руки, ноги, шел — до крови расчесывал. С пойманной рыбой в ведре подгрести лодку к пристаньке, где знакомый лодочник доставал из садка здорового осетра, вспарывал ему брюхо и выворачивал ястык в подставленный бидон. Блестящую как антрацит икру присыпали мелкой солью. Пока возвращались домой, она была уже готова, и, хватив маленькую, отец ложился на топчан, Леня рядом — начинались рассказы из жизни. Об отцовом детстве, об учительской семинарии, о гражданской войне. Отец поднимал густые брови, жестикулировал, показывал в лицах, а Леня готов был слушать затаив дыхание и бесконечно. Одну историю просил повторить не один раз и особенно запомнил. Дело было в девятнадцатом году, когда отец — красный командир — поехал из Саратова в Москву за новым назначением. Отъехали недалеко. В Разбойщине поезд остановил отряд белоказаков, прорвавшихся дальним рейдом с юга. Проверили документы, и отца с его товарищем вывели на расстрел. Луна над белыми ковылями светила всюю, а бородатый казак с винтовой наперевес вел их двоих к ближнему оврагу. Все это было нелепо, умирать, ой, как не хотелось, а разве сбежишь при такой луннице. И отец думал, как бы изловчиться, как сбить этого казака неожиданным ударом. Да тот, сохраняя дистанцию, близко не подпускал. Вот и овраг, вот и все. (Тут Леня, уже знавший, чем кончилось, всегда замирал). Встали на краю, повернулись. А казак пальнул вверх точно два раза и сделал знак — бегите. Такой был казак. Узнать бы фамилию, жив ли да откуда.

— Пойди кто другой — и все, — отец ласково ерошил Ленины волосы, от руки его пахло дегтем, рыбьей чешуей. — И ты не родился бы.

— Покажи свои ордена. Ну покажи, пап.

Отец был не старый. Ильичична не раз затевала разговор: пора сыскать себе хозяйку. В эти минуты Леня ненавидел ее, вспоминалась мама, веснушчатые нежные руки. Накаркала, в доме появилась Клава, женщина вдвое моложе отца и всего-то восемью годами старше Лени. А незадачливая Ильичична собрала сундучок и стинула в безвестность, унеся свою тайну.

Все изменилось; они переехали в Т. Изменились знакомства, весь распорядок жизни. Сначала Леня даже не знал, как назвать ее. Мама — невозможно, грешно. Тетя — никакая она не тетя. Клавдия Петровна? Она сама звала отца только Владимиром Васильевичем, и это, по мнению Лени, было правильно. В конце концов приучился тоже звать Клавой. Но отношения между ними не сложились: Леня был упрямым, она — скуповата и несдержанна, любила покомандовать, короче — нашла коса на камень. Отец недовольно

хмурился. И однажды Леня узнал, что переменялось все гораздо круче, чем он думал. Вернулся из школы незамеченный, дверь комнаты была приоткрыта. Клава сидела у отца на коленях, расчесывала волосы. Отец говорил, что Леонид скоро кончит школу, уедет и... Не в силах слушать дальше, тихо попятился, забился в сарай и долго лежал там, глядя на паутину в углу. Он был один в этом мире.

Впрочем, отношения смягчились после рождения Юрки. Никуда не деться, братья. Бывало, отец с Клавой шли в гости, в кино, а он, читая книгу, подталкивал коляску с Юркой взад-вперед и даже менял мокрые пеленки или совал в жадный ротик соску, надетую на бутылочку с молоком. Юрка улыбался, гугукал — свои.

В училище получал посылки — сало, ящик с яблоками — взвод уничтожал радостно и мгновенно. Адрес сама иль по настоянию отца выводила печатными буквами мачеха.

В Т. лейтенант Гиви Осидзе вскинул вещмешок на плечо, сказал: «Давай!» и потопал на тракт — к попутным машинам. В городке Расказове ждала бабуленька, как он ласково сказал, и Савельев позавидовал ему. Долго смотрел вслед, но Гиви так и не обернулся.

На привокзальной площади стояла обшарпанная полуторка с черными цилиндрами по бокам. Такого Савельев не видывал. Шофер загружал их чурочками, и он догадался, что с бензином дела плохи. Весьма своевременное изобретение. Забытые запахи — лошадиного навоза и растоптанной соломы, кизячного дыма и тополевых набухших почек смешались с весенним живым воздухом. Южнее — теплее. И все-таки пока ездили на санках, полозья которых оставляли полированные следы. Он и пошел по ним, оскользаясь на скрытых проледнях, — к мосткам.

Деревянные мосточки были необходимы — иначе во время распутицы из этого чернозема ног не вытянешь, — и раньше их подновляли. Теперь выщербины, пустые места — война. Они скрипели под его шагами, уже не легкими, мальчишескими, а тяжелыми, армейскими. Какая-то женщина остановилась, он не признал — кто, однако поклонился, и она тоже кивнула. Домики с палисадниками вросли в землю, обшарпались — некому наводить хозяйский лоск. Слева все так же дымили бурым углем заводские кирпичные трубы — одна побольше, другая поменьше, и так же слышалось уханье парового молота. «Промтруд» работал. Но были и изменения. К заводскому забору, почти в целый его рост, приладили столбы, между которыми натянули колючую проволоку, а на углу воздвиглась вышка, где стояла фигура в длинной до пят шубе и с винтовкой в руках.

Его не ждали. Так он и мечтал — приехать неожиданным.

У крыльца копошился белоголовый мальчик, обвязанный поверх пальтеца старым шерстяным платком, в валенках с калошками. Подставив снятую шапку, сосредоточенно набивал ее сосульками, обламывая с подоконника. Савельеву стало горячо, пересохли губы. Задержался у калитки. Юрка, братик, вырос-то как.

— Ты что это делаешь?

Юрка поднял на незнакомого военного зеленые в коротких ресничках глаза. Клавины, вся отцова родня были кареглазые.

— Что ли не понимаешь? Бомбы это.

— Бомбы? Давай тогда отбомбимся.

Подхватил его на руки и разбросал сосульки по сторонам.

— Боже! Леня!

Мачеха обрадовалась. Обрадовалась безо всякой фальши, и это было неожиданно. Обнять же не получилось.

Позвонили отцу. В трубку — звонкий женский голос. Узнав в чем дело, секретарша разохалась: ушел в цех, вот-вот в обком, сейчас попробуют перехватить. Хотела, видимо, спросить, как да зачем приехал сынок Владимира Васильевича, но мачеха, сжав губы, положила трубку. Леня достал из чемодана купленную в Москве игрушку, и Юрка, сияя глазками, вцепился в нее.

— Это Джульбарс, да? Джульбарс?

Захлопотал, притащил оловянных солдатиков, еще Лениных, обломанных, расставил вокруг лопоухого тряпичного пса. Началась большая война.

— Брат приехал. Братики вы, — ласково сказала довольная Клава.

За окном густели весенние тучи: того гляди и дождь грянет. Он сбросил портупею с ремнем и наганом — мачеха опасно глянула — и повесил повыше. Сели за кухонный столик пить чай с вареньем — довоенное, сказала она. Тикали старые деревянные ходики, а она, теребя клеенку огрубевшими пальцами, отвечала на расспросы. Насчет ребят из класса ничего не зна-

ла, а вот в соседних домах получили пять похоронок и одну на девочку, на Саню Горикову. Медсестра. Вспомнил, плавала так, что полтела поднималось над водой. Упрямое в челочке лицо. Да и двоюродный брат Михаил лег безвестно в землю, если не того хуже — попал в плен. Колька Сбитнев, дружок, у отца на заводе, помощником мастера. Ну, это он знал.

— А Борис? — спросил вроде между прочим.

Клава махнула рукой, сморщила некрасивое толстоносое лицо.

— Горе. Не жилец, недолго уж. Говорят, к сердцу поднимается. Отец на фронте, мать одна.

Потупилась, мелькнула слабая улыбка. И Савельев понял: повезло, что нашему отцу уже за пятьдесят с порядочным гаком и его не взяли, а взамен ушедшего туда Николая Ильича сделали директором. Вздохнула.

— Все сама. И с дровами, и с углем, и с Юрочкой вот. Теперь двенадцатичасовой рабочий день, бывает и больше, без выходных. У рабочих изредка отгулы, а он... совсем не видим.

Закрапал дождь, стемнело. Клава опустила черные рулоны светомаскировки, задержала занавеси. Огонек копилки мигал, на стенах колебались тени. Юрик притих у своего войска, крепко обнял тряпичного пса. Клава поставила керосиновую лампу, соскребла нагар, и вспыхнул показавшийся очень ярким свет. Снова увидел руки — в мозолях, в черных трещинках.

— Рвы копали, — она перехватила взгляд. — Не понадобились, слава богу.

Холодное стекло запотело, потом капельки высохли, и вместе с ними буд-то испарились старые обиды на эту теперь уже и не такую молодую женщину, видно, преданную отцу. Все они были едиными перед той силой, которая хотела втоптать в грязь и не смогла.

— Папа! — вскричал Юрка.

В сенях грохнула половица, и, распахнув дверь, вошел похудевший и непривычный в полувоенном отце. Обнялись, прижались, от отца пахло заводом, гарью. Теперь они были рост в рост. Отец взял его голову в жесткие руки и отстранил — разглядеть.

— Свиделись, — сказал он. — Прямо на бюро сообщили, секретарь говорит — беги. Хорош сынок. Мужичина! И весь в мать, глаза только мои. Ну, воин, расскажешь, какие дела.

Мачеха собирала на стол. Появилась и поллитровка, и немножко салца, и квашеный кочан, и грибы, с довойны, от которой отделяло — подумай! — всего восемь месяцев. Нарезала привезенной им колбасы. Савельев открыл банку бычков, неведомо откуда раздобытую и сунутую Гусенковым в чемодан. Сам же чемодан, где на случай оставил кружок полукопченной, буханку хлеба и вязаночку концентратов, был спрятан Савельевым с глаз долой. Стуча крапом умывальника, отец фыркал на кухне. Юрка, который, сунув палец в рот, наблюдал за родственной встречей, что-то окончательно сообразил и, подойдя к брату, решительно вскарабкался на колени, обхватил своими в шерстяных носочках ножонками его ногу.

— Что это? — он увидел открытую банку.

— Бычки. — Леня поддел в тарелку. — Ешь.

Неловко зажав вилку пятерней, Юрка попробовал. Подумал.

— Какие бычки?

— М-му... — Леня показал рога, а Юрка, поняв шутку, рассмеялся.

— Как-кие бычки. Рыбки это.

— Откуда ему знать, — вздохнула Клава, ставя на стол чугунок с дымящейся картошкой. — Что они теперь видят. Вот и хлеб ваш военный совсем другой. Вроде пряника.

— Ну, ты уж... — оборвал отец. — Посмотри, как кругом живут.

Опустил засученные рукава, придвинул стул. Выпили. Говорили о делах на фронте, о новых надеждах и, конечно, о тех немислимых, почитай, руками одних женщин и подростков выполняемых заданиях, которые нельзя было не выполнить. Отец поглядывал на кубарики, на гвардейский знак и улыбался, видно, тому, что сын жив, невредим и вот сидит рядом — взрослый человек, который все понимает. Савельеву было приятно звучание его сильного голоса, приятно услужливость Клавы и ощущение тепла на коленях, запах птенца, исходивший от беленьких волос Юрки. Лампа горела в полный накал, на лицах была радость его приезда.

Но когда Клава повела укладывать артачившегося Юрку, они примолкли. Опустив голову, отец скрестил на скатерти пальцы, большие поставив впритык друг к другу — давняя его привычка.

— А Николая Ильича не встречал? — спросил он, имея в виду прежнего директора. — Полковник. Хотя, конечно, откуда, фронта у нас длинные...

И снова примолкли. Савельева сразу удивило, почему ни Клава, ни тот отец не задали такого естественного и необходимого вопроса: как стили, надолго ли? Он свернул сигарку, прикурил прямо от лампы и, сощурясь, глянул на отца. Пора. Завтра с рани ускачет на завод, а времени мало. Отец опередил его. Расцепил пальцы, вытянул руки перед собой, откинулся на спинку стула.

— Знаю, зачем приехал.

Леня мелко поморгал, пожал плечами: вряд ли, мол.

— Знаю. Не ты первый. У нас таких... эмиссаров хоть пруд пруди. Заранее знаю, что скажешь. Как это нужно и твоей части, и всем нам, будешь апеллировать к долгу и сознательности — подучили небось. Будешь просить из использованных и бракованных. Поэтому прямо и сразу — ничего не могу. Не то что каждая единица изделия, каждый грамм такого металла под строжайшим учетом. Брак — в переплавку. Только ГКО, — отец поднял палец, — только Государственный Комитет Оборонны вправе распоряжаться продукцией. Никто больше. Иначе — военный трибунал.

Леня ткнул окурком в блюдечко. Вышибли аргументы, как скамью изпод ног. Потупив глаза, он щипал старенькую скатерть. Волосатые пальцы отца выбивали дробь.

— Поэтому мой совет — немедля возвращайся. Завтра поезда нет, послезавтра вечером. Бумаги привез? Отвечу и объясню внятно. Ничего, простят.

Клава тихо собрала посуду, унесла. Леня пришибленно молчал, и отец положил свою руку на его.

— Пойми, не обижайся. Разве не хочу помочь? Тебе, всем? Эвакуация сбита. Наладят, скоро наладят, чтобы в этих железках не было никакого дефицита. И все-таки кое-что постараюсь сделать...

Леня поднял голову. Под кустистыми бровями ясно светились карие, в усталых морщинках глаза. «И у меня брови когда-нибудь будут такими», — подумал он.

— Позвоню начальнику ФЗО. Мужик хозяйственный и, думаю, зажал что-нибудь. На многое не надейся, но пяток-десяток разных калибров подбросит. Бесплатно.

— Деньги есть, — вскинулся Леня.

— Кому они нужны, — усмехнулся отец. — Кстати, как дружка твоего Сбитнева, ну, архитектора несостоявшегося, зовут?

— Николай.

— Скажешь своему Николаю, чтоб заглянул в канцелярию. Дам указание на отгул. Пусть поможет, ходит с тобой. В школу, в техникум, я везде позвоню. Хоть что-нибудь.

Клава постелила, взбила подушки. Приставила в ногах стул.

— Ишь какой вымахал! — сказала она и прошептала: — Не обижайся, Ленечка. Сам знаешь, какой он у нас.

Это он знал. Нет, отец никогда не ловчил — ты мне, я тебе — он был сурового закала, и, вступая в партию, Савельев твердо верил, что таких, как отец, в ней подавляющее большинство.

— Леня! Ле-енька!

В окно барабанили изо всех сил. Светало. Савельев вскочил и прильнул к стеклу. Открыл форточку, откуда побежал озонный воздух.

— Давай сюда, — сказал он шепотом.

— А что, супруга директора еще почивает? — Колька тоже перешел на шепот. — Давай лучше ты. Давай-давай!

На дворе Колька вытянулся во фронт, крикнул: «Смир-рн!» и доложил:

— Солдат великой армии труда построен по вашему приказанию!

Обнялись, и Колька, подхватив снизу, приподнял-таки его над крыльцом.

— Ну, Леня! Тяжеленок однако.

Пригляделись друг к другу. Колькино лицо вытянулось, исхудало, скулы выперли, но глаза смотрели бодро-весело, и пожалуй, в них даже прибавилось постоянной смешинки. Молдавским кулем палаха, перехваченная ремнем с царским орлом на пряжке телогрейка. Штаны заправлены в так называемые ноговицы, которые в Т. и прежде самостийно простегивали из лоскутов и ваты бережливые хозяйки, чтобы носить их зимой в калошах.

Одним словом, партизан партизаном.

Бывает, что старым друзьям, давно не видавшимся, необходимо время, чтобы вновь ощутить друг друга, а потом уж наладить новые контакты. Здесь

же Савельев сразу почувствовал, что нить, которая связывала их эти годы, не оборвалась, а окрепчала, посуровела.

— Знаю, все знаю. Знаю, зачем приехал. Заскочим ко мне? Я один Брат и отец в армии, мать в деревне барахло меняет. Жрать, братец, надо.

— Слушай, — спохватился Савельев. — У меня колбаса осталась.

— Потом, вечером.

А что, собственно, будет вечером? Ленья вопросительно посмотрел на друга.

Дом, где жили Сбитневы, был недалеко — коммунальный, построенный для железнодорожников еще в середине тридцатых. Подобрали обретенное кем-то полено — на растопку. Квартира совсем промерзла. И пока разгоралась каменугольная мелочь, Колька намыл чугун картохи, поставил на печурку и, протянув руки к теплу, начал рассказывать.

— Дядя Сережа погиб — под Москвой. Еще Колодин. Их сосед, рядом с Нальшой. Эх, Колода. По глупому. И до фронта не доехал, эшелон разбомбили.

Помешивая кочергой. Колька говорил и говорил, называя все новые имена, знакомых или полужнакомых, погибших ребят, и в сознании Савельева они застыли неподвижно-торжественными фотографиями мгновения, когда настигала пуля, осколок, мина. Дядя Сережа! Недокричав «ура!», он ткнулся всем небольшим, добрым телом в октябрьский подмосковный снег... А он, Савельев Леонид, вовсе не трус, здоровый парень, разъезжает по тылам, поживает с товарищем, жрет картошку!

Колька подождал, пока Ленья свернет цигарку, и ловко перехватил ее, прижег от уголька, затянулся...

— Хор-роша махорка. Оставь, братец, сколь не жалко, а то у нас мосадик, знаешь, пополам с подсолнечным стеблем. Да и за такой тетка Матрена полшкурки дерет.

Ленья согласно кивнул и отсыпал из кисета половину на газетный лист.

— А тебя что уберегло? — прищурился Колька.

— Как?

— Я не к тому, не все погибли. Но в техниках вроде безопаснее? Не папаша ли?

Кровь бросилась в лицо, Савельев вытер вспотевший лоб.

— Ну, знаешь! Да я батареей командовал!

— Извини, — спокойно сказал Колька. — И не пузырься. Безунчики везде встречаются.

— А вот сам-то ты...

Нехорошо сказалось, не по-мужски. При чем Колька? И будто от виноватости — поделить пополам. Ладно. Это за безунчика, за противное слово. Колькины глаза сделались особенно прозрачными.

— Обо мне разговор потом.

Когда вышли во двор, Колька потащил в длинный из вагонных досок сколоченный сарай, где они бывало валялись на сене — судачили, читали, строили планы. Сбитневы держали козу, а те и двух. Пригляделись со света. На стенке деревянное корыто, рубить капусту, лопата и грабли в углу, козлы, старая искореженная койка. Коз не было — съели, наверное.

— Гляди.

Колька показал на дальнюю стенку, на фанерный щит с темным сучком,

— Давай-ка.

Савельев не понял, но тот сам расстегнул кобуру, вытащил наган и ловко подбросил его в воздухе.

— Сколько разрешаешь?

— Пальбу затевать? Это, знаешь... Ну ладно — три.

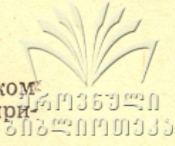
— Пять, — поправил Колька. — Чтобы без случайностей. Центрально-го боя?

— Под яблочко.

Он скинул молдавскую коричневую папаху и, не закрывая незрячего глаза, нажал спуск. Бросился к щиту, сказал «ага» и с короткими перерывами, одну за другой, всадил туда еще четыре пули. Подошли. Сук был выбит. Но на доске за ним все пять дырочек уложились в круг не больше медного пятака.

— Здорово! — с искренним восхищением воскликнул Савельев. — Экстра!

Колька протянул револьвер и после завершения дела стряхнул ладони. Это у обоих была такая привычка: подражали рабочему классу.

На дворе смотрели в окна, Савельев заметил, узнавали.. Мостиком через ограждение пошли к городским кварталам, и здесь в низине Колька приостановился, расстегнул телогрейку. Вынул конверт.

— Вот что, милый мой братец. Сейчас займемся делом, но прежде... Спрячь. — Он проследил, как Савельев убрал конверт в планшетку. — Закрытие в цеха комсомола, в партизанский отдел.

— Есть такой, слышал, — Савельев вспомнил попутчика Гиви.
— Занесешь. Писал без конца — не отвечают. Зайди, поговори с кем-нибудь. Самому без пропуска в Москву хода нет. И дезертирство припишут — военное предприятие. Твой же краснзнаменный папаша на суде речь произнесет.

Снова тронулись. Колька зло шагал в распахнутой телогрейке, размахивал скнутыми рукавицами.

— Не могу! Здоров, тренирован — что еще надо? Страна воюет, а я напильнички для тебя варганю. Вроде Борьки.

Стрельнул здоровым глазом на Савельева. Ни о Борисе, ни о Нале пока не заговаривали.

— Вот кому тяжело так тяжело. И знаешь, какова его работа? Матьбинты для раненых стирает, а он разглаживает и накручивает. В день полкилометра. Когда наверху, говорит, до линии фронта, тогда и помру.

— А Налья? — решил Савельев.
Колька вздохнул, вроде распрямилась скрытая пружина. Глаза потеплели.

— Долго отмалчивался, братец. Твоя подруга.
— Не называй братцем, хватит, — проворчал взволнованный Савельев.

— Тю! Пожалуйста... Кончила медицинский, сейчас — ускоренно. Шпалу привесли, браунинг на боку — залюбуешься. Конечно, давно бы ушла на фронт. Из-за Борьки остается, нянчиться, чтоб не проглотил какой-нибудь мерзости. Да, брат... Братом-то можно величать?

— Ну.
— Недавно был случай. — Колька улыбался под ноги. — Весь город знает. Мачеха не рассказывала?

— Ну.
— В госпитале работенки хватает, возвращается за полночь. Ну, идет. И сквозь витрину увидела: в продмаге жулики. Так она голубчиков на мушку, заставила выйти и прямо в комендатуру. Трех здоровых парней. Что — браунинг? Так, пустячок. Ей-бо, Ленька, в ней — сила.

У военного коменданта поставили штамп прибытия, заодно и отбытия. Потом в ФЗО, в свою и чужие школы. Верно, с завода обзвонили везде, а результаты оказались плачевные: семь штук сработанных напильничков, которые болтались в кармане полшубка. В техникуме же знакомый небритый завхоз наставительно заметил:

— Товарищ директор человек, конечно, уважаемый, он может просить. Завсегда пожалуйста. А учащихся чем учить будем? Ведь товарищ директор не то что напильника, гвоздя не даст. Или недопонимаю?

— Ты, дядя Сеня, известный жмот, — заметил Колька. — Покурим?
— Обойдусь, — сказал дядя Сеня непреклонно. Пошевелил седыми бровями и, гоня соблазн, спрятал руки за спину.

Ничего не дал. В сквере напротив погоревшего — так и не восстановленного — театра сели на старом привычном месте. Колька, катая скулы вверх и вниз, обрывисто затыгивался.

— Ну, ладно, — бросил под ноги совсем уже крохотный, жегший губу окурок, припечатал калошей. — Чего ради друга не сделаешь. Завтра снова отгул возьму — задолжали! — и пойдем другими маршрутами. Деньги есть?

— Больше двадцати тысяч.
— Подходяще. Но отцу знать не обязательно, молчок.
— Ты что надумал? — отстранился Савельев.

Колька твердо встретил его встревоженный взгляд.
— Береги, браток, нервы. С завода не помру, да и невозможно. Но думаю, еще с довоенных пор у многих сохранилось, а теперь попрятали, боятся. Так я через бабок, через женок, главным образом. Экспроприация с элементами подкупа, не устоят. Сейчас — на разведку.

Они встали.
— Валай домой, как бы не испугать. Вечером, значит, предстоит штаб чепухи, у Бориса. Телефонограммы даны, отменить нельзя. Туда-то, вашество, и захватите колбаску. Мы с Налькой точно к восьми, а ты зайди раньше. Обращайся.

Острый выбритый подбородок Бориса упирался в обтянутые кожей клавицы, видные под распахнутым воротником рубахи. На столике рулоны жидкой масти, пузырьки разноцветных лекарств, книги; на стене утыканная веревочкой красных флажков карта. Форточка настель. Худая рука обессилевшая гладила котенка, который пригрелся на одеяле, но черные сливовые глаза блестяли живо.

— Помнишь репетиции, постановки? Как декорации малевали? Сбитнев — он талант, точнее — гений. Настойчив, как черт! Попомни, добьется своего. Он и теперь рисует, при двенадцати-то часовых авралах. Не показывал? Гораздо лучше прежнего. Плоскостное зрение своего рода достоинство: видеть мир в очертаниях, в переходах линий. Прimitив и по-детски свежо. Да-а... А помнишь, как историк Бабенко с зазубной бегой купаться? Кого-нибудь — читай по учебнику, а сам — в окно. Молодой, моложе, чем мы теперь.

Да, Пал Петрович... Где он теперь? Воюет, конечно, никак нельзя представить его неживым, и воюет по-настоящему. Делает историю.

Война прояснит, к чему мы все годимся. Савельев осторожно глянул на Бориса.

— А помнишь...

Савельев многое забыл, Борис чувствовал ушедшее остро, детально. Его время остановилось. Впрочем, эти флажки, километры бинтов. О Нале ни слова, и, значит, намеренно. Но Савельев опять владел собой. Придет — интересно. И все...

Борис поймал момент внутреннего ухода, тонкие губы вытянулись в линию.

— Ну-ну, — с виноватинкой подбодрил Савельев.

— Ты, может, жалеть меня пришел, воин?

— Что ты!

— А отчего — жалею. Мне себя давно не жалко.

На высоком его лбу, у курчавящихся волос, выступили капельки пота. Сбросил котенка, и тот, недовольно дергая хвостом, двинулся в угол попить с блюдечка. Борис поднял подушки, лег выше.

— Дай-ка сюда, — показал на полку.

Вовремя подхватив провода со штепсельной вилкой и с наушниками, Савельев достал черный рубчатый цилиндрок. Сверху обренок стеклянной трубки, внутри ее пружинка, серебристый кристалл. Детекторный приемник! Но подобные штуки отобрали в начале войны. Затаил Борис, и попробуй обвини его в этом.

— Днем ток бывает. Штепсель в углу.

Он прислонил наушник, другой протянул Савельеву и поднял палец. Пружинка наугад тыкалась в кристалл, и, наконец, Борис удовлетворенно вздохнул.

— Слушай.

Скрипело, трещало, пиликало. Но явственно прорывался истерический голос — с нажимами, с переходами тона, с лающими рыданиями.

— Слышишь? Это Гитлер. Все время. Вероятно, в записи — каждый день так не потреплешься. Вот, — Борис вырвал провод из штепселя. — Иногда это. Иногда — фронт недалеко — и по-русски: переходите, мол, в плен, хорошее питание и прочее. Иногда марши, ох, эти марши. Хочется быть неправым, но война — на длинные годы. Это фанатики. Кожей чувствую, будут биться до последнего, до Берлина. Готов ли ты отдать жизнь, свет, свое будущее для победы? Ну, Леонид, именно ты?

По спине знобко пробежали мурашки. Неужели он, умудренный несчастьем, прав? Нет, за себя Савельев не боится, но годы войны — это немисливо,

— Придет лето — покатытся.

Борис и внимания не обратил.

— Готов ли — какой человеческий вопрос! Для меня его нет. Отдай жизнь, и все равно ты во сто, в тысячу раз счастливее. В миллион. Мне бы месяц не никчемным калекой на паперти, не червем ничтожным, а солдатом. Да что месяц! Обмотайте гранатами, сразу под танк!

Он сжал руки и поднял как бомбу. Вверх подбородком закинулся на подушки. Дверь приоткрылась, выглянуло тревожное лицо матери.

— Боря, Боря...

— Что Боря? — ударил по одеялу. — Зач-чем я родился, в чем смысл? Зач-чем эта гадость? Гадость!

Мать махнула рукой Савельеву, открыла пузырек резко запахнувшей вальерьянки. Он вышел, в сенях закурил. И вдруг услышал скрип открываемой калитки, звук торопливых шагов, ее шагов — узнал. Ближе, обтопталась на ступеньках. Постучала. Но прошло длинное мгновение, прежде чем открыл дверь.

На пороге — только ее лицо, вертикальная, которая стала глубже, складка на лбу, смелая линия скул и подбородка, темные в вечерюющем свете губы, незабываемые брови-дуки и глаза, глаза — длинные, стальные, в синеватых усталых веках. Там отражалось его лицо. Замерли оба. Из глубины комнат тоже текла тишина. Ни звука, ни движения, все замерло.

Ее лицо.

Она улыбнулась: «Ну, хорош!». Протопала сапожками, расстегнула шинель — «помоги, что-ли». Быстро расчесала коротко остриженные темно-медные волосы — «Борис?» — и скорее пошла туда. А он, прислонясь к стене, видел в полуоткрытую дверь, как склонилась над постелью, ладонь на лоб, заговорила что-то. Поцелуй же! Но, вздохматив Борису шевелюру — ее жест, — она совсем по-военному сдвинула назад складки гимнастерки и отступила к окну. Они молчали, и он молчал. Обернулась.

— Ты чего там, Лень?

Котенок, обвивая хвостом сапоги, прошелся восьмеркой, замурылкал.

— Леонид! — крикнул Борис.

Они не успели перемолвиться, как мать внесла немудрящую закуску, поставила бутылку с вишнежкой. Забарабанили в дверь. Ввалился веселый Колька, подмигнул Савельеву — «порядок» — и бухнулся рядом с Борисом, вытянув ноги под стол. Борис выпросил рюмочку. «Пейте, пейте, гости дорогие, больше приветить нечем». Мать тихо закрыла дверь. Расспрашивали, как там на фронте, но после Колькиного урока Савельев сдержанно прятал себя. Поглядывал на Налю: вроде одобряла, как он изменился. А она-то, она! Ремнем затянула, в рюмочку, и сбоку действительно браунинг. Военврач третьего ранга. Такая, какие ему нравились теперь, и во много раз лучше. Савельев подливал себе и Кольке. К слову объяснил, из-за чего, собственно, он оказался здесь. Партизанский белорусский центр — рядом с ними — потребовал немедленной помощи.

— Где это — рядом? — перестал жевать Колька.

— Километрах в тридцати.

— Не врешь?

Савельев пожал плечами, а Колька довольно растер руки и бабахнул из бутылки полную чашку.

— Ну — за войку?

— Не обращай внимания, — усмехнулась Наля. — Сбитняги не знаешь?

Колька заржал и, опрокинув чашку в себя, бросил вслед кусок колбасы. Заговорили, перебивая друг друга. Колька (Савельев сжался от бестактности) хлопнул Бориса по плечу, заверил: военная медицина накопила опыт, непременно вылечат, поставят на ноги. Борис скептически усмехнулся, однако Савельев почувствовал, что надеется: а вдруг? Иначе живому жить нельзя. И Наля рассказала о подобном случае — медленно, но выздоравливает.

Время летело незаметно. Савельев прозевал даже, как Наля примолкла, перестала слушать, сощурилась внутрь себя. Он тоже замолчал, глядя на ее к концам сужающиеся пальцы, на коротко остриженные ногти. Врач. И вдруг подняла рюмку, из которой пока пригубливала, и, помедлив, выпила сразу.

— Задумала, — объяснила всем.

Савельев глянул на Кольку, такого за ней не водилось — выпивать, — тот удивленно выпятил губы. Борис закрыл глаза, будто принимая решение. Взбил волосы и бодро сказал:

— Эге! А время? Знаете, когда ей в госпиталь? В шесть утра.

Из соседней комнаты раздался бой часов. Замолкли, считая. Одиннадцать.

— Все, пора.

Они встали, Колька пошел одеться. Рука Бориса была легкой, бестелесной.

— Стой, не рвись, — позвал он Кольку и мудро усмехнулся. — Век тебя не видел. Налей-ка...

Луна светила ярко, прозрачно. Собаки лаяли, передавая эстафету.

— Как думаешь, Ленья, права я в отношениях с Борисом?

Сморщился, ответил не задумываясь: «Ну, конечно, конечно. Налечка!». И сразу понял, ждала, наверное, поддержки, а он легковесно выпалил свое «конечно» и тем обрезал откровенность. Время сменялось мгновенно: почувствуй, будешь жалеть. Ведь это первая и, может — кто знает? — последняя любовь. На войне мрак никогда не дремлет.

Носком сапога она отшвырнула прочь черневший камешек: собачонка в палисаднике захлебнулась в лае. Ей стало зябко, передернула плечами.

— Пробежимся? — сказал он.

Схватил за руку. Быстрее, быстрее. Наконец, тяжело дыша, она вырвала руку.

— Ф-фух... — остановилась. — Откуда столько энергии? Совсем не та, госпиталь прямо ухайдакал.

Пошли прежним шагом. Но фальшь испарилась, исчезла.
— Недаром спросила. Отец с Верой и тетей Надей в Ташкенте, с ебстлу живцами не разоткровенничаешься. С кем же поговорить?

Глянула, не ожидая ответа, — вот, с тобой.

— Сначала все было естественно — товарищество. И потом. Ты понял: тяжелее доли трудно придумать, и я, насколько могла, поддерживала. Нет, Ляня, случай безнадежный. Теперь в госпитале первоклассные специалисты — все перебивали. Приговор от матери скрываю, а его не обманешь надолго — чуткий. Но права ли я, права ли, Ленька? Он любит, а я с милостыней. Перемучалась я. И может, гублю похуже?

Избегала произносить его имя. Поглядывала на Савельева, жестикулировала, поправляла шапку, а он понимал, что ей необходимо раздобыть, извлечь высшую целесообразность и поступить соответственно.

— И сейчас, думаешь, почему прогнал вместе? Нарочно. Знает, что у нас с тобой было.

— Нет, — сказал он. — Это от широкой души.

И подумал: а что, собственно, было? Глянула в лицо. Остановилась напротив, взяла за рукава полушубка и уперлась теплым лбом в его лоб. Тихо сказала:

— Прости меня. Прости за грубость, за нечуткость — выросла без мамы. Ленечка... Ну, зачем, зачем ты ускакал тогда в Москву? Боялась подойти и прозвала. Все время носила этот груз. Прости.

Он схватил бы и сжал ее радостно — нельзя. Легко и необидно оттолкнулась.

— Расскажи о себе. Пожалуйста. Ну, о самом опасном, когда...

Понял: когда гибель была рядом... Но разве узнаешь это в движении, в горячке, во время артобстрелов, бомбежек и прочего, когда ты часть целого, прогрызающего в наступлении очередные километры? Понятие передовой относительно. Морозный январь сорок второго, месяц назад; кусочек тепла в самой глубине, алчущий крошки еды, минутки сна, чтобы не исчезнуть, разгореться. Война, верно сказано, тяжелый труд. Прежде всего. Именно после боев и спало чудо или случайность, как хочешь так и думай.

Она крепко держала под руку, шаг в шаг.

В соседней части попросили взглянуть на барахливший ПУАЗО. Прибор управления артиллерийским зенитным огнем. Встал на лыжи, махнул по снежной целине — красота, раздолье. И вдруг лыжа поперек, сбилось крепление. Нагнулся поправить. Поднимая голову, увидел в двух метрах даже не холмик, а легкую вспученную, странную в засыпанной снегом ложбине. Объехал на всякий случай. Возвращаясь по собственной лыжне, решил проверить. Укрылся за деревом, бросил туда припасенную железняку. Рвануло — мина! В запале гоньбы наехал бы как пить дать. Ничего романтического и героического, ни предчувствия опасности. Но и так пропадали люди.

Наля задумалась. «Нас всех подстерегает случай...»

— А страх? Настоящий страх?

— Бывало, но не настолько уж, — ответил он и сразу испугался, что примет за рисовку. — О, ты имеешь в виду другое... Ну, когда известно — почти никакой надежды. Не знаю. Не приходилось.

Под звук слившихся шагов она то прямо, то искоса поглядывала на него. Будто заходила. Какой же он, Ляня Савельев, этот длинный техник-лейтенант в перепоясанном крест-накрест ремнями полушубке, с нелепой и ненужной «пушкой» на боку, ради лучшего геройства и шика приволоченной в тыл? (Ей, впрочем, и браунинг пригодился). Каким ей кажется молодым без морщинки лицо, небольшие карие глаза, оттопыренные сдвинутой шапкой уши, пухлые ребячьи губы. Как и прежде, он чувствовал ее старше, хотя были они погодками: в ласковости взгляда — материнское, что-то от взрослой сестры. Но помирились по-настоящему.

Замедлил шаги. Вот и крыльцо домика, и все тот же прозрачный лунный свет, и ее устремленное к нему лицо. Вынул кисет свернуть сигарку.

— Много куришь, — заметила она.

— Много.

Почему-то заторопился, самокрутка расклеилась, выбросил. Стряхнул табачинки с рук привычным движением.

— Прощай, Наля.

— Почему «прощай»? — испугалась она. — Не говори так.

И снова с опущенными руками ткнулась лбом в плечо — пронзительное щекотанье тонких нежных волос. Оторвался, сердясь на что-то в ней, себе, вокруг них.

— Конечно, увидимся потом. До свидания.

На повороте за угол Савельев мгновение помедлил. Голые ветви липы перечеркивали лунный диск. Здесь, он считал, они расстались когда-то на бесконечные годы.

Обернулся. Далеко в лунном свете на выступавшем вперед крыльце темнела ее фигурка. Взмахнул рукой. Но она отчаянно крикнула: «Ле-оня!», сорвалась с крыльца и бросилась вдогонку. Столкнулись посередине у школы, обнялись до боли. Неведомо как очутились у темной стены, соединил вокруг полы полущубка, чувствуя мокрое от слез лицо и как заолодевшие неумелые пальцы гладят шею, губы. И ему стало тоже так горько, такой ком поднялся в горле, что едва проглотил.

— Не плачь, Налька! Ну, не плачь же!

— Ленечка, родной мой, — голос ее прерывался. — Нечестно. Несправедливо. Пойми, если б любила его, любила бы и сейчас. Верить? Должен поверить. Твой письмеца к Коле все-все перечитала, молчалась неведомо кому, не веришь? Одного тебя и всегда, все время. Хороший мой. Голубонька. А ты? Я знаю, и ты. Нет-нет, молчи.

Она отстранилась и прикрыла темные губы, стараясь поймать в его глазах что-то самое важное.

— А вдруг, — опустила руку, — никогда не увидимся? Ни-когда. О-ой, Ленечка!

Покрыла поцелуями все лицо, прижалась губами к губам. Жаркие льдинки, соль слез. Щека к щеке, он гладил ее волосы. Постепенно успокоилась, затихла и, он почувствовал, приняла решение.

— Я виновата. А ты забудь. Хоть сейчас забудь обо всем.

Поправила шапку и твердо взяла за руку.

— Пойдем ко мне.

Когда он проснулся, ее уже не было. Вскочил, лежала записка, ключ.

«Ленечка, милый! Вряд ли вырвусь проводить. Заклинаю, береги себя. Не прячься, не трусь — береги. Пиши, родной, буду ждать весточки и в ближайшее время исхитрюсь, чтобы послали, где ты. Верю, скоро увидимся. Ведь мы — муж и жена. Скрывать не собираюсь ни от кого. Твоя Наля».

Как же он мог проспать? Ну, дьявольщина! Ключ положил под порожек.

В ней все безыскусно и бескорыстно, и тогда, если подумать хорошенько, вина числилась за ним одним.

Утро было непроглядное, мглистое. Снова таяло, и капли с крыш, с деревьев холодили лицо. Шаг встречных и попутных людей был быстр, деловит — на работу, — и он встроился в ритм. И тот и не тот, совсем другой человек, будто тяжесть земли уменьшилась и она подтапливала снизу его усталое, налитое новой силой тело. Так было надо, никто не обманут, совесть молчала согласно. С востока светлело: за мглой, за тучами поднималось солнце. Оно всегда над землей, только мы не всегда его видим.

Дома подумали: заночевал у Кольки. Билет на столе, отец обязательно проводит. Леня жевнул картошки, не елось.

— Вещмешок найдется? — он отодвинул сковороду.

— Зачем тебе? — удивилась Клава. — Поспал бы, Юрку во двор выгоню. Всю ночь, небось, в разговорах?

Он усмехнулся — есть, мол, дела, щелкнул Юрку по лбу и через минуту с вещмешком на плече, куда положил концентраты, двинул к Сбитняге.

Колька был хмур, сосредоточен, под глазами залегли тени. Кивнул.

— Посиди.

И отвернулся, доделывая что-то, к тисочкам. Подчистил, подвинтил, налил туда из бутылки и, спрятав за спину, подошел к Савельеву.

— Закрой глаза. Держи.

Савельев ахнул. На ладони красовалась алюминиевая зажигалка, размером в добрый портсигар. И выбитая надпись: «Лене Савельеву от друга». И дата. С обратной стороны — целующиеся голубки. Савельев вздернул брови: зачем? Колька оттопырил губу, хмыкнул.

— Для другого готовилось, — признался он. — На другую потребу.

Савельев приподнял крышечку, дернул колесико. Взвилось светлое пламя. Не желанная игрушка — необходимая на войне вещь.

— Погоди бензин-то палить — авиационный. Здесь регулятор. Это тебе не хухры-мухры, емкость сто восемьдесят граммов. Уникум.

Он гордился, и справедливо, своим королевским подарком. Бросил на стол четыре напильника.

— Спрячь. Теперь мне без надобности.

Савельев удивился: почему без надобности? Развязал мешок, было чем отдарить.

— Воздушный поцелуй. Пригодятся концентратики, да еще Савельев отдал деньги, и начался поход.

Шли от дома к дому, от калитки к калитке, от подъезда к подъезду. Колька поглядывал в бумагу — план, — приказывал ждать за углом, за сарайчиком, чтобы не испугать. Появлялся с тряпичей, в которой брэнчал инструмент, просто вытягивал из кармана пару напильников. Коротко пояснял: «Бесплатно» или «Ободрали, черти!», и Савельев укладывал в вещмешок. Минуло три часа. Савельев взмок в полушубке, лямки оттягивали плечи. Но хорошо было сбросить тяжесть, прислониться к шероховатому стволу или к стене, закрыть глаза. И тогда... и тогда возникло ее лицо, и темные губы, он чувствовал дыхание, которым дышал бы без конца. Жена. Слово странное, неловкое...

— Лень! Ленька! — Колька тряс за плечо. — Уснул? Давай пошли, особый случай.

В узкой комнате рабочего общежития спиной к окну неподвижно сидела женщина. Двухспальная железная кровать с завитушками, стол под чистой скатертью, фикус на окне. Коврик, фотографии на стенке.

— Ну, вот он, — сказал Колька, и Савельев опустил вещмешок.

— Правду, что ли, говорит товарищ-то твой? — голос был надтреснутый, погасший.

— Правду. Есть документы.

— Давай документы.

У окна долго читала. Проседь из-под косынки, дрожащий подбородок. Пожилая женщина и, видно, больная. Медленно, преодолевая себя, нагнулась, выдвинула ящик тумбочки и достала черный дерматиновый футляр. Золотом тисненное: «Solingen». Бережно обтерла, откинула крышку. В аккуратных ячейках лежало и стояло, Савельев прикинул, около сотни различных сечений и калибров напильников, некоторые в бархатных гнездах, почти ювелирные. Такого во сне не увидишь.

— Сколько? — слотнув слюну, спросил он.

— Что, сколько? — не поняла она и вдруг уразумела: — А-а-а... Нет, милый. Мужнину кровь не продаю, не сговоримся, не хватит.

Села обратно, задушила, прикусив пальцы, рыдание. Колька потупился; Савельев не отводил виноватых глаз. Ей было лет тридцать, а может и меньше, если судить по чистой, нежной коже лица, по исхудалой, но ладной фигуре.

— Простите, — он снял шапку, которую давно следовало бы снять. — Пусть немецкое обернется против них. За вашего мужа.

— Разве я против? — она вскинула тонкие брови. — Забирайте.

И махнула рукой, отвернувшись.

Колька побрел по коридорам общежития — это была их последняя точка. Савельев тяжело опустился на скамейку у входа, не захотелось прятаться. Быть мужем и женой во время войны — трудная доля. Тревоги, муки, моления...

— Все! — припечатал Колька, попробовав вещмешок на вес. — Килограммов сорок. Чего нос-то повесил?

Закурили. Тоже приустал, обмахнулся молдавским кулем, грустно усмехнулся.

— Не архитектором мне, а председателем, скажем, колхоза. Где уговаривать надо. Или писателем. Зайду в очередное местечко, насквозь вижу, что и как балакать. Когда правду, когда неправду, когда так дадут, когда раскошеливайся. Ей-бо, сморщит иная губы, опустит языньки, а я вижу — с хитрецей. И винить нельзя, трудно живут люди. А эта, — он кивнул на футляр, который Савельев держал под мышкой, — я узнал, Федорова Лена, с неделю похоронку получила.

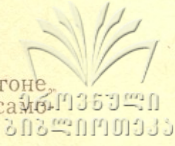
— Оно и видно.

— М-да. Встречались, не скрою, и гады. Ахнуть можно, воруют ведь! Да-да. Но тут ни одного нового, по клеймам следил, отбрасывал. Все чисто. Наше дело не прокурорское, сами нарвутся.

Он ткнул окурком под скамейку, напаялил молдавский куль на макушку. — И все-таки... Давай, брат ты мой, несем в товарную контору. Не надо отца дразнить. Провожать пойдет? То-то. В каком ты, кстати, вагоне?

— В третьем.

У савельевского дома Колька промерил что-то в глазах друга своими прозрачными глазами и двинул прочь, разбрасывая ноги в стеганой обуви и калошах, подклеенных заплатами из старой велосипедной камеры, отслужившей верно свой срок в их прежних гонках по окрестностям.

— Николай!

Не обернулся, только взмахнул рукой. Хм! Недаром спросил о вагоне, придет. И Савельев улыбнулся вслед, растянув губы, которые сейчас самому показались не пухлыми, а твердыми, резко очерченными.

Успеет забежать в госпиталь? Нет, через полчаса — на вокзал.

Клава заплакала: провожать не в силах, сердце заходится. Сгорбив плечи, отец виновато нес чемоданище, где сиротливо болтались первые напильнички и положенный Клавой кусок сала. Мостки прощально скрипели под ногами. Все оборачивался к старшему сыну, который верхом на шее нес Юрку, и говорил, пусть он там скажет, что никак нельзя, а будет послабление, по адресу части найдет способ сразу выслать. Юрка прищоривал, взбрыкивал, как всадник, ножонками, и Савельев был рад, что братишка мешает лицемерным ответам.

В зале ожидания буркнул: «Минуточку», схватил чемодан и, не оглядываясь, юркнул в коридор товарной конторы. Вместе с Колькиным знакомцем, минуты не прошло, распихали инструмент по отделениям — золингеновский футляр ровно лег в одно из них, — и тот плоскогубцами скрутил ручки проволокой. На сотнягу, протянутую Савельевым, скривился, однако взял. Репетируя, что никакой особой тяжести чемодан не представляет, Савельев бодреньким бегом понес его назад. Повернул ручку двери. Но тут-то и увидел, что сбоку в оконной нише стоит отец с Юркой и наблюдает за всей этой суетливостью. Вещмешок, который он хотел передать знакомой кассирше для возврата, висел на плече дополнительной уликой. Замер в неловкой позе, как у городничего в финальной сцене.

— Так!

С отцовского лица смотрели его собственные гневные глаза.

— Поставь сюда.

Голос был властен, такого Савельев не слышал. Поневоле перекинул тяжесть в другую руку, поставил. Отец приподнял чемодан. Сдерживаясь, поправил фуражку с бархатной тульей, где скрестились молоток и гаечный ключ, за лакированный козырек.

— Ну что ж, — сказал вроде спокойно, — это все останется здесь.

— Нет, не останется, — вздохнул Савельев. — Видишь ли, папа...

Но отец поблдевел, мучительно свел брови и взмахнул рукой.

— Останется. Кроме того, расскажешь, как похищено и переправлено и какое участие принял этот... твой друг Сбитнев. Размотаем веревочку, всех примерно накажем.

Он рубанул ладонью по воздуху:

— Всех! Все жулье!

— Отец!

Лицом к лицу, их разделял злосчастный чемодан, они дышали так, что Юрка сморщился, дрогнули губы. Но отец тряхнул его за руку, и тот притих, съезжился в накрест перевязанном шерстяном платке. Объясниться было просто. Однако оскорбление ждало и никак не отпускало горло. Что-то необходимо выяснить, что-то недавнее. Не вспоминалось. За окном сутились люди, началась посадка. На лице отца застыла презрительная усмешка. Нет, сначала не оправдываться, это потом, потом.

— Хорошо, — овладел собой Савельев, — накажем примерно жулье. Но тогда и меня.

— Ну-у, — вдруг сбился отец, — ты в армии. У вас свои надобности и порядки.

— Как же нет? Ведь и я соучастник, ведь и я прятал и увозил ворованное. Как же нет?

— Тебе дусть совесть подскажет.

— А если заупрямлюсь?

Отец примолк. Стало неприятно, жалко, никчемный разговор, но тут-то и вспомнил, что мелькало и никак не давалось. Даже холодно стало. Отступить было нельзя.

— А знаешь, папа, — медленно процедил он, — спрошу прямо и уверен, не скроешь правды. Не твоими ли стараниями и в самое опасное время, когда мои одноклассники и одно... — потер лоб, никак не подбиралось слово, — ...и мои ровесники жизнь, папа, отдавали за родину, не твоими ли стараниями меня перекинули в техдивизион и так далее?

Отец смотрел в изразцовый вокзальный пол. Значит, Колька был прав. — Не волнуйся, — сказал Савельев, — жуликов ищи в другом месте. Купил из старых запасов, припрятали люди. О Кольке же Сбитнев помни, что он и гаечки паршивой не возьмет. А я — тоже попомни — добьюсь перевода в строевые. И это, — он стукнул по чемодану, — мне поможет.

Молча вышли на перрон. Пока суд да дело, до отхода остались минуты. Савельев отдал вещмешок.

— Погоди, Леонид.

Отец заторопился, снял «кировские» — с темным свечящимся циферблатом, которые были подарены сослуживцами, Савельев помнил, к пятидесятилетию, — и застегнул еще теплый ремешок на запястье сына.

— Носи, тебе нужнее.

— Ну, папа...

Обнялись, поцеловались. Поднял и прижал Юрку.

Он стоял у открытого окна и смотрел только на них двоих. Юрка задрал вверх нежное бледное личико, отец близоруко щурился. И вдруг пришла самая простая, самая верная мысль. Пронзила. Все эти годы и с другой семьей отец любил и его, чувствовал себя виноватым в чем-то и вот решился подстраховать в великой мясорубке, охранить немного, потому что тревожиться о Савельеве как о мальчишке, о сыне, о родном больше было некому. И думал, что об этом поступке никто никогда не узнает.

Поезд тронулся, быстро набирая ход. Отец с Юркой шли по перрону. И вдруг Юрка заплакал, вырвал руку и бросился вслед.

— Леня, не уезжай! Леня, мой миленький! Леня, не уезжай!

Отец догнал и подхватил его у самого края платформы.

Крутой поворот, и они исчезли. Савельев незаметно смахнул слезу.

Обернулся искать место.

— Колька! Ты очумел?

— Все, контора закрыта. Не могу больше. Устроил представление, завкадрами требуют в цех, и выкрал документы. Теперь никому не сыскать. Матери оставил записку и твои концентраты.

— Ну, Сбитняга!

Ранняя Москва: солнечная, весенняя. Поезд приняли на Казанский вокзал, и тяжелющий чемодан перенесли всего-навсего к соседнему Ленинградскому. Без помех закомпоновали билет, сдали в камеру хранения поклажу. До Калининна наладили регулярные пассажирские. Колька вовсе заробел — курил без конца — столица, которая слезам не верит. Оставалось шесть часов, то есть, подбадривал Савельев, четверть суток, а это совсем немало.

Гулкое полупустое метро мигом домчало в центр.

Но в набитом сидевшими и стоявшими молодыми людьми прокуренном коридоре, где располагался партизанский отдел цеха комсомола, в гомоне голосов и разнообразье деловитых лиц они растерялись оба. Им уже, впрочем, подсказали, что дела так не делаются: направляют через обкомы, райкомы, через бюро Осоавиахима — здесь не контора найма. Колька угрюмо шнырял глазами, искал невидимую щель проникновения.

— Нет, как хочешь, — сказал он. — Не выйдет — с тобой. Верно, что там партизанский штаб?

И вдруг:

— Лейтенант! Савельев!

Недоуменно обернулся, кто бы мог знать по фамилии. На него налетел и схватил в охапку черный горбоносый парень.

— Гиви!

— Ленча!

Вдобавок к прежнему необычному наряду его украшала серая кроличья размахайка. На сияющем черномбровом лице — радость встречи.

— Как оказался тут, генацвале? А нам опять по дороге. Направлен к белорусам, в Торопецкий район. Когда отбываешь?

— Сегодня.

— Значит, по дороге. Ну, Ленча... Однако, однако. Что-то в тебе изменилось, сразу и не поймешь что. Я бы сказал — повзрослел. Свои дела сделал? Савельев кивнул: угу, вот и чемодан. Познакомил с другом. И рассказал, как все складывается.

— Так, ребята, — Гиви оглядел нового человека сверху вниз, от молдавского куля до торбочки, до ноговиц с калошами, а потом рассмотрел мрачнющее лицо, не преминул заметить сбитые рабочие ногти. — Будете вы, ребята, помнить Гиви Осидзе! Давай документы. Ну, шевелись!

В глубине коридора они замерли у полуоткрытой двери. Гиви склонился над тоненькой секретаршей в военной форме, затряс перед ней документами. Она и не смотрела на них, все на самого с белозубой улыбкой жестикулирующего Гиви. Покорно придвинула машинку, достала бланки, отстучала что-то под диктовку. Гиви выскочил, потрясая бумагами.

— Мгновение!

И исчез за поворотом. Прошло с полчаса, лейтенант все не появлялся, и Савельев почувствовал, как дрожит локоть рядом стоящего Кольки.

— Ф-фу, — наконец появился лейтенант, вытирая рукою лоб. — Приятель, приятель, а еле уговорил. По коням, ребята!

В проулке рядом с Политехническим он уверенно дернул неприметную облупленную дверь. Спустились в подвал. За столом восседал капитанармус, лохматый парень лет двадцати, читал газету; к стулу прислонились новые желтые костыли.

— Ордерочек? — вскользь просмотрел и величественно махнул рукой. — На выбор.

Они прошли вперед. Навалом громоздились ботинки, валенки, сапоги, боты. На полках — шапки, пилотки, фуражки, даже береты. Белье, портянки и так далее. На вешалках — полушубки, пальто, куртки, шинели. Все возможное, во что может одеться человек, не хватало буденновских шлемов, и все крепкое, добротное. Но вроде из комиссионного магазина — поношенное. Гиви скептически поднял бровь на несметное богатство, еще раз изучил и самого претендента.

— Что посоветую? Папаха и телогрейка подойдут — обношены, естественный вид. Сапоги выберем с толком. И еще... Теплого белья нет? Хоть и весна на дворе, а надо. Раздевайся, Коля.

Все делалось в быстром темпе. Колька, который еще не пришел в себя, расписался в полученном.

— А оружие?

— Видал! — воскликнул Гиви, щелкнув пальцами. — Все ему мало. Оружие там получим. А продовольствие на трое суток — рядом.

Колька улыбнулся влюбленно, и видно было — не в огонь, так в воду. В Калинин приехали засветло.

Двое весельчаков воссели на чемодан, а Савельев отправился в комендатуру — выяснить обстановку.

— Оськина можно? — спросил он приземистого человека в безрукавке, который, трудно сочиняя какую-то бумагу, как писарь в старину, чесанул пером о собственные лохмы.

— Оськин откомандирован на фронт.

А он, Савельев, что подумал тогда о братьях-комендантах? Нехорошо подумал. Стыдно.

— В Особую бригаду могу позвонить?

Писарь внимательно глянул, отложил бумагу. Моргнул глазками.

— Многого хочешь. Документы.

Просмотрел и с обратной стороны.

— На месте. Немецкая разведка, говорят, пошаливает. Но все на месте, стабилизация. Звони.

Савельев крутанул ручку полевого аппарата. Телефонист ответил «сейчас», но в трубке хрипело минут пять, пока снова раздался его голос: «обрыв, не отвечают». М-да. Смотря куда подбросят, а то тани потом этот чемоданище.

— Письмо могу написать?

Писарь досадно оторвался от своей бумаги.

— Да ты в вопросах, как еж в иглах! Ну-ну, валяй. Только с перьями худо, вот карандаш.

Несколько торопливых горячих строк. Волноваться не надо, на фронте спокойно. Пусть зайдет к отцу и скажет, что Сбитнев законно оформился. И что теперь они двое — Леонид и Наля — муж и жена. Задумался, добавил привет Борису. О будущей встрече не вышло почему-то. Все. Сам не зная, сколько там было веры и нежности, сложил фронтовой треугольник. Помусолил палец, четко написал адрес.

— Оставь, оставь, — проворчал писарь, который между делом поглядывал на него. — Опуцу. Как по-твоему правильно: «привилегия» или «превилегия»? Угу. Карандаш возьми, раз ну.

Савельев сунул подарок в карман гимнастерки.

Гиви и Колька решили сначала заночевать в савельевской бригаде.

Скрипя и громыхая всем корпусом на выбоинах и колдобинах, полторка залихватски мчалась вперед. На западе между фиолетовых весенних туч небо зеленело прозрачным закатом. А они по-барски развалились на брезентах и прямо из бутылки распивали Гивин самогон-первачок, с русской тоже все-таки родины. Закусывали, аж за скулами хрустело, по жилкам разлилось тепло. Прожевав последний шматок сала, Гиви глянул на Сбитнева и вытер твердые губы.

— Я? Без лишней скромности — приметливый, ловкий. Отдавать свою жизнь — да ни за что! Одна, другой не будет. Я знаю, когда пригнуться, когда

подняться, а когда и вперед. Мое ранение — это навязанная глупость. Ротный был ну, дураком, прости меня командование. Я видел, пока не надо, а он — ползи! — и не поспоришь, армия. Опять же в глаза затычут: труса праздновали. Ясно! влепил мне ариец пулю под пятое ребро. Вот сюда.

Колька приподнялся, глянул куда.

— Партизанство — это другое. Дисциплина, конечно, и там. Но личной инициативе простора намного более.

Колька кивнул: верно. Гиви Осидзе, лейтенант, повернулся к Савельеву, хлопнул его по колену.

— Примолк? Давай заспорим! О герое не скажу, герой.. — он прищелкнул пальцами, — если случай особенный выйдет. Но встретимся после войны, все это, — он провел по груди ладонью слева направо, — все будет в орденах и медалях.

Колька подтверждал «угу» и вместе с ним поглядывал свысока; мы, дескать, иной народ. Партизаны. Савельев улыбался, хвастовство не вызывало протеста. Ладно, вояка, там увидим, у кого что будет. Увидим, дорогой.

Савельев вовремя глянул над бортом. Поворот, километровый столб, крестоносная туша немецкого танка. Он вскочил, забарабил в кабину. Сволокли имущество. Гиви достал бутылочку, сожалеюще качнул в руке и протянул лихому водителю.

— На. Последняя.

— Не надо, — заскромничал шофер, прыщавый паренек лет двадцати. Утерся рукавом и, зыркнув на бутылку, добавил: — А вам-то?

— Я сказал, значит, бери.

Машина последний раз протарахтела вдали, тишина. Закурили. Где-то такнул пулемет. Пустил очередь подлиннее, присоединились автоматы. Взлетела зеленая ракета, помедлила в зримой точке, угасая, покатила вниз. Потом визг мины, по звуку понятно — немецкая. Грохнуло. Колька открыл рот — визг, грохнуло. Пошла пальба вовсю.

— Обычная перестрелка, — успокоил Савельев.

— Ну-ну, — Гиви отбросил окурок, брови сошлись вместе.

— Пойдем аккуратно тропкой, — добавил Савельев. — А то бывает, и на подарок наткнешься.

Чемодан несли поочередно, стараясь, чтоб тощему Сбитняге попадалось реже. И все-таки, выйдя на дорогу к бригаде, притомились все, намаялись за длинный день. Солнце зашло, вдали осталась оранжево-багровая полоска. Угасла и пальба. Провед в ручки чемодана надежный сук, Савельев и Гиви тянули его на изгорбину дороги; Сбитняга плелся следом. Вот и памятные три сосны. И вдруг Гиви, который все время прислушивался, толкнул Савельева в бок и прошипел: «Ложжиссы!». Все трое упали одновременно.

На фоне светлевшего неба по левой низкой стороне дороги, от одной группы острроверхих елочек к другой беззвучно перебежали человеческие фигуры. Одна, две, три... Савельев насчитал десять. И по особой осторожности повадки, по силуэтам мелькавших шлемов и фуражек, шинелей и автоматов на груди понял с захолонувшим сердцем, что это немцы. Разведка! Вот почему и стрельба — отвлекали, обезпечивали проход. Правильно говорил комендантский писарь.

— Сюда, — шепнул он, и на полусогнутых, подхватив вещи, они, как и те, беззвучно взбежали к трем соснам. Свалились за бруствер. Хрустнул ледок — за время поездки Савельева снег притаил, опустился. Перевели дух.

— Славно, друзья, — из-под воротника сказал Гиви. — Не видели. А их задержать надо, обязательно задержать. Далеко до бригады?

— Два километра.

Выглянули в переплетах корневищ. Дери на бруствере был сухой и теплый от дневного солнца. Ничего, тихо, совсем тихо.

Савельев встал, но Гиви шепнул: «Минутку» и словно ящерица — действительно ловок, горец, — одним движением распластанного тела скользнул в темноту. Колька дышал в ухо. Показалось, и минуты не прошло, как Гиви скользнул обратно.

Немцы перебежали дорогу, один за другим. В кустах присели волчьим кружком. Восемь, а не десять. Потом трое повернули в одну сторону, трое в другую, а двое, обмяв местечко и выставив автоматы, легли за кустами в кювет.

— Им стрелять нельзя, — зашептал Гиви, — только в крайнем случае. Языка им надо, языка — и тихо. Ну, Леонид, места тебе знакомы, давай обходим в бригаду. Мы останемся. Давай, брат.

Прирожденный командир, этот Гиви-лейтенант. Сзади холм полого спускался к ручью. Савельев огляделся. Вроде никого. Еще огляделся и вздрогнул. За стволом сбитой артогнем ивы увидел торчащие сапоги — немецкие,

кургузым раструбом. Другой привалился к обрывистому берегу ручья. Вот они, недостающие двое. И хотя темнело быстро, на снегу было видно все. Не пройти.

— Ах, дьявол, — Гиви куснул рукавицу, — ну, черт. Как они сюда догадались? Безоружные мы, схватят. У тебя там сколько?

Кивнул на савельевский наган.

— Два, — виновато промолвил Колька.

— Нет-нет, — Савельев с тревогой сунул руку в карман, неужто посеял, и с облегчением вынул коробочку, подарок Норки. — Вот. Еще двадцать восемь.

— А ты! — замахнулся Гиви на Сбитнева. — Чего не настоял взять оружие? Дали бы и там. Растяпа.

Сердито обтер резко вычерченное лицо кроличьей шапкой. Будто забыл, что утром по этому поводу осмелел савельевского друга. Тот обиженно засопел.

Говорили так тихо, скорее догадываясь, чем слыша, что даже те, ближние немцы, и не подозревали, кто у них в соседях. Савельев провернул барабан, дослал недостающие патроны. В коробке осталось двадцать три. Еще бы наганчик — и славно. Пусть они и с автоматами, и с гранатами, все же, если сунутся, побоятся шума. Прав, прав Гиви. С гранатами? Он вспомнил, что лежало за щитом, к которому они прислонялись. Неужели аккуратист Гусенков успел забрать?

— Ну-ка, ребята, осторожнее.

— Ты что?

— Там граната, — шепнул Савельев. — И запалы.

Отвалили щит, как невесомый, Гиви пошарил внизу.

— Верно, — обрадовался он и сунул лимонку с запалами в карман. — А сюда вещи, прямо повернуться негде. Давай.

Чемодан лег в гнездо, за ним вещмешок и торбочка. Полегоньку опускали обледенелый щит. Тот все-таки скрипнул. Мигом присели.

— Т-ц, — щелкнул языком Гиви. — Дос-сада.

Глянули среди корней. Один у дороги обернулся, толкнул напарника. Второй немец, волоча автомат, пополз вокруг их холмика.

Савельев глянул на светящийся циферблат — ровно восемь. Завел часы, до упора.

— Военный совет, — Гиви пригнул их к себе. — Не пронесет, сейчас проверят. Брось я гранату сразу, там в бригаде услышат. Но прежде, — он кивнул по бокам, — примчится разведка. Десять человек вместе! Штурманут, все равно рассекречены, и повяжут уцелевших. Что делать?

Облака темной массой нависли над деревьями, над землей. Ни звездочки. — И зачем поллитровку шоферу отдал? — пожалел Гиви. — Не повезет, так не повезет.

— А что? — слабо откликнулся партизан Сбитнев.

— Как что? — Гиви натянул кроличий малахай. — Тогда точно бы выкрутились. Все сразу не пойдут, отсюда хорошо видно. Один попробует. А мы — пулю в лоб, пусть задумаются. Тогда обливай дерево самогоном, тот же спирт, и поджигай! Сунутся снова — гранатой. Откуда знают, сколько у нас? И сколько нас. Время! Побоялись бы света, шума. Ну, а теперь... Теперь тоже не дадимся. Наган!

Он повелительно протянул руку. Савельев медлил. Тряхнул рукой — скорее.

— Нет, — сказал Савельев, вынимая наган.

— Как это нет?

— Стрелять будет он.

Колька взял оружие и упрямо посмотрел на своего покровителя. Вдохнул.

— Я.

Гиви прямо осел от удивления. Прищурился, скрипнул зубами.

— Вы что — взбунтовались? Все ли вы, мои дорогие, поняли? Ведь схватят, так не просто замучают — хуже. Исчезнем со света как предатели, как дезертиры. Ехали тройкой и уехали — куда?

Савельев и Колька обмерли.

— Де-зер-тиры, — раздельно припечатал Гиви. — Изменники.

Мало того, что оставались короткие минуты, что непрожитые годы валились в черную ямину. Не будет ничего, ни даже скорбных воспоминаний. И Налька...

А в бригаде, где друзья, которые не знают и могут не узнать, тарактел движок. Оставить им свои мертвые тела как доказательство... Нет, не думать об этом. Савельев глянул в прозрачные Колькины глаза, в бездонную чернь глаз другого.

— Поэтому, — выждал Гиви Осидзе, — поэтому, если не испугаются шума, кто-то из нас должен — обязан! — других и себя. И это сделано не по силам вам, дорогие. Ну!

Он снова протянул руку, лейтенант Красной Армии. Грозно. Савельев расклеил пересохшие губы.

— С гранатой ты. А он — пусть сначала по ним. Классно стреляет, я знаю.

Колька легко подбросил оружие, как тогда в сарайчике.

— Так? — подумал Гиви. — Ну, ладно. Поглядывайте, как они там. Документы!

Вытащили, отдали, тот приложил свои. Обернул все в носовой платок. Подумал минутку, закрыв глаза, Савельев показалось — о матери, об отце, обо всех родных.

— Карандаш есть у кого-нибудь? Химический.

— Есть, — сказал Савельев.

Он смотрел через плечо. Под твердой смуглой рукой буквы складывались в пронзительные слова: погибли, но не сдались. Гиви сунул сверток под щит, под чемодан, вглубь, к земле. Там песок, подумал Савельев, сохранятся.

— А теперь, — шепнул Гиви бодрее, — еще посмотрим. В последнюю минуту наган — мне.

Часы показывали: прошло пять минут. Немцы молчали, молчали и они, спиной к спине. Курить хотелось так, что горло сводило. Немец у дороги залег за кочку и время от времени поднимал и прятал голову, как ванька-встанька. Трое на другой стороне, теперь все за стволом ивы, видимо, совещались.

— Рус? Рус ду бист хир! Сдавайся!

Они затаили дыхание. Тогда один из немецких разведчиков, пригибаясь, побежал по склону. Недалеко упал в снег, оперся о локоть. Между корнями Савельев ясно видел белевшее под каской пятно лица.

— Рус?

Колька согрел руку дыханием и положил палец на спусковой крючок. Немец приподнял автомат. Одиночный отрывистый звук звонким орешком унесся вдаль. Савельев невольно пригнулся. Тотчас из-за линии фронта послышались ответные выстрелы, и немец повторил столько же раз. Как эхо.

— Как маскируют, как маскируют, дьяволы, — обернулся Гиви. — И не понять — откуда. Программа.

Но все внимание Савельева было с другой стороны. Немец спокойно поднялся, аккуратно стряхнул короткую шинель от налипшего снега и во весь рост пошел вверх. Ненавистно всхлипнув, Колька выстрелил. Тот упал навзничь — Савельев успел увидеть черную дырочку во лбу. Автомат через голову скользнул дальше.

— Сюда! — крикнул Гиви.

Колька вовремя перекинулся. Немец от дороги прыжками мчался вверх. Выстрелил навстречу, и тот такими же прыжками повернул обратно, ушел за холмик.

— Дернул ты, — Гиви хлопнул себя по боку. — Ах, жалко, генацвале, так жалко!

— Скорее! — крикнул Савельев.

Из-за ствола ивы выскочили двое. Они бежали углом, в вершине которого находились их три сосенки. Колька выстрелил. Еще. Залегли за убитым. Савельев вырвал наган, заработал шомполком, дослал шесть патронов. Теперь оставалось семнадцать.

— Хор-рошо! — Гиви подбросил малахай. — Ну, крикнем!

И они заорали втроем:

— Немцы! Немцы!

На передовой снова заработал пулемет, завизжали, заухали мины.

— Немцы! Немцы! Немцы!

Неужели не слышно? Голос едва не сорвали.

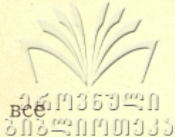
— Хватит, — помрачнел Гиви. — Передышка.

И прикурил, затянулся разка два, передал Кольке. Тот, сделав затяжкой больше, Савельеву. На линии фронта грохотало непрерывно.

— Э-эх! — Гиви потряс кулаками. — Теперь знают: трое на трое. Подождут других. Наш план такой.

Он посмотрел на Кольку, который снова перехватил бычок у Савельева.

— Подойдут, так ты — не особенно прицельно, укроются — подряд по разным точкам. Перезаряди — и еще. А я наверху. Кинутся — получают гранату. И если ваши там — как эти птицы по-русски называются? — да, глухари...

Всё
СНБ

Обернулся к Савельеву.

— ...не поймут и этого... Наган мне. Рукопашной допускать нельзя, все равно схватят.

— А вдруг прорвемся? — Савельев махнул на дорогу.

— Мыслитель! — Гиви постучал по лбу. — Ждут, чтоб выскочили. В разведке мастера. Да еще с автоматами — подранят и утащат.

Потряс за плечи. И ящерицей махнул по стволу в развилку сосны. Под ним неделю назад Гусенков смотрел на дали. Двое немцев уползли за иву, прихватив автомат убитого.

— Надо же, — Савельев прикусил губу. — А я хотел попытаться.

Перестрелка смолкла. А наш движок работал так близко. И так далеко, за немислимой далью. Половина девятого, ужин, кроме постовых, все забились по землянкам. Невдомек — где, кто, зачем стреляют. А если услышат гранату, то пока сбегают в штаб, пока нарядят патруль — и их время выйдет. И все-таки все трое надеялись.

Колька толкнул локтем. Ловушка захлопнулась. У дороги поднялись три ствола, за ручьем легли еще трое. Десять. Надо выполнять приказ.

— Так. Давай, — сказал Савельев.

Чтобы не мешать, откинулся спиной к щиту — нагретые в кармане патроны наготове. Бах, бах... Перебрасываясь от брствера к брстверу, Сбитяга влепил семь пуль в семь точек. Шомполок, перезарядка, еще семь. Савельев снова перезарядил, в кармане осталось три патрона. Прислушались. Конечно же, с фронтовой линии ответили и смолкли как по команде.

— Внимание! — окрик сверху. — Берите что ближе, с дороги!

Немцы поднялись. Колька выбрал который повыше — выстрел, упал. Выбрал второго — бах, бах — безрезультатно, ну вот и все, в пяти шагах, но сзади рванула граната, тоже повернул обратно. Лихо! Они бросились к другой стороне, немцы скрылись за ивой, и никого, видно, осколком не задело. «Тра-та-та» — хлестнула оттуда автоматная очередь. Наконец-то не выдержали, гады. И все стихло, только звон в голове.

— Гиви! — позвал Савельев.

В развилке никого не было.

— Гивичек!!!

Он сидел за стволем. Голова неловко закинулась на плечо, полущубок расстегнут, шапка вялялась рядом. На гимнастерке — там, где показывал, будут ордена, — расплзались зловещие черные пятна. Орлиные глаза безразлично смотрели в переплеты веток и хвои, в низко нависшее небо.

— Дозаряди, — скомандовал Колька.

Все, полный барабан. Но это — все.

— Помнишь, что он сказал? Я не могу — ты.

— А я могу?

— Твоя очередь.

— Подождем пока.

— Ну, гляди.

Старались спокойнее, а голоса дрожали. Инстинкт жизни. Счет времени пошел другой. Сейчас, сию минуту — все? Мрак, отсутствие вечное в этом вечном крутящемся мире? Пусть, как червь, не видеть, не слышать, не обонять, а просто чувствовать, хоть вечную боль. Зачем эти немцы попались на их дороге?

Волосы Кольки прилипли ко лбу, молдавский куль давно затерялся. У дороги притаились. С другой стороны над ивой что-то темнело. Колька целился долго, тщательно. Выстрел, крик. Там встал и свалился набор один из немцев, закопошились другие, и, пользуясь смятением, он выстрелил еще три раза. Приподнялся увидеть, что же. Тра-та-та-та, автоматная очередь, пули жикнули над самой головой Савельева.

Упав на спину, Колька жадно хватал воздух. Всем ртом, как рыба. Наган упал, и рука перебирала грудь, тщась выбрать оттуда ненужное, тяжкое. Смерть. Савельев поднял за плечи отяжелевшее тело.

— Ты что? — Глаза Кольки косили, закатывались, едва проговаривал: — В г-голову, братец.

Все заледенело, только богу какому-то молился: помоги, как надо, помоги. Поднял наган.

— Пог-годи, — угасающим шепотом, рука упала, остановил Колька. — Заж-жигалка...

— Зажигалка? Не понимаю. Коля. Ну, Колька же...

Молчал. Подбородок, на котором блеснула одинокая слеза, лег в грудь. Савельев отвернулся, придавил спусковой крючок. Звук получился глухим, вязким. Отвалился на щит. Единственная звездочка выглянула и угасла среди туч.

— Русский! — голос иной, чем в первый раз, почти без акцента, проникновенный. — Зачем терять молодую жизнь? Сдайся. Минута на размышление.

Поняли, что один. Живой он им нужен, только живой.
— Хорошо, — откликнулся Савельев. — Три минуты.
— Пусть три.

Он догадался о смысле напоминания. Друг мой, раньше бы!.. Вынул зажигалку и, спрячась за стволом, насколько мог дотянуться, обрызгал бензином ту сторону развилкой сосенки, которая, как он помнил, была в потеках смолы. Она и сейчас, размягченная дневным солнцем, липла к пальцам и пахла хвоей, жизнью, которую нельзя сохранить для подлого продолжения. Скорее, бензин летуч. Ширкнул колесиком, голубое пламя взлетело по стволу, превратилось в оранжевое, и он улыбнулся — примется. Хоть не услышали, так увидят.

Лег на спину посередине окопа. Им овладело презрение к смерти. Не в голову, в сердце. Сунул замерзшую руку с наганом под полушубок, где оно билось торопливым и неповторимым стуком, ощутил холод металла. Загорелись нижние ветви, сейчас покажутся. Боже, боже, осечка! Еще раз нащупал металлическую неровность крючка, и не успел первый немец подняться над бруствером, как он надавил ее и увидел слившиеся лица полузабытой мамы и Нали, которые улыбнулись ему и умчались в темную круговерть...

— Цум тойфель! О-о, швайне, руссише швайне!

Их похоронили вместе. Хорошую выбрали поляну, просторную.

После похорон начштаба Смольянинов и Гусенков явились, обтоптав сапоги, к генералу — вызвал. В окна било яркое солнце.

— А ведь доставил необходимое, — прищурился генерал и положил на стол сильные короткие руки. — И разведчиков задержали. Кто у него там, кроме отца. -- мать, сестры, братья?

— По документам из родных один отец, — ответил Смольянинов.

Генерал подвинул коробочку с «Красной Звездой».

— Оформить посмертно. И хоть не полагается, отослать отцу. На мою ответственность.

— Другие двое..., — осмелился Гусенков.

— Не имеем права, не наши, — досадливо обрезал генерал и встал. — Но, Смольянинов, он прав. Кроме похоронок, надо расписать как следует. По их инстанции.

Гусенков выложил «кировские» — с черным циферблатом, на истертом ремешке. Помолчали, слушая, как тикают часы.

— Чьи? — спросил генерал.

Гусенков пожал плечами.

Два дня спустя оружейники поставили деревянную пирамиду; сверху звезда и надпись полукругом: «погибли, но не сдались». На металлической таблице их имена, даты рождения, почти одинаковые — старший Осидзе, младший Савельев — и смерти — одна. А также по недостатку места вытянутое в строку стихотворение младшего воентехника Дмитрия Норки: «В светлый день Победы, в поминальный день, вспомни всех погибших, дорогих людей».

— Здорово придумал, — сказал Гусенков убежденно. — Как песня! Втроем им было шестьдесят лет.

Спустя время у Нали родился сын — тоже Леонид. До сорок четвертого все браки считались законными: мальчик получил фамилию Савельев, опередили пенсию. Полуторагодовалого она подбросила его отцу и тетке — ушла на фронт. В самые последние дни в Берлине была разорвана фаустпатроном. Хоронить оказалось нечего.

Дед и двоюродная бабка, как говорится, души во внуке не чаяли. К другой родственной стороне ревновали и отвлекали: тем более что похож. Пенсия шла Ленечке на карманные расходы, и то не хватало. Богоявленский выколачивал деньгу хоть на подпольных абортах, и в день совершеннолетия преподнес «Москвича», на котором молодой человек гонял и по Т., и в Москву, и на теплый юг. Он любил море. Не только, впрочем, море.

Но не к тому это. Прошло еще время, уже и дед, и бабка легли в землю.

...Летним вечером в Одессу прибыл скорый московский. Из международного вагона спрыгнул тридцатилетний Леонид Леонидович Савельев. Весьма собою недовольный. Сосед по двухместному купе, прохиндей, втравил в картишки, в простое очко, и он продуд не более и не менее как сотню. Деньги же от проданного дедовского очага, хотя дома и сильно вздорсжали, пришлось поделить с теткой Верой, их осталось не так много. Следовало, наконец, подумать о собственном неумном характере, об устройстве жизни, то есть о том, как капитально жениться и защитить докторскую. Ну, хорошо. Безусловно, найдет, женится, напишет, опубликует, пробьет. Такая тягомотина, думать не хочется. Войдя в зал ожидания, остановился, поискал буфет.

За ним, с платформы еще заметил, увязался невысокий человек в железнодорожной форме. Вот и сейчас заглядывал сбоку: благожелательное лицо в мелких морщинках; глаза, как васильки в поле, ласковые. Смотрит и смотрит. Савельев тоже скосил глаза, сверланул ответным взглядом и отметил повязку «Дежурный по вокзалу», три ряда орденских планок. Но тут-то и увидел буфет, подошел и без очереди властно крикнул двести коньяку, бутербродик, бутылку воды. Опрокинул залпом, запил, зажевал. Еще раз. Отлегло. Все-таки впереди отпуск, «Аркадия», знакомства. Любопытно, какая женщина попадется на этот раз. Весьма любопытно. Стряхнул с ладоней крошки — вульгарная провинциальная привычка, пора избавиться, — с удовлетворением глянул на свои модные черные, на высоком каблуке туфли и взялся за чемодан, когда снова столкнулся с васильковыми глазами.

— Что вам угодно? — обозлился он, переводя взгляд на планки.

— Знакомого одного напомнили. Друга.

— В другом месте ищите. В другом, любезнейший.

Железнодорожник опустил глаза. Проверил, не перекошились ли планки.

— Я и то подумал, — согласился он. — Ошибка.

Леонид Леонидович вольно двинулся к выходу. Но по спине пробежала противная дрожь, мелькнула неясная догадка. Он вернулся. Тот понуро стоял на месте, вертел в руках фуражку.

— Простите... — начал Савельев.

— Да, — вроде обрадовался железнодорожник.

— Я, эт самое, — Савельев уже запянул, и язык вязал не сразу. — Эт самое... Отец мой, напильники он вез.

— Напильники? Живые были напильники, живые. Те, что хребет перепиливали. Зверю известному. О том ли? И сосны пылали костром. С кровью костер-то, самый жаркий.

— Н-не понимаю...

— Что понимать? С кровью!

— Простите, впрочем...

Железнодорожник вскинул седеющую голову. И махнув на него рукой, резко прервал:

— Нет-нет. Это вы простите. Померещилось.

А придя домой, Дмитрий Остапович Норка разбросал все книги. Извлек школьный учебник «Физиология и анатомия человека».

— Слышь, Надька, — постучал по переплету ногтем.

— Чого тобі? — откликнулась по-украински младшая дочь и вежливо выключила звук телевизора. В Одессе жили третий год, привыкла по-русски, но, когда удивлялась или другие эмоции, переходила на украинский.

— Чого-чого! — непривычно зло передразнил отец и снова постучал по книге. — А вот что, не всему на слово верь. Прочитал тут — гены, наследственная информация. Так это у растений, у животных. У человека другое главное.

СТЕНАНИЕ

● Роман

ДЖАБАДАР-БАШИ* ЦАРЯ-ИЗГНАННИКА

«В Москве-граде мы ждали солнце...» (Давитиани)

Не напрасно доверил свою судьбу северной звезде плутавший в Дагестане Гурамишвили. После первого побега его сердце неустанно тянулось к России. Он знал, что там находится грузинский царь Вахтанг. Там грузины, уповая на помощь русских, ждали блаженной минуты возвращения на любимую родину, хотя грузинское небо снова затягивало тучами, плывущими из Исфахана.

Миновав Сулак, Астрахань и Царицын, Давид благополучно добрался до Москвы в 1729 году.

Путь от Астрахани до Москвы и сегодня не назовешь коротким и легким, а в те времена, когда еще не было рессорных экипажей и сами дороги были неблагоустроены, путешествие требовало много сил, терпения и выносливости и было вдвойне затруднительным для неимущего беженца, чудом спасшегося от плена. Вырвавшийся из лезгинской темницы отважный путник не располагал ничем, кроме рубища и несломленного духа.

Москва в то время была городом, изрядно «заселенным» грузинами, и Давида там ждало много земляков. Первое поселение здесь основал имеретинско-карталинский царь Арчил — талантливый поэт, неутомимый государственный деятель, прекрасно владевший русским, персидским, турецким и греческим языками. Он же организовал в Москве в 1703 году первую грузинскую типографию. Давида тогда еще не было на свете. Арчил прибыл в Москву в 1685 году со своим двенадцатилетним сыном Александром — ровесником будущего российского императора Петра, ставшим впоследствии его ближайшим другом и соратником. Это тот самый Александр Багратиони, которого великий русский преобразователь Петр I послал в Гаагу для овладения военной наукой, а затем, закончившему образование, пожаловал звание генерала-фельдцейхмейстера. С именем царевича Александра связано создание русской артиллерии.

* Джабадар-баши — хранитель воинских доспехов (перс).

Участвуя в войне со шведами, Александр Багратиони оказался в плену. Десять лет он томился в неволе, ибо никак не удавалось договориться о его обмене на пленных шведов: Карл XII хорошо знал цену своему пленнику. Только за одного Александра он требовал освобождения нескольких генералов и шестьдесят бочек золота. Ради друга детства и соратника Петр поступился пленными шведскими генералами, но столько золота раздобыть не сумел, и Александр Багратиони скончался в Стокгольмской тюрьме.

Его останки с почестями доставили в Москву и похоронили в Донском монастыре, который Петр пожаловал в дар грузинам.

Петр I окружал царя Арчила всевозможными почестями. После его смерти он не забывал и о его семье, не оставлял ее своим высочайшим вниманием. Царь-реформатор высоко ценил преданность, сноровку и отвагу грузин. С особым уважением он относился к брату и сестре — Александру и Дареджан — детям царя Арчила. Историки и по сей день не сумели разгадать, почему вернувшийся в Москву после Полтавской битвы Петр устроил пир в честь победы над шведами во дворце Дареджан.

Такая дружба послужила твердой почвой, на которой была воздвигнута крепостная стена великого единства русских и грузин. К сожалению, ко времени прибытия в Москву Давида Гурамишвили главный столп этой цитадели рухнул — скончался Петр I. А его бесхребетные наследники не обладали ни силой, ни разумом для того, чтобы осуществить замыслы и намерения великого предшественника.

Царь Вахтанг принял беженца как родного и зачислил в свою свиту. Сам лишенный престола и прочих царских привилегий, Вахтанг не оставил обездоленного беглеца своими милостями. Видимо, он с самого начала благоволил к нему, коли присвоил молодому человеку титул «джабадар-баши».

Давид сразу же проявил сноровку и умение. Он отправился в Тулу закупать оружие, однако, увы, этому оружию не суждено было принести освобождение многострадальной отчизне. Вряд ли горстка грузин, оказавшихся в Москве, могла располагать внушительным запасом оружия. И все-таки арсенал, доверенный Давиду, был не так уж незначителен. Пять тысяч комплектов военного снаряжения отборного качества по тем временам — дело нешуточное! Это оружие потом блестяще выдержит экзамен в войне с Пруссией и еще раз покажет миру удачу и отвагу грузин, их умение владеть саблями.

Какие материальные блага могла дать нашему герою эта ответственная и почетная должность? Ему в год было положено сорок рублей деньгами, двести гудов пшеницы и одна сажень дров. Таково было жалованье джабадар-баши. Как выяснилось впоследствии, нуждавшемуся Давиду помогал его старший брат Христофор Гурамишвили. Давид не раз бывал увенчан славой и лаврами лучшего поэта среди своих малочисленных соотечественников. Славой, которая исчезла бы бесследно вместе с уходом из этого мира современников Давида, если бы его бесценное детище «Давитиани» чудом не дошло до наших дней.

Восхваление царя и его мудрости, воспевание царевичей, их ума и отваги, величание их нрава и щедрости, мечта о лучшем будущем и надежда на вызволение родины из-под власти чудовища — всего этого еще недостаточно для большой поэзии. А поскольку в те времена не существовало гонимых, молодому придворному поэту приходилось довольствоваться наслаждением, получаемым от стихотворных экзерсизов. Так писался «Малый стих», предназначенный «для пиршества и пения», — прежде всего это была дань времени. И потом, какой поэт в молодости не сочинял стихов «на потребу и радость друзьям»?.. Коварная судьба не сохранила образцов поэтического творчества Гурамишвили тех времен. Они были уничтожены еще при жизни поэта, на Украине во время пожара в его доме. Для нас навсегда потеряны весьма значительные произведения, созданные в те годы благодатным пером Давида.

Гурамишвили на свободе! Он уже не в плену у врагов! Он волен взять в руки перо и писать... Перед ним избранная аристократия двух наций, очаровательные женщины, слава... Однако поэту-патриоту, нашедшему приют и убежище в северной стране, тяжело «подниматься и спускаться по чужим лестницам», трудно переносить разлуку с родиной.

Сам царь Вахтанг был замечательным поэтом, первым издателем поэмы Шота Руставели, комментатором и толкователем бессмертного текста «Витязя в тигровой шкуре», исследователем, историком, филологом, астрономом и юристом. Ясно, что общение с этим человеком, который не сидел сложа руки даже в кирманской ссылке и руководил переводами на грузинский язык сочинений, созданных гением магометанского мира, не прошло бесследно для Давида Гурамишвили. Давид, его брат Христофор и дядюшка — Мераб Гурамишвили — вращались в том кругу, в который, кроме упомянутых выдающихся деятелей, входили Дмитрий Багратиони, тонкий знаток и ценитель стихосложения, гру-

лования. Чуткий и благодарный Гурамишвили в стихах изобразил заботу о нем и доброту царских особ.

Обласканный милостями царя-поэта, счастливый, избалованный княжич, хранитель арсенала, юноша, стройный, как тополь, и солнцеликий, наверняка был кумиром женщин.

В свите Вахтанга находился цвет грузинской молодежи, все как на подбор — статные, представительные и вельможные, наделенные всевозможными достоинствами. Одни обзавелись семьей раньше, другие женились в Москве. Поэт вкладывает в уста Вахтанга следующие слова:

Те грузины, что за мною
Добровольно устремились,

Или дом имеют в Картли,
Или здесь переженились.

Удел царской свиты разделяет и Давид. Мы не можем утверждать, что на родине он был еще холостым и бессемейным. В автобиографической поэме он жалуется на разлуку с родителями, братьями и сестрой, но о жене и детях ни разу не вспоминает.

Может быть, уже забыла
Обо мне моя родня.

И ни сына нет, ни дочки
В этом мире у меня!

Или еще одно свидетельство:

Горе мне, батюшка, горе мне, матушка,
Брат и сестрица, не вижу никого из вас!

Такое настойчивое повторение, воспоминание об одних и тех же людях, лицах убеждает нас, что в Грузии других близких у Давида не оставалось. Только в одном стихе, извещающем о смерти Вахтанга, мелькает образ какой-то юной красавицы:

Горе мне, потерявшему родителей,
Брата, сестру,

Разлученному с возлюбленной,
Чей стан — тростник, ланиты — розы.

Очевидно, разлука с ней была временной: надо думать, что она была связана с участием Давида в прусской войне. Если родителей и близких он потерял, судя по всему, навсегда, то в данном случае он явно обеспокоен временным расставанием.

И вот над умудренным временем и жизненным опытом нашим героем встает призрак смерти и угрожает ему:

Наточить мне надо косу,
Чтоб прийти к тебе в лачугу.

Отсеку тебе башку я,
В траур выржаю супругу.

Снова упоминается супруга.

Именно поэтому нам не кажется правильной точка зрения Валериана Гаприндашвили, который утверждал, что гурамишвилевская «лирика — это исповедь неженатого человека». Не прав, очевидно, и Корнелий Кекелидзе, пришедший к следующему заключению: «Оторванный от родины, холостой, всеми покинутый поэт берется за литературную деятельность».

Эти взгляды противоречат свидетельству самого поэта. Причину же скудных и кратких упоминаний о жене мы можем объяснить субъективным настроением поэта и усилением религиозных чувств на склоне его лет.

Несчастливая звезда Давида продолжала преследовать его и в Москве. Прибывшие в Москву грузины не застали Петра I в живых, и оттого, по мнению Давида, они «терпели на чужбине много бед».

Петр Великий, император,
Вслед за ним другие двое
Навсегда переселились
В царство вечного покоя.

Царь в унынье погрузился,
Видя бедствие такое.
Скорбь, снедающая разум,
Сердце ранила живое.

Вахтанг тяжело переживал преждевременную смерть трех русских царей. Вероятно, безвременный уход русских монархов заставил его ощутить с новой силой беду, обрушившуюся на его отчизну. Казалось, безжалостный мир вереницей смертей давал понять прозревавшему свое мрачное будущее царю, что судьба его родины и народа, после того как он покинул родную землю, целиком зависела от каприза, благополучия и, наконец, жизни и доброй воли других властителей.

Потому струились слезы
Из Вахтанговых очей,
«Вот, — твердил он с болью в сердце, —
Уж не стало трех царей!»

И немало сокрушался
Об отчизне он своей:
«Дело сильно затянулось,
Чем теперь поможем ей?».

В самом деле, судьба словно потешалась над грузинами. Петра Великого они не застали в живых. Екатерина I и Петр II последовали друг за другом в мир иной.

Правда, и в России, как повсюду, в желающих взойти на трон недостатка не было, но прочность грузинского престола оставляла желать лучшего. Это печалило царя Вахтанга и ввергало в отчаяние грузин-эмигрантов. Действительность оказалась жестокой, беспощадной, насмешливой, мрачной, неумолимой, но это была действительность, и Вахтангу волей-неволей пришлось обратиться к тому, кто взошел на русский престол:

Но когда на русском троне,
Архипастырем венчанна,
Милосердная к народу,
Облеклась в порфиру Анна,

И когда ее увидел
Царь во всем величье сана, —
О своих делах решил он
Рассказать ей без обмана.

Восхваление царей было лишь общепринятой формой, тем более в условиях, когда императрица решила воспользоваться войной между Турцией и Персией и с помощью Вахтанга создать выгодные позиции для своей страны.

Война между Персией и Турцией началась в 1730 году. Российский императорский двор решил послать Вахтанга на побережье Каспия и отнять у Персии прикаспийские земли.

Во время конфликта, связанного с выбором польского короля, французская дипломатия сумела восстановить Турцию против России. Россия в свою очередь также искала выгоды и пользы для себя. Однако Анна Иоанновна вынуждена была вернуть Персии ранее захваченные Петром земли и заключить «вечный мир» с грозным Надир-шахом.

Бездарную и раздираемую страстями Анну мало беспокоило то, что она христианскую, единоверную страну обрекла на гибель и кинула в пасть алчных соседей-мусульман, которые были еще больше озлоблены союзом между Грузией и Россией. «Вечный мир» делал Надир-шаха союзником России в войне против Турции. Эта губительная для Грузии война началась в 1735 году и закончилась Белградским миром в 1739 году.

Дипломатическая и военная игра великих держав оказалась роковой для истекающей кровью Грузии. Пока наши дипломаты разобрались в этом, арба была уже перевернута и впряженные в нее волю задохнулись, не сумев выпутаться из шкверной и веревки.

А политический климат как будто сулил Грузии определенные выгоды. Момент благоприятствовал возвращению Вахтанга на престол. Но, увы, идее этой не суждено было осуществиться! Еще в 1731 году арагский эристав Бардзим письменно сообщил царю Вахтангу, что вся Пшав-Хевсуретия поднимается на ноги, ибо настало время изгнать с грузинской земли турок и кизилбашей. И на самом деле, эти два дракона стояли друг против друга, готовые схватиться не на жизнь, а на смерть. Этим можно было бы воспользоваться, если бы Вахтанг проявил больше решительности и смелости и если бы у него были более надежные покровители. К сожалению, Россией тогда правила Анна Иоанновна, а над нею властвовал герцог Эрнст-Иоганн Бирон, заносчивый и невежественный, неотесанный тиран. Под пышным, словно львиная грива, и тяжелым париком Бирона гнезился жалкий умишко, но зато в его сердце бушевало море злости. Он нисколько не заботился об интересах России и тем более не беспокоился о судьбе православной Грузии. Он враждовал с умным Волынским — настоящим государственным деятелем. Бирон считал, что грузины должны быть благодарны за то, что находятся в Москве и едят русский хлеб. Когда наступил подходящий случай, Анна пригласила Вахтанга в Петербург, приняла его с почестями, но этим все и завершилось.

Тщетными оказались старания кабинет-министра Волынского помочь грузинам. Волынский хотел, воспользовавшись благоприятным моментом, убить двух зайцев. Невзлюбивший умного кабинет-министра Бирон в конце концов вынудил императрицу издать приказ об аресте и казни Волынского. Так Анна Иоанновна превратилась в безвольную куклу в руках коварного любовника.

Аудиенция, полученная Вахтангом, на первый взгляд была не безрезультатной. Карталинский царь напомнил царице об обещаниях Петра. Анна их признала и приказала Волынскому, собрав войска, двинуть их в Прикаспье.

Как свидетельствует Давид Гурамишвили, Анна Иоанновна, благосклонно вняв просьбе Вахтанга, в 1734 году так «повелела» ему:

У меня, — она сказала, —
Есть Дербент, Сулак, Баку.
Все приморье подчинилось
Ныне русскому штыку.

Отправляйтесь в эти земли,
Я казной вам помогу,
Нужно с нашим русским войском
Вам ударить по врагу.

Много чего наобещала императрица Вахтангу: дескать, пожалуй тебе часть империи, прикажу своим подданным «подчиниться твоим приказам». Ясно, что эти пустые слова и фальшивые обещания были составной частью фарисейского придворного этикета. Однако царь Вахтанг обещания императрицы принял за чистую монету и выразил ей покорную благодарность «за щедрую милость», впрочем, у него не было другого выхода. Царь Вахтанг приложился к ручке императрицы. Анна устроила в честь Вахтанга поистине царский пир. соизволила поднять бокал за здравие гостя. И Вахтанг в свою очередь дает обет — не забывать императорских милостей и неустанно возносить хвалу порфиросной царице.

Вахтанг возвращается из Петербурга в Москву, его свита приступает к постройке судов, на это уходит целый месяц. У Вахтанга, как и у царевича Бакара, свои тайные цели и планы. Наконец все готово для отправления в путь. В свите царя находится и Гурамишвили. К этому периоду относятся известные строки: «Во граде Москве ждали мы солнца». Получилось, что солнца они ждали тщетно, а лучше было находиться в Сулаке. Закончилось вынужденное гостевание. Надо думать, грузины почувствовали, как тяжело было «подниматься и спускаться по чужим лестницам», оценили и вкус куска хлеба, из милости брошенного Бироном, взвесили все «за» и «против» и поняли, что все имеет свой предел. Иначе они так просто не поступились бы щедро накрытым столом, тем более что затея, с самого начала выглядевшая безнадежной, внушала все меньше энтузиазма исполнителям:

Наконец мы в путь пустились.
То нас волоком влекли,
То неслись мы бистриною,

То сидели на мели.
Уж три месяца по Волге
Плыли наши корабли.

Трудно найти более выразительные слова для описания этого злополучного похода. Фатальным оказался этот путь для Вахтанга и его приближенных. Бездомные, влекомые обманчивым лучом надежды и прихотью собственного царя, патриоты ступили на тернистый путь освобождения, но небо Прикаспья, затянутое грозowymi тучами, встретило их неприветливо.

Ни один человек из царской свиты, разумеется, не ведал, что закончилось теперь уже навсегда вынужденное гостевание, что развеялась мечта о земле обетованной, что нет возврата к беспечному времяпрепровождению, что утерян душевный покой и, самое главное, — потеряна родина.

Истомившую грудь не обласкал им ветерок родной страны, не растворились врата желанного Тбилиси (этой мечтой и надеждой держалась их жизнь!), ибо врата эти именно теперь оказались крепко-накрепко запертыми для них...

«В эти дни, пока по Волге пробирались мы на взморье, — пишет Гурамишвили, — колесо кривое мира повернулось, с нами споря».

В одном из городов Прикаспья некто Симон Абрамишвили поведал землякам дурные вести, которые подтвердили и русские послы. Сердце царя наполнилось скорбью: «Царь, унынием объятый, погрузился в бездну горя».

Слово автору — удрученному новой бедой Давиду Гурамишвили:

«Шемаху, — сказал Абрамов, —
Ныне занял хан Тамаз.
Царь за волосы схватился,
Слезы брызнули из глаз!

«Почему судьба доселе
Столь жестоко гонит нас?
Неужели нет исхода
Для меня и в этот раз?»

Это не просто беспочвенные жалобы на свою несчастливую участь. Бывают обстоятельства, которые оказываются сильнее личности и самого народа. Тогда трудно добиться успеха. Царь Вахтанг с горсточкой грузин оказался между трех китов, которые отнюдь не искали друг в друге сообщников. Вахтангу приходилось успокаивать их и угождать каждому в отдельности. Поэтому вполне понятен упрек, вырвавшийся из уст царя: «О, горе, лживый, коварный мир!».

Вахтанг оказался в тупике. А Надир-шах воскресил самую злую политику для Грузии за всю историю Персии — политику Шах-Аббаса I и замыслил омусульманить Грузию. Только упорная и самоотверженная борьба грузинского народа вынудила врагов отказаться от безумного замысла. Борьба же эта имела своих вдохновителей и вожаков. Это были: Шанше Эристави Ксанский, Вахушти Абашидзе, Гиви Амилахвари, Теймураз II и другие. Какой подмогой

были бы сейчас те две тысячи грузин, которые по вине Вахтанга, словно облетевшие листья, рассеялись в северном крае! А ведь среди них находился и наш прославленный поэт!

Царь Вахтанг и раньше знал, что в Грузии пошатнулось турецкое владычество. Давно разьедаемое изнутри, лишенное корней дерево турецкого могущества могло рухнуть от первого же порыва освободительного ветра. Царь должен был знать об этом хотя бы из письма Бардзима Эристави Арагвского, и это известие утешало его. Однако он не предусмотрел, что та чаша весов магометанского мира, на которой лежала сверкающая корона персидских шахов, поднялась на столько же, на сколько опустилась корона турецких султанов. На арене истории появился новый завоеватель. Когда-то убогий и неумудренный, ставший разбойником и вожаком шайки грабителей, он замахнулся на шахский престол, поставил на колени Турцию, захватил принадлежавшие России земли и во всей Передней Азии снискал славу непобедимого воина. Именем Надир-шаха матери страдали младенцев. Он наводил ужас на всех и вся.

Вестник несчастья Симон Абрамишвили, встретивший грузин в Астрахани, привел в полное замешательство и без того растерянного и загнанного в тушик Вахтанга. В невеселые раздумья погрузились царь и его свита. Куда следовать дальше, на кого надеяться, откуда ждать избавления? Речь шла о судьбах родины, и от решения правильного и быстрого зависела будущность.

Даже более прозорливый и рассудительный повелитель на месте Вахтанга вряд ли смог бы найти выход из создавшегося положения.

Поэтому естественны и понятны сетования царя, которые поэт передает в следующих строках:

Как мне быть и что мне делать,
Распростертому во прахе?
Если я вернусь обратно,

Как себя мне оправдать?
Если я в Дербент отправлюсь,
Что там должен предпринять?

Дурное известие сломило духовные и физические силы Вахтанга. Впавший в отчаяние, лишенный короны, царь сам же признает себя виновным в печальных и горьких последствиях своих неправильных действий («Боже, что со мной ты сделал? Наложил зачем опять на разумные деянья скудоумия печатать?»). Если бы он возвратился без приказа в русскую столицу, кто знает, как бы его там приняли. А если податься в Шемаху, то что там делать?

Что он мог противопоставить победоносной армии Надир-шаха, одинокий, оставшийся без союзников, с двумя тысячами воинов?

Царь взвесил плачевные результаты своих действий и содрогнулся. Со всей ясностью он узрел, что все его мудрствования оказались на поверку глупостью. Оставшийся без союзников и покровителей, Вахтанг чувствует себя брошенным и одиноким. Ему кажется, что само небо гневется на него, а земля разверзла мрачную бездну, чтобы поглотить обреченного. Вахтанг горестно восклицает:

«Почему судьба доселе
Столь жестоко гонит нас?»

Неужели нет исхода
Для меня и в этот раз?»

Теперь уже он окончательно убедился, что слишком долго медлил («Если бы только мы доселе не ползли, как черепахи»), но поздно... Вместе с царем оплакивает горькую участь и стонет его придворный поэт.

Наконец решение было принято. Вахтанг вынужден отказаться от политической жизни, удалиться от света, снять с себя полномочия повелителя и стать частным лицом. Таким был суровый приговор, который вынес себе в наказание царь. Он отправился в Дербент, где русские пушки несколькими залпами приветствовали бедного изгнанника. (Хотя было бы полезнее не тратить снаряды, а приберечь их для войны с Надир-шахом!) Можно себе представить, в каком подавленном состоянии находились Вахтанг и его свита, явившиеся в Дербент. Однако пушечные залпы в честь прибытия Вахтанга заставили их приободриться. «Били залпы хоть куда!. Как-никак, а утешенье для приехавших сюда!». Вот как повествует Гурамишвили о прибытии грузин в Дербент:

И когда мы появились
У Дербентского причала,
В облачене духовенство
Нас торжественно встречало.

Белый стяг над башней взвился
По приказу адмирала,
От раскатов русских пушек
Вся окрестность грохотала.

Перевод Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

Окончание следует

СВЕТ ДОБРА

● П о в е с т ь

ОДНАЖДЫ вечером мама вернулась домой бледная и встревоженная. Она казалась сильно напуганной. Велев мне одеваться, торопливо сложила вещи в чемодан, и мы вышли из дому, тщательно заперев двери квартиры — все равно как если бы на дачу сходили, хотя до лета было еще далеко. И потом мама обычно заранее готовилась к отъезду.

Вскоре мы очутились на вокзале, в поезде. Я стал расспрашивать, куда и почему едем, но мама переводила разговор, а раз строго заметила, что меня это не касается, и вообще мне не обязательно все знать.

Город, куда мы приехали, назывался Таганрог. Здесь мы поселились у маминной старой знакомой. Во время войны она жила в Тбилиси.

Мама все время была сама не своя. Нервничала, чего-то боялась, злилась, когда я задавал ей вопросы. Я и перестал их задавать, и мы почти не разговаривали друг с другом целых две недели, а через две недели у мамы на работе случилась, как говорили, какая-то «недостача» и ее арестовали. Меня определили в Таганрогский детдом.

Я знать не знал, в чем могла провиниться мама. Почему погубила себя и меня одного оставила. Она работала кассиршей в какой-то большой организации. Не знаю, что там у них стряслось. Остался я один без своих товарищей и любимых учителей.

Мои новые товарищи и воспитатели были хорошие люди, но все же чужие мне, казалось, я никогда к ним не привыкну. Я несколько раз хотел убежать из детдома, но не осмелился. А бежать-то все равно некуда было, не к кому. И потом в Тбилиси друзья-товарищи стали спрашивать, что да как, почему мою маму арестовали... Я вспоминал печальные глаза матери и никак не мог представить ее ласковую, веселую улыбку.

Порой мне казалось — все это сон или попросту недоразумение и мама со дня на день за мной придет. Тогда мне хотелось опередить ее — самому вернуться в Тбилиси, чтобы порадовать ее, какой я взрослый и самостоятельный.

Но дни проходили за днями, а все оставалось как прежде. И слезы подступали к самому горлу. Я плакал только украдкой, но это не укрывалось от тети Дашы, нашей воспитательницы. Она всячески старалась утешить и приласкать меня.

Тети Даша вообще ко всем была очень добра и называла детей своими «пичужками». Меня она тоже так называла, и глаза ее излучали ласку и тепло.

Особенно я обрадовался, когда тетя Даша заговорила со мной по-грузински. Она знала немного по-грузински, потому что во время эвакуации попала в Тбилиси, работала в редакции какой-то газеты уборщицей и училась. Ей тогда было семнадцать лет.

Тетя Даша рассказывала еще о жизни Тбилиси во время войны, о сотрудниках газеты. Она и адрес редакции помнила, назвала его, и перед моими глазами мигом возникло большущее здание на улице Ленина...

Но я не всегда мечтал о возвращении в Тбилиси. Порой мне туда не хотелось вовсе, казалось, непременно попаду к тете, и в школе товарищи узнают,

что маму арестовали, станут расспрашивать, зачем да почему. Я стыдился встречи с ними, но меня все же тянуло домой все сильнее и сильнее.

По рассказам тети Даши я понял, что газета может помочь людям в бедде, вспомнил адрес редакции и написал письмо. Просил помочь вернуться в родной город. Ответ пришел быстро. Писали, что постараются выполнить просьбу. Меня это огорчило. Я ведь ожидал, что они обязательно помогут, а не «постараются» помочь.

Через несколько дней тетя Даша повела меня к директору, высокому, лысому мужчине с зычным голосом. Директор был добродушный, веселый человек, часто с нами шутил и любил рассказывать интересные истории.

Он усадил меня в кресло, улынулся и сказал:

— Что же это ты, дружище, пожаловался на нас?

— Я не жаловался, — запинаясь, ответил я.

— Мужчине надо быть смелее! — по-прежнему улыбаясь, пробасил директор. — Зашел бы ко мне, сказал бы: так, мол, и так, Кузьма Петрович, хочу в Тбилиси переехать... Ты молчишь, а мы думаем, тебе нравится в нашем доме... А разве у нас так плохо, а?

— Нет, хорошо, но я хочу в Тбилиси.

— Ну ладно. Хочешь — переведем. Не следовало зря редакцию беспокоить. Ну хорошо, хорошо. Ты же не знал, как надо поступить.

Я и в самом деле этого не знал и очень переживал, что так получилось, хотя Кузьма Петрович несколько не сердился.

Вскоре наступил день моего отъезда. Сопровождающей назначили тетю Дашу. Кузьма Петрович подвез нас к вокзалу на своей машине и поцеловал меня на прощание.

...Заснул я рано. Приснилась мама. Она куда-то убегала, а я бежал за ней и старался догнать, но не мог.

— Почему ты плачешь, мальчик? — услышал я сквозь сон.

Незнакомый мужчина смотрел на меня с соседней полки.

— Я не плачу, — пробурчал я и протер ладонью глаза.

Свет синей лампы на потолке едва освещал купе.

— Ну-ну! — сказал мужчина с деланной строгостью и повернулся ко мне спиной.

Наутро я долго сидел у окна вагона. Горы, холмы, города, села, люди, отары овец сменяли друг друга.

К полудню мы приехали в Тбилиси.

Тетя Даша хорошо знала город, но когда мы вышли на привокзальную площадь, призадумалась. Должно быть, многое изменилось здесь со времен войны.

— Сядем в пятый номер троллейбуса и поедem к нам, а, тетя Даша, — попросил я.

Но тетя Даша отказала. Ей велено было доставить меня в детдом.

Мы сели в такси и поехали.

После обеда мы осмотрели детдом, а вечером одна из воспитательниц повела тетю Дашу к себе ночевать. Вернулась она на следующий день. Побывала, оказывается, в редакции, сообщила, что привезла меня. Вечером мы попрощались, и я расплакался.

— Не забывай, пиши, — сказала тетя Даша и обняла меня.

Я бы все равно никогда ее не забыл.

Не прошло и двух дней после отъезда тети Даши — меня вызвал директор детдома. К директору просто не вызывают. «Наверное, маму освободили», — промелькнуло у меня в мыслях. Потому я прямо ворвался в его кабинет и... остановился как вкопанный — мамы в комнате не было. Там оказались директор, какая-то пожилая женщина и мужчина — все они, втроем, молча меня рассматривали.

Я растерялся вконец и почувствовал, что краснею. От волнения у меня лицо гореть начало.

— Вот и он, — после некоторого молчания, как издалека, услышал я голос директора.

Он поднялся, подошел, потрепал меня по щеке и подвел к гостям.

Пожилая женщина улыбнулась, протянула мне руку и сказала:

— Меня зовут Кетэван Викторовна, я из редакции, а дядю — Анзор Меликишвили. Мы вместе работаем.

Я наконец пришел в себя и понял, что это те люди, которые помогли мне вернуться в Тбилиси.

— Мы получили твое письмо и хлопотали о твоем переводе, — сказал Анзор, — ты, видно, парень способный. Хорошо пишешь.

— А какие у него глаза! Совсем как у моего Темура, — сказала пожилая женщина. Она мне сразу же понравилась. «Темур, конечно, ее сын, — подумал я. — Потому, наверное, она смотрела на меня так пристально и ласково».

— Твое письмо всем в редакции понравилось, — сказала Кетэван Викторовна. — Мы решили тебя усыновить. Хочешь быть нашим сыном?

— Вот как сын полка, ты, наверное, слышал? — спросил Анзор Меликишвили.

— Слышал, — ответил я, — я читал «Сына полка».

— Молодец! А у нас будет «сын редакции», — смеясь, сказал Анзор Меликишвили и дружески хлопнул меня по плечу.

Я не знал, что и сказать. Одно помню — радости моей конца не было.

Так я стал сыном редакции. Я жил по-прежнему в детдоме, и дядя Анзор навещал меня, приносил книги, подарки, сладости. Иногда вместе с ним приходила и тетя Кето и подолгу беседовала со мной.

И я так привык к ним, словно мы были знакомы вечно. И когда тетя Кето предложила мне жить у нее, пока маму отпустят, я тотчас же согласился.

Тетя Кето оформила документы, а потом на машине Анзора Меликишвили я переехал к ней. Анзор Меликишвили попрощался с нами у подъезда. Он спешил обратно в редакцию.

Тети Кето жила в двухкомнатной квартире. В одной комнате был кабинет, уставленный полками, полными книг, на стене висели две фотографии: пожилого мужчины и парня лет девятнадцати. Я решил, что это и есть Темур, и уставился на портрет. Сам не знаю почему, я хотел найти сходство между нами. Только Темур совсем не был похож на меня.

— Это мой сын, Темур, — сказала тетя Кето. — Ему было восемнадцать, когда он погиб на фронте... — голос у нее дрогнул. Она махнула рукой и неожиданно указала на диван. — Здесь ты будешь спать. Темур тоже здесь спал. — И я понял, что всегда буду напоминать ей о родном сыне. Но напомнит ли мне тетя Кето мою мать, ведь она гораздо старше мамы, ей, наверное, около шестидесяти.

Как бы там ни было, а я почувствовал, что начинается моя новая, особенная жизнь и мне будет хорошо здесь. Я наверняка это знал.

Запомнилась мне и редакция. Тетя Кето познакомила меня со всеми сотрудниками, и вахтершей, и лифтером, которого называли «Кутузовым», потому что на один глаз он был кривой. Редакция находилась на третьем этаже. В большой комнате, где работала тетя Кето, стояло четыре письменных стола, за одним из них сидел Анзор Меликишвили, за другим — тетя Кето. Остальные два стола завалены были исписанными листами.

Комната сразу наполнилась народом... И все наперебой разговаривали со мной, подбадривали, говорили, что я написал хорошее письмо... А я и не помнил, что написал. Старался, правда. Когда мы опять остались в комнате вдвоем, тетя Кето достала с полки толстую книгу, перелистала ее и показала мне. Там была сделана надпись: «1964 год, 24 октября, Титэ Гоциридзе...».

* * *

В школу я пошел через полтора месяца после начала учебного года. Меня приняли, но отметки за первую четверть не поставили. Наша школа находилась рядом с редакцией.

Жилось мне у тети Кето неплохо, но мысль о родном доме меня не покидала. Там у меня остались совсем новенький портфель и несколько любимых книг. Я сказал об этом тете Кето и попросил поехать к нам на квартиру... Она согласилась.

Ну и медленно же этот троллейбус ехал, полз как черепаха. Тут еще на повороте с проводов сорвался бигель. Водитель целую вечность прилаживал его на место. Я нетерпеливо ерзал на сидении и украдкой поглядывал на тетю Кето. Такого спокойного человека я в жизни не встречал. А сколько она горя испытала — потеряла сына и мужа. Страдала, конечно, но виду не подавала...

Наконец мотор заработал, и троллейбус тронулся с места.

...Одним духом я взбежал вверх по лестнице на третий этаж и приналег на дверь — я всегда толкал ее плечом, когда поднимался со двора. Дверь легко поддавалась — меня ждала мама, а сейчас эта дверь словно в глухую стену превратилась, словно оттолкнула меня, как живая. Я отпрянул и только тогда заметил на дверях красную сургучную печать. В первую минуту даже показалось, что я ошибся, не туда попал, но взглянул на соседние двери и прочитал знакомые фамилии соседней: «Дзиндзибадзе», «Чкониya». Они были хорошие люди и хорошие соседи. Всегда меня баловали. Я постучался. Обе двери открылись одновременно, и почти одновременно несколько голосов воскликнули:

— Кого мы видим?!

Теща Дзиндзибадзе Макринэ Федоровна и его жена тетя Тина, жена Како Чкониya, тетя Ивлита, его дочь Ирма бросились меня целовать. А Макринэ Федоровна заплакала. Тетя Ивлита схватила меня за руку, затащила в комнату. Поднялась и тетя Кето. Ее тоже пригласили в комнату, пододвинули стул.

Меня так и засыпали вопросами: где я да что я, успокоились только, когда узнали, что живу у тети Кетэван, поблагодарили ее за доброту.

— Мы ничего о них не знали, что случилось, куда они делись... Обеспокоенно говорила тетя Ивлита, — пусть остается у нас, разве мы за ними не присмотрим! Так все неожиданно случилось... Пришли, опечатали... Ни ребенка не видно, ни матери... Не знали, что и подумать. Опечатали, тогда и догадались, в чем дело...

— Титэ, сынок... — бормотала Макринэ Федоровна и вытирала платком слезы.

Я молчал.

— До окончания суда квартира будет опечатана, — продолжала тетя Ивлита, — дай бог, чтоб все кончилось благополучно. Не сомневаюсь, что Нино ни в чем не виновата...

Нино — моя мама. Тетя Ивлита не сомневается, что она невиновна. В этом и я не сомневаюсь, ведь она моя мама, а моя мама всегда должна быть права. Но разве правый человек убежит, как мы, в Таганрог?!

— Посмотрим, — сказала тетя Кетэван и поднялась, — пойдем, Титэ.

— Оставайтесь, пожалуйста, — забеспокоилась тетя Ивлита, — я сейчас... Не отпускать же вас так?!

Но слово тети Кето уже было для меня законом, и я безропотно последовал за ней.

Семьи Чкония и Дзиндзибадзе с шумом проводили нас. Я еще раз с тоской посмотрел на красную печать, похожую на маленький кулак, которым словно грозились наши двери.

* * *

Работа в редакции начиналась в десять часов утра, а занятия в школе — в девять. Тете Кето приходилось идти на работу на час раньше: она отводила меня в школу.

После уроков я бежал в редакцию и оставался там до конца рабочего дня. Обедал. Готовил уроки. Сотрудники редакции мигом раздобыли мне учебники. Анзор Меликишвили подарил новехонький портфель.

Порой в редакции кроме тети Кето и меня никого не бывало, а порой собиралась уйма народу. Приходили, уходили, спорили. Двери не закрывались. Иногда к столу тети Кето подсаживались люди с жалобами. Люди были самые разные. Некоторые даже плакали, просили оказать помощь.

В комнате кроме Анзора Меликишвили и тети Кето сидели Алекси Жоржикашвили и Герсентий Микадзе.

Дядя Алекси, невысокого роста, подвижный, лысый человек, так громко и с таким азартом говорил о самых простых вещах, что можно было подумать, он актер. А если звонил откуда-нибудь в редакцию по телефону, трубку невозможно было к уху поднести — так он кричал.

Геронтий был молодой парень, высокий, чуть сутулый, с большими, как у теленка, глазами. На работе он только и делал, что писал, даже когда в комнате бывала уйма народу. Он писал и рвал написанное, писал и рвал. Бумаги в редакции — хоть отбавляй.

Если кто-либо из сотрудников уходил по заданию, я садился за его стол. Все очень удивлялись моему поведению: говорили, что других детей ни за что на месте не удержишь, а этот может часами за столом сидеть и читать. Я и прежде любил читать и никогда с мамой не пререкался, а с Кетэван Викторовой — тем более, в глаза ей смотрел. И ко всему в придачу меня беспокоила участь матери. Не до забав было. Может, потому тетя Кето меня и любила. А я так нуждался в ее ласке!

Двадцать второго ноября день моего рождения. Когда я о нем думал, сердце сжималось, глаза наполнялись слезами. Вспоминался прошлогодний день. Мама вынесла к соседям все наше имущество: кровати, тахту, шкаф. Стол раздвинули, и мама вместе с Чкония и Дзиндзибадзе накрыли его. Я весь класс пригласил. Мы весело провели время. Потом, когда мои друзья ушли, собрались взрослые; несколько сослуживцев моей матери, соседи. Они кутили допоздна. Я заснул у Чкония, а когда проснулся, мне уже пошел двенадцатый год... Через два дня пойдет тринадцатый. Я не осмеливался сказать тете Кето о дне рождения. Как бы она не подумала, что я хочу подарков.

Не хотелось, чтобы этот день наступил. Прошлое не повторится. Утром только открою глаза, мама меня целует! А сейчас не поцелует никто и никто не вспомнит о дне рождения Титэ Гоциридзе!

На уроках я часто думал об этом. Как ни старался отогнать эти мысли, ничего не получалось. Я считал, что не время праздновать день рождения, когда моя мама в таком положении, но вспоминалось прошлое и хотелось, чтобы все повторилось.

Я сижу на последней парте с одной девочкой. Ее зовут Мзия Гуджабидзе. Она все время семечки на уроках грызет, люблю, говорит, семечки. Вся парта ими пропахла, а учительница не замечает. Хитрая она, Мзия. На первый взгляд ничего не видно — ни шелухи, ни семечек. А портфель полон ими. Мзия очень живая девочка. Глаза у нее как огоньки. Самые настоящие огоньки.

«Мзия, — шепчу я в душе, стараясь не смотреть в ее сторону, — двадцать второго день моего рождения, придешь?» «Приду!» — как будто бы мигом отвечает она. Я радуюсь, что Мзия придет. Почему, интересно? И вдруг как будто слышу: «Нет, не приду!». Сердце замирает, хочется в самом деле спросить, придет она или не придет? Но разве я буду отмечать день своего рождения!

Наша классная наставница Нелли Семеновна Сулиашвили пересадила меня с последней парты на первую. Не знаю почему. Я пересел, ни слова не сказав. Зато Гига Лоладзе поднялся с прежнего места неохотно, с ворчанием. Мы, наверное, потому поменялись местами, что Гига был выше меня, да и остальные тоже.

Мне стало немного обидно, я так привык к Мзии...

* * *

На следующий день, когда мы пришли домой, я заметил какое-то оживление среди соседей и почуял запах пенья. Соседи готовились к какому-то празднику. Может, день рождения тети Лизико или ее сына студента Мераба? Тетя Кето стала помогать Лизико.

Печеное занесли к нам. Что-то положили в холодильник, а что-то на шкаф. Наверное, очень много напекли и у тети Лизико не поместилось. Между соседями бывает такое, когда ждут много гостей.

Утром я, только раскрыл глаза, увидел у своей кровати веселую тетю Кето.

— Поздравляю, Титэ! — сказала она и поцеловала меня.

Меня дрожь пробрала. Я приподнялся и обнял свою названую мать.

— Как вы узнали, что сегодня день моего рождения? — спросил я.

— Очень просто, — улыбаясь, ответила тетя Кето, — у тебя на лбу написано.

Сердце радостно забилося: в прошлом году мама сказала, чтобы я пригласил домой своих школьных друзей. Тетя Кето молчала. А дома всего полно. Наготовили вдосталь. Я подумал, что тетя Кето непременно велит товарищей позвать. Но она все молчала, пока мы не подошли к дверям школы. Тут она говорит:

— Титэ, пригласи к нам сегодня своих товарищей.

Я онемел от радости.

И только в коридоре школы обрел дар речи.

— Ребята, сегодня день моего рождения!

Как хорошо, когда тебя поздравляют от всей души и разделяют твою радость. Сердечнее всех меня Мзия поздравила. Ее глаза-огоньки еще ярче засветились, она восторженно захлопала в ладоши и поцеловала меня. Я страшно растерялся и смутился.

А Мзия мне говорит:

— Здесь что было из-за твоего места! Знаешь, ты опять будешь сидеть со мной, Гигина мать приходила, сказала Нелли Семеновне, почему, мол, вы пересадили моего Гигу на последнюю парту! Нелли Семеновна обещала вернуть Гигу на прежнее место. И очень хорошо, я не выношу этого Гигу! Настоящий мул! Почему ты смеешься?

Мзия так быстро говорила, что нельзя было не рассмеяться.

Когда я вошел в класс, Гига уже сидел за своей партой.

Сказать ему, что сегодня день моего рождения? Надо сказать и пригласить. Ведь и он мой товарищ.

Я подошел к нему.

— Иди отсюда! Твое место на последней парте, — выпалил он вдруг.

Не сказав ни слова, я отошел от него.

— Говорила же я — мул! — шепнула Мзия. Я сел на свое прежнее место и, сказав по правде, обрадовался.

За несколько минут до начала урока вошла Нелли Семеновна. Она выглядела очень бледной и расстроенной.

— Поздравляю тебя с днем рождения! — сказала мне Нелли Семеновна. Я даже не смог поблагодарить ее, так нервничал, что из-за меня ей досталось.

После уроков почти весь класс пошел со мной к тете Кето.

Дом тети Кето заполнился шумом и весельем. Я, конечно, в школе ни словом не обмолвился о моей маме. Даже Мзии ничего не сказал.

Мзия удивилась: тетя Кето, говорит, тетя, а где же твоя мама?

Я онемел от неожиданного вопроса и, раскрыв рот, уставился на Мзию. Наверное, она истолковала мой бессловесный ответ по-своему: решила, что мамы у меня вообще не было. Она так грустно на меня посмотрела.

Нет, в прошлом году было куда веселей...

Дети ушли, потом собрались взрослые, и на столе появилось вино. Выпили за мое здоровье, и на этом все кончилось. Я устал. Тетя Лизико взяла меня к себе и уложила в постель.

Мне приснилась мама. Я проснулся расстроенный. Кто-то нес меня на руках. Поздно ночью тетя Кето уложила меня на мою кровать. Так мне пошел тридцатый год.

По дороге в школу я вспомнил вчерашний случай. Тетя Кето часто спрашивала меня о школьных делах, и я рассказывал, как учительница пересадила меня на первую парту, а потом опять вернула на прежнее место, потому что Гигина мать поругалась с ней.

Тетя Кето рассказала об этом случае своим сослуживцам. Алекси Жоржикашвили так и подскочил на месте.

— Это возмутительно! — закричал он.

— Будь я на месте учительницы, ни за что не уступил бы... — добавил Анзор Меликишвили.

— Про этот случай надо написать в газете... Лучшего критического материала не найти, — не унимался Жоржикашвили.

Геронтий Микадзе писал, в спор не вступал. Можно было подумать, он не слышит своих товарищей! Наконец он поднял голову и сказал:

— Так рождаются подлецы.

— Не суди столь строго, Геронтий, — заметила тетя Кето.

— Да, иные родители так портят своих детей, — подтвердил Жоржикашвили и повернулся ко мне. — Значит, Гига вернулся на свое место довольный? Знаю, я все знаю. Он торжествовал победу, чувствуя свою силу, правоту... Это отравит его душу и не сегодня завтра сделает его тунеядцем...

— А что я сказал? — приподнял голову Геронтий.

— Ты сказал правду! — подтвердил Алекси.

* * *

Тетя Кето после уроков часто заходила в школу, и мы шли в редакцию. Нелли Семеновна сблизилась с ней и часто беседовала о том о сем.

— Я с детства мечтала стать педагогом, — рассказывала учительница, — а теперь, когда моя мечта сбылась, чувствую, что взялась за трудное дело. Сложнее ничего нет на свете, — она погладила меня по голове и прибавила: — Хотя бы все мальчики были такие умные!..

Нелли Семеновна знала, что тетя Кето не была моей матерью.

Однажды она сказала ей по секрету, что пишет стихи и рассказы. Тетя Кето предложила принести их в редакцию, заведующему отделом литературы и искусства, который даст ей хороший совет и поможет напечатать. Нелли Семеновна покраснела и понурилась, как застеснявшийся ребенок.

В редакцию она не пришла.

И когда тетя Кето напомнила ей об этом разговоре, она, улыбаясь, ответила, что не может решиться. Ей было всего двадцать четыре года. Уроки она объясняла очень интересно, мы все внимательно слушали ее. А я слушал ее с удвоенным вниманием. Я знал ее тайну. Учительница не просила меня хранить ее, но я все равно никому ничего не сказал.

Правда, раз я чуть не проговорился Мзии, но вовремя умолк.

Как-то тетя Кето между прочим сказала Нелли Семеновне, что в редакции есть место корректора, и спросила, нет ли у нее среди друзей хорошего знатока языка.

— Я спрошу, — ответила она.

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Продолжение следует

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОРОГИЕ!

ПОСКОЛЬКУ эта статья посвящена работе с творческой молодежью, мне, видимо, не избежать разговора об азбучных истинах. Я позволяю себе снова вспомнить некоторые из них, ибо ничуть не вредно упражнять свой ум и тренировать слух.

На XXV съезде нашей партии Леонид Ильич Брежнев, говоря о творческой интеллигенции, сказал:

«Мы рады, что все увереннее входит в жизнь молодое поколение нашей творческой интеллигенции. Настоящий талант встречается редко. Талантливое произведение литературы и искусства — это национальное достояние».

Национальное богатство — понятие очень широкое. Оно охватывает почти все сферы жизни и развития, будущего существования и творчества нации, начиная с изготовления булавок и кончая освоением космического пространства. Но, говоря о творческой интеллигенции, Леонид Ильич Брежнев, безусловно, подразумевал духовное, моральное богатство и нравственные категории нации.

Потомки должны знать, что пирамида Хеопса, орнамент Никорцминда, храм святого Петра, монастырь Джвари, Данте, Гомер, Руставели и Сервантес не божьи творения, что рукописи, удивительные изделия и бесценные сокровища, выставленные в экспозиционных залах и сейфах музеев мира, созданы ценой моря крови, пота, мучений, творческого горения, нечеловеческих усилий и старанием бесчисленного множества поколений и существовавших до сегодняшнего дня цивилизаций, что именно их существованием измеряется донесенное до нас человеческим родом его духовное богатство.

Именно поэтому и были произнесены с высокой трибуны XXV съезда партии следующие слова:

«Пожелаем же деятелям культуры — членам партии и беспартийным — создать новые произведения, достойные нашей истории, нашего настоящего и будущего, нашей партии и народа, нашей великой Родины».

Яснее ясного, что все то, о чем сказано выше, вместе с нами должна выполнять и молодежь.

Естественно и то, что после такой высокой оценки труда творческой интеллигенции Центральный Комитет КПСС в октябре 1976 года принял специальное постановление «О работе с творческой молодежью».

Но что значит «творческая молодежь»?
Прежде всего это — передовой отряд молодежи, которую отличают от других талант и трудолюбие. Оба эти свойства в молодых должны быть представлены в одинаковой мере.

Во всей мировой литературе после Гете, наверное, никто не относился к труду так бережно и благоговейно, как Максим Горький. «В нашей стране вся-

кий труд должен превращаться в искусство преобразовать мир», — говорил Горький. Маяковский же, обращаясь к потомкам, провозглашал:

Мой стих
трудом
 громаду лет прорвет
 и явится
 весомо,
 грубо,
 зримо,
как в наши дни
вошел
 водопровод,
 сработанный
 еще рабами Рима.

А Важа Пшавела — высочайшему, недоступному взору столпу грузинской, да и вообще всей поэзии девятнадцатого века, стих которого течет как прозрачный родник, — оказывается, каждая строка давалась ценой невероятных усилий. Обращаясь к тени Давида Гурамишвили, он говорит о том, что ему, пребывающему в нищете, для приготовления еды, под которой разумеется творческий процесс («... из слез твоих сварил я кашу чувств своих»), нужен огромный труд.

Да, написать хорошее стихотворение или рассказ очень трудно.

Молодость — самая счастливая пора в жизни человека, поскольку она означает силу, красоту, мечту, смелость и целеустремленность. Но она может стать несчастьем, если в молодости у человека нет этих данных, и еще более страшно, когда они есть и не используются.

Молодежь похожа на саженец, который появился в великолепном старом, но еще крепком лесу, с надеждой взирающем на него сверху. Случается также, что такой лес своими могучими ветвями невольно закрывает саженцу солнце, свет, лишает его тепла, и юный питомец растет слабым, хилым и болезненным. Только потом, как высохший бук Важа Пшавела, каждый из нас начинает понимать действие великого закона природы — времени и с надеждой смотреть на появившийся у его корней нежный побег. Но это переживание, это ожидание требует действия: ведь за побегом надо присматривать и ухаживать своевременно.

И если народ и отечество возложили на нас высшую миссию садовника, дав в руки исцеляющий нож, а не нивелирующие ножницы для стандартной подстрижки декоративных растений в садах, судьба творческой молодежи — в наших руках, и именно от нас зависит, какой саженец мы вырастим, сколь плодородный сад заложим и какую опору сработаем из этого дерева...

Горько вспомнить, что в нашей стране — я имею в виду весь Советский Союз — в среде творческой молодежи, а то и писателей старшего поколения, уж не знаю, произвольно или нет, насаждался так называемый «спортивный» метод творчества. Литература, живопись, музыка были похожи на подготовленный к состязаниям огромный стадион, в конце которого протянута финишная лента. Люди, надрываясь, старались первыми добежать до финиша, чтобы поскорее встать на пьедестал почета. А ведь искусство и литература — не спорт, они не имеют финиша. Оба они — Голгофа бесконечная, на которую каждый должен поднять свой крест. В искусстве не существует одной вершины, чтобы кто-то мог сбросить с нее кого-нибудь и занять его место. Если бы это было так, после Руставели грузинская литература оказалась бы в положении, когда нам не понадобился бы даже пантеон. Литература и искусство больше похожи на Тибетское нагорье со своими бесчисленными вершинами и высотами, куда писатели приходят, чтобы каждый мог овладеть своей вершиной; тут никто ни с кем не борется и никто никого не отталкивает. Что делать, если одни вершины — высоки, а другие — пониже; все они дополняют друг друга и стоят, обнявшись словно братья, как, скажем, стоит Кавказский хребет, многообразием своих высот украшающий Землю...

Человечество не с неба спустилось на нашу планету. Оно возникло из земли и потом возвысилось. Я глубоко убежден, что завоевание космоса началось еще тогда, когда наш далекий предок взобрал на маленький холм и оттуда скинул взором мир. Потом пришли поколения, завоевавшие более высокие вершины, в том числе и Джомолунгму, еще позже взмыли в космос, ступили на Луну, откуда и взглянули на семцветный нимб вокруг Земли.

На свете мало примеров, когда человек, увенчанный поклонением своего народа, снял бы с себя этот венец и отдал другому, к тому же совершенно неизвестному юноше. В этом отношении поразителен гражданский акт, совершенный великим Ильей в отношении Бараташвили.

В своем выступлении, посвященном переносу останков Николоза Бараташвили, Илья Чавчавадзе сказал:

«Господь послал нам в утешение, чтоб мы могли гордиться, Николоза Бараташвили. Он благословил его язык для речи, глаза для зрения, уши для слышания, вложил в сердце его негасимый огонь, чтоб согреть сердца людские, и повелел — иди к роду человеческому и поведай ему волю мою, зажги словом сердца...».

И это говорил о затерянном где-то в Гяндже одиноком авторе всего нескольких стихов, юном поэте человек, перед которым почтительно склонялся весь грузинский народ, смотревший на него с надеждой. Но именно этот человек, устами которого были сказаны слова о том, что для отечества важнее, если сын лучше отца, должен был произнести приведенное выше высказывание...

Возможно, кто-либо скажет, что не все — Бараташвили, да и открыть такого поэта, как Бараташвили, было не так уж трудно. Тогда вспомним, что Бараташвили жил при Григоле Орбелиани, что он — его племянник, читавший стихи своему выдающемуся дяде, но, как видно, племянник, обитавший на вершинах, недоступных для дяди, казался тому со своей высоты не столь уж большой птицей.

Обо всем этом я говорю потому, что о молодежи надо своевременно заботиться, не лишая ее внимания.

Но за правительственным постановлением о работе с творческой молодежью последовали определенные издержки, побочные явления. Это обстоятельство в Союзе писателей Грузии раньше других как председатель приемной комиссии заметил я. На сегодня в моем столе лежит что-то около 150 заявлений желающих вступить в Союз писателей. Большинство из них, конечно, молодежь. Не хочу обидеть никого из претендентов, но сомневаюсь, чтобы каждый из них был достоин этого почетного звания.

Очень может быть, что кто-нибудь воспринял это постановление, как призыв к молодежи вступать в ряды творческих работников. Но тот, кто думает так, ошибается, поскольку искусство, наверное, единственная сфера, куда нельзя призывать никого, а тем более молодежь. В постановлении речь идет только о подборе подающей надежды, перспективной и талантливой молодежи, о заботе о ней.

Как указано в уставе Союза писателей, у каждого заявителя должна быть издана хотя бы одна книга. Некоторые авторы лежащих у меня заявлений имеют уже по три и четыре книги, если не больше. Но ведь, к счастью, талант писателя никогда не оценивался и не может оцениваться количеством изданных книг. Если так, естественно, возникает вопрос: каким путем издаются такие книги и как их авторы становятся членами Союза писателей? По моему мнению, главная причина этого — индифферентизм, безответственность и ничем не оправданная лояльность, проявляемые к авторам рекомендателями, редакторами, издательствами и членами приемной комиссии.

Говорил и еще раз скажу: наша критика не знает меры ни в чем — те вообще махнут рукой на молодого литератора, то напротив — до тех пор глядят по головке, пока не заравняет все борозды в его мозгу.

Однако справедливости ради тут же скажу, что и наши издательства проявляют непростительное равнодушие к талантливой молодежи. Почему-то стало традицией: первую книгу молодого автора обязательно издавать в объеме одной или двух печатных форм, а гонорар выплачивать по самому низкому тарифу. Именно эта ничем не оправданная и позорная практика является первоисточником того нивелирования, которое принижает искусство и литературу. Не думаю, чтобы в нашей стране существовал подобный закон или постановление. Я глубоко убежден, что эти «законы» установлены работниками издательства и редакций. Количество печатных форм и гонорара автора, молодой он или нет, должно определять только качество произведения, а не что-либо еще.

Но сегодня нас беспокоит другое обстоятельство. Молодежь приходит, чтобы сказать свое слово громко, как говорил Маяковский, «во весь голос». Нередко, рекомендуя молодого писателя, критика дает ему такую, примерно, характеристику: «Он пришел в нашу литературу незаметно, без претензий, тихо, сидит себе в тени какого-то дерева, пишет маленькие стихи и рассказы и не беспокоит никого своим существованием...».

Извините меня, но кому и для чего нужен такой молодой писатель?! Молодежь должна входить в литературу так, чтобы земля содрогалась под ее ногами. Молодежь должна ступать так весомо, чтобы все вокруг гремело и вторило ей.

Хотя следует сказать также, что качество произведения не определяется высокими нотами, кричащими фразами. Прежде всего, оно должно быть наце-

лено далеко, как пуля, и иметь пробивающую способность. Меня вот в детстве ранил в самое сердце своим стихом Акакий Церетели, и рана эта не заживает (и пусть не заживет!) до самой смерти:

Бирюзовый, изумрудный
Край, которым я дышу

Твой я, за тебя умру,
О тебе и скорбь ношу.

(Перевод С. Шервинского)

Я не читал и не знаю более «громко» написанного стихотворения, чем этот лирический шедевр.

Нередки случаи, когда тот или иной литератор в качестве своих учителей перечисляет корифеев мировой литературы. Все писатели, которых мы с вами прочли с детства по сегодняшний день, формально являются нашими учителями, хотя у многих мы учились и тому, как нельзя писать. В литературе есть более умные советчики, друзья и благожелатели, иногда есть советчики нехорошие или даже враги — молодежь и это должна знать и учитывать.

Прошу не понять меня так, будто учителя и советчика не существует и у меня тоже будто наставников никогда не было. Напротив: советчиков и учителей у меня столько, что хватит не только мне, но и тысяче таких писателей, как я. Берно говорят у нас в народе: наиболее щедро бог одарил человека умом и сообразительностью, ибо на их отсутствие не жалуется никто. Напротив, каждый готов отдать сколько угодно своего.

Я имею в виду совсем другое. Максим Горький на Первом Всесоюзном съезде писателей сказал.

«Товарищ Соболев — автор «Капитального ремонта» — сегодня сказал очень веские и верные правде слова: «Партия и правительство дали писателю все, отняв у него только одно — право писать плохо». Отлично сказано! К этому следует прибавить, что партия и правительство отнимают у нас и право командовать друг другом, предоставляя право учить друг друга. Учить, значит, взаимно делиться опытом. Только это. Только это, и не больше этого».

Мудрым человеком сказано!

Писать и стать писателем никто никого научить не может. Это — не факультет искусствоведения. Учитель тот, кто наставит на путь и посоветует, как идти дальше, а потом — будешь ли ты бежать или ползти по этому пути, зависит только от твоего таланта и способностей. При выборе наставника и учителя следует быть осторожным и соблюдать меру, поскольку существует множество примеров того, как многих творцов привела к эпигонству в искусстве чрезмерная игра в учителя и ученика, а от эпигонства до графомании совсем недалеко. Графомания же — очень большое несчастье. Известный психиатр Ломброзо в своей книге «Гениальность и помешательство» пишет, что медицина вылечивает всякие пизоидные заболевания, кроме графомании...

Молодежь должна знать, что быть писателем не означает только писать рассказы и стихи. Быть писателем — значит быть гражданином своей страны, лекарем души своего народа.

Молодежь обязана знать, что природа и жизнь — это та лампа Алладина, которая исполняет все желания человека. Только для этого ее надо долго, очень долго, почти всю жизнь протирать и полировать — только тогда исполнится задуманное, сбудется мечта.

Я как доброжелательный советчик, а не учитель, советую нашей молодежи прислушаться к советам Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела, Николоза Бараташвили, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, В. В. Маяковского, Галактиона Табидзе и других с тем, чтобы загореться таким же творческим пламенем, каким горели эти благословенные души.

А нам, писателям и творцам старшего поколения, пусть хватит силы и смелости, чтобы так же искренне, как Акакий Церетели, сказать молодым: «Доро пожаловать, дорогие!».

● Из классического наследия

ОБЩЕСТВЕННАЯ и творческая деятельность Екатерины Габашивили началась в 70-х годах прошлого столетия. Автор многих художественных произведений, среди которых особый интерес представляют детские рассказы, она прошла долгий жизненный путь, была очевидцем многих изменений в общественной жизни. Это определило жизненность созданных писательницей художественных образов, человечески взаимоотношений, точность описания социального быта. Писательница не только помнила акт освобождения крестьян, но и принимала активное участие в народническом движении. Близость к крестьянам, внедрение образования в деревне были идеалами ее юношеских лет. Эти народнические взгляды Е. Габашивили проявились в ее художественных произведениях.

Общественная деятельность их автора была связана с борьбой за права женщин, за их образование. Е. Габашивили выступала с публицистическими статьями, в которых призывала женщин к активной деятельности, пропагандировала обязательное обучение для них. Словом, практически руководила сложным делом основания женских школ и их дальнейшего существования. Как очевидец Великой Октябрьской социалистической революции, писательница была увлечена успехами народного хозяйства нашей страны. Знакомая с тяготами крестьянского труда, она сравнивала их с тяжелой дореволюционной жизнью героев своих произведений.

В соответствии с научным планом Института истории грузинской литературы имени Ш. Руставели по подготовке научных изданий грузинских классиков впервые к изданию готовится полное собрание сочинений Е. Габашивили в трех томах, где будет представлено полное письменное наследие писательницы.

При жизни Е. Габашивили (1851 — 1938) ее произведения систематически печатались в периодической прессе, выходили отдельными книгами и сборниками. Так, например, в 1885, а затем в 1888 году увидели свет небольшие сборники рассказов Е. Габашивили. Спустя 10 лет печатаются ранние рассказы писательницы, а в 1910 году с исследованием и под редакцией К. Абашидзе выходит том под названием «Сочинения», в который вошло 46 избранных произведений Е. Габашивили. Через три года снова вышел маленький сборник ее ран-

них рассказов, а в 1916 году два детских сборника — для подростков и для совсем маленьких читателей.

В 1932 году были изданы «Избранные произведения» писательницы. Но ни «Сочинения», ни «Избранные произведения» не были полным сводом всего ею написанного.

Если восемь первых изданий осуществлялись с участием автора, то издание 1936 года под руководством профессора М. Зандукели готовилось уже без нее. После смерти писательницы были подготовлены издания 1952 года под редакцией профессора Г. Тавшивили («Детские рассказы»), 1953 года под его же редакцией (I том «Избранных произведений») и 1960 года (II том «Избранных произведений»).

Как отмечал Г. Тавшивили, «в эти два тома Е. Габашивили вошла только половина литературного наследия писательницы». Это заявление соответствует истине. Работа над библиографией писательницы подтвердила этот факт. Множество статей, переводов и произведений, печатавшихся в периодических изданиях, не вошли в вышеуказанные сборники. В полное же собрание сочинений, композиция которого основана на жанрово-хронологическом принципе, войдут художественные произведения как печатные, так и неопубликованные (I том — с 1868 по 1904 год, II том — с 1905 по 1936 год), художественные переводы, письма о литературе и по общественным вопросам, напечатанные в периодической прессе и хранящиеся в архиве писательницы, личная переписка с общественными деятелями, членами семьи, друзьями и родственниками (III том).

Каждый том будет снабжен научным аппаратом: заметками-комментариями, вариантами и указателями.

В ходе изучения архива Е. Габашивили был обнаружен ряд неопубликованных рукописей. Так, например, среди автографов писательницы я нашла ее известную новеллу «Душевные тревоги Нато», переведенную самим автором на русский язык, по-видимому, с целью опубликования в русских журналах. Это единственное произведение Е. Габашивили, переведенное на русский язык ею лично. В нем обращает на себя внимание умение писательницы тонко передать психологические переживания своих героев.

Ниже приводится текст этой новеллы.

Любовь МЕПАРИШВИЛИ

Душевные тревоги Нато

22 МАРТА устраивается благотворительный литературно-музыкальный вечер с участием г-д № №, Г. Г., З. З. Между прочим, примет участие и молодой поэт Семен Давидович.

Последние слова, ничем особым не примечательные для каждого, сделались весьма важными и значительными для восемнадцатилетней хорошенькой Наталии, когда она вычитала их в объявлении на первой странице местной газеты.

Слова «Семен Давидович», набранные крупным шрифтом, вначале запрыгали в ее глазах, расширились, увеличились и приняли громадные размеры. Она не в состоянии была отвести от них глаз, перенести на что-нибудь другое свои мысли. Смех, слезы, восторг и сомнение сменялись одно за другим на ее прелестном личике, когда она с газетой в руках сидела в своей гостиной. Дышать было трудно...

«Какой день сегодня? Четверг. Значит, 22-е приходится на воскресенье. Да! Да! Воскресенье. До воскресенья еще целых три дня... три дня... Какой огромный срок. Где я найду достаточно терпения?»

Что он прочтет? Что скажет интересного? Какое выражение будет на его лице? Как примет его общество? Конечно, с восторгом! Общество любит его, иначе это имя не было бы в объявлении выделено такими крупными буквами!

Безусловно, общество его любит, безусловно, ему будут аплодировать шумно, долго...

Но, быть может, он сконфузится, расстроится, голос его изменится, утратит дар слова? Нет, это невозможно. Он бы не выступил перед обществом, если бы не был уверен в своем даровании. Я уверена в его успехе. Я буду молиться всей душой за его успех... Я так жажду этого успеха, я так желаю, что думаю—этой жажды достаточно для того, чтобы он отличился.

О! Что будет тогда со мной! Я сойду с ума! Буду смеяться, петь!

Нет, я не сумею все это выразить, я только сожму крепко свои руки, заскрежещу зубами, чтобы подавить и заглушить свои чувства.

Если он вспомнит меня после успеха и подойдет ко мне, что я скажу ему? Ничего. Я не в состоянии буду сказать хоть что-нибудь, потому что всякое слово, каково бы оно ни было, холодное или теплое, умное или глупое, — выдаст ему мои мечты, а это невысказанно... Невысказанно, потому что я не знаю, как он это примет...

Но разве я не видела его глаз, их выражения... Нет, нет! Этого быть не может!».

В таких думах Нато провела три дня до концерта.

Ее нежные черные глаза горели непривычным огнем, каждая черта ее лица обрела особую подвижность, осмысленность, она то улыбалась, то задумывалась, то болтала без умолку, то молчала целыми часами.

Аппетит пропал, ничто ее не занимало: ни книги, ни ежедневные привычные занятия.

Она без цели бродила по всему дому и каждым своим движением выказывала одно только нетерпение.

Наконец настало воскресенье.

Внешнее беспокойство уменьшилось, а внутреннее углубилось. Гибкое, веселое дитя сразу стало женщиной.

Начавшееся с шутки чувство приняло характер серьезной страсти.

Возлюбленный ее должен был выступить на арене, предстать перед общественным мнением, и этого было достаточно, чтобы он сделался в ее глазах героем, о победе которого она мечтала. В шесть часов вечера Нато с большим тщанием стала готовить наряд для этого чрезвычайного случая.

Она надела свое лучшее платье, отделав его с большим вкусом и старанием. Долго, очень долго смотрела на себя в зеркало.

«Хотя бы на один час, на несколько минут стать красавицей, — вздыхая, говорила она, — только на тот момент, пока он будет стоять на сцене, чтобы красота моя удвоила его силы, уластила его речь, придала блеск его уму и теплоту его чувствам».

Хотя Нато всем своим существом стремилась в театр, она все-таки опоздала. Зал театра был полон, когда она, улыбающаяся, прекрасная, освещенная божественным огнем страсти, с бьющимся сердцем опустилась в свое кресло.

Каким прекрасным показался ей сегодня театральный зал, какими добрыми лица у всех присутствующих, какими нарядными дамы и кавалеры, какой приятной теплота, как торжественно освещен театр.

Блестящий занавес открылся. Затем кто-то что-то читал, кто-то играл на фортепьяно, кто-то пел, затем снова читал — и первое отделение концерта кончилось.

Нато с увлечением аплодировала каждому исполнителю, хотя трудно было сказать, слышала ли она хоть один звук из их исполнения.

Публика встала, каждый торопился подышать свежим воздухом и обменяться мнением с другими.

Нато же как будто приросла к своему месту. Она сидела неподвижно и собиралась с силами, чтобы побороть свое волнение.

«Через несколько минут Семен выйдет на сцену, первый раз выйдет на сцену... О, сердце, успокойся, не страшись, он восторжествует! А если и провалится, так что ж из этого?! Разве он от этого в моих глазах многое потеряет? Нет, останется таким же, где бы и при каких обстоятельствах ни очутился! Но как хочется его торжества!»

Аплодисменты, которые он получит от общества, будут лучшей музыкой для моего слуха... Похвалы, которые он вызовет своим исполнением, будут венцом моего поклонения, которое я к нему питаю...

И если после его чтения последует всеобщее молчание или раздастся свист, если, боже упаси, его осмеют, я бы предпочла провалиться в преисподнюю. Нет, нет! Именно тогда я подойду к нему, крепко пожму его дрожащую руку, с теплым чувством посмотрю в его дорогие черные глаза и смею сказать утешительные слова, чтобы поощрить его для лучшего будущего...».

Пока Наталья была занята этими мыслями и с болью в сердце ожидала открытия занавеса, в коридорах раздались звонки, публика стала собираться, усаживаться.

Перед занавесом выступил кто-то из организаторов концерта и громко произнес: «По случаю болезни господина Семена Давидовича — прочтет №№».

Нато хотела вскопичить, закричать от сердечной боли, но оба свои побуждения моментально заглушила и только закрыла руками побледневшее лицо, чтобы никто не видел на нем глубоко страдальческого выражения.

«Он болен, болен! Чем? Насколько опасна его болезнь? — спрашивала Нато себя с отчаянием. — Болен!». — Это слово разрывало ее сердце, терзало ум.

Трехдневная бессонница, трехдневная нравственная пытка в предвкушении торжества любимого человека была ничто по сравнению с той горечью, которую она испытывала в те немногие минуты, когда узнала о его болезни.

«Боже милосердный, помоги найти человека, у которого я могла бы спросить о его здоровье! — в отчаянье шептала Наталья. — Я знаю, где он живет... На рассвете я уйду из дому, там у кого-нибудь спрошу о нем! Нет, это невозможно! Молодая девушка — к молодому человеку... Нет, нет... Но отчего — нет?! Что же делать? Что?».

Концерт окончился. Публика опять встала, в зале стало шумно. Крики «браво», аплодисменты, смех — все перемешалось. Все спешили к выходу. Нато тоже встала. Голова у нее кружилась, ноги подкашивались. Она невольно оперлась на руку своей матери. В коридорах была давка, и Нато облокотилась о стену.

«Не могу, нет больше сил, я падаю, мама, где ты, помоги...» И она пошатнулась.

«Мадемуазель Нато? Что с вами, дайте руку», — с этими словами чьи-то сильные руки обхватили обессилевшую девушку.

Она выпрямилась, улыбнулась и с той мелодичностью в голосе, которая свойственна только любящим, проговорила:

«Семен... Это ты? Разве ты не болен?».

Только эти слова и могла выговорить Наталья, но и этого было достаточно. Она передала в них Семену все накопившееся горе, все страдания прошлых дней, всю радость и счастье настоящего.

В знак полного восторга он, низко наклонив голову, с почтением поцеловал дрожащую руку девушки.

ХОТЯ с неумемной жизнерадостностью, молодостью натуры и поэзии Карло Каладзе вовсе не выжурются такие определения, как основоположник или ветеран, указывающие на солидные сроки, характеризующие деятельность человека, чтобы воздать должное заслугам нашего дорогого юбиляра, отметившего вместе с общественностью республики и всего Советского Союза свое славное семидесятилетие, никак без этих слов не обойтись. Потому что он действительно один из тех, кого очень точно Константин Симонов назвал «зачинателем и старейшиной грузинской советской поэзии». Потому что вот уже более полувека он со свойственной ему страстью творит и трудится с неослабевающей энергией на ниве нашей литературы, обогащая ее все новыми значительными произведениями, славящими труд, красоту родной природы, богатый духовный мир советского человека. Начиная с двадцатых годов его поэзия, взращенная на революционно-большевистских традициях семьи, преданно служит делу коммунизма, воспитывая в читателях чувство патриотизма, ответственности перед обществом. Замечательный поэт, активный общественный деятель — Карло Каладзе сегодня, как и всегда, — на переднем крае. Он также неукротимо молод в своем творчестве и в своих делах — на посту директора издательства «Мерани».

— И пусть так будет еще много, много лет! — говорим мы от имени редколлегии и коллектива редакции «Литературной Грузии», которая всегда с удовольствием предоставляет свои страницы его стихам.

Георгий
МАРГВЕЛАШВИЛИ

„Р а с с в е т

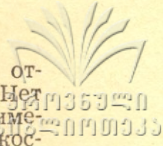
встречаю я на жаркой

ниве слова...“

ПОЗДРАВЛЕНИЯ юбиляру — всегда радостная обязанность, а вернее, порыв, если твой литературный и гражданский долг совпадают с твоей же пристрастной и долготелней любовью к натуре и творчеству юбиляра. Но насколько же приятнее и радостнее выполнить этот долг или поддаться этому порыву, если юбилей поэта — на этот раз семидесятилетие! — ознаменован выходом его новой книги. Да, не просто сборника хронологически новых стихов, а еще одного вершинного этапа в его творчестве и знаменательного явления в родной поэзии. Поэтому пусть мой отклик на юбилей Карло Каладзе будет

откликом на его книгу «Только новое, только избранное».

Одна, сравнительно недавняя, в конце 60-х годов вышедшая в русских переводах, книга стихов Карло Каладзе называлась — «За час до старости». «Чуть грустное название», — заметил тогда же Константин Симонов. И действительно, много было в этой книге признаков того, что поэт как бы подводит итоги, оглядывается на пройденный

путь — жизненный и поэтический. Чувствовалась в той книге и какая-то элегическая нотка усталости, хотя поэт уверял себя и нас в обратном. Но сама настойчивость этих заверений настораживала и обдавала тревогой. Правда, и эта нотка, и этот привкус печали, горечи перекрывались иными проявлениями природы одного из самых жизнелюбивых, жизнерадостных, жизнедеятельных грузинских поэтов нашего времени. Это вселяло в нас предчувствие нового поворота не только в творчестве поэта, но и в жизнетворчестве его родины и его народа. И этот час настал. И то, что казалось «часом до старости», оказалось «часом до второй молодости», до удивительного преобразования души и лиры поэта.

Вот перед нами новая книга стихов Карло Каладзе, в подавляющей части своей именно новая, лишь подтянувшая к себе кое-что из несколько ранее сделанного, но по духу, по тону, по музыке, по смыслу и чувству близкого и родственного поэтическому ядру и заряду, лирическому запалу и идейному пафосу новых творений — произведений семидесятых годов, их знаменательной середины, когда стали набирать силу новые веяния, новые порывы в общественно-политической, экономической и культурной жизни республики, когда восторжествовал новый нравственный климат, укрепивший ленинские начала и устои в жизни народа и обречений на вымирание всевозможный сорняк на поле народной жизнедеятельности.

Разумеется, лирика есть лирика, и не следует в ней на каждом шагу искать чисто эпические или хроникальные признаки событий и свершений. Все это есть в книге Карло Каладзе. В этом он тоже точен и пластичен, ярок и живописен. Но в книге есть не менее ценное и значительное — дыхание времени, сердцебиение новых дней, живая пульсация и трепет настроений, состояний, чувствований, страстей, раздумий, напряжение и целеустремленность мысли и воли перед лицом новых задач. Книга полифонична, многоголосна и многоголоса. Она объединяет лучшее из созданного поэтом за последние годы и дает ему право предварить ее таким кратким обращением к читателю: «Основной массив этой книги — созданное сегодня... А лирика шестидесятых годов отобрана заново — в согласии с духом нынешнего дня. Ни «Учардиони», ни «Хертвисские рассветы» не включены в книгу... Быть может, я и ошибся, а быть может, прав как никогда, — не ведаю. Но я глубоко убежден, что именно эта книга отражает ныне всю мою жизнь — мою веру и мой идеал, мои радости и горести, именно теперь, сегодня...».

Разумеется, книга Карло Каладзе открыла и общую закономерность. Нет смысла здесь перечислять другие имена и произведения. Но обновление коснулось грузинской поэзии в целом, и Карло Каладзе по праву и по счастью оказался в авангарде, на передовой линии этого поэтического движения. То, что еще вчера — возможно, не вполне осознанно — могло смутить поэта, то, что, еще проникая в строчки, придавало им особый привкус и призыв, оказалось рассеянным и развеванным, открыв простор наплыву новых чувств. Не то чтобы новых — они отлично были ведомы поэту, испытывшему первый неслыханный подъем двадцатых годов. Воодушевление и самоотвержение «сороковых роковых», надежды и упования середины пятидесятых. Но должен был настать некий новый час, чтобы хранимые в душе сокровища вновь засверкали своим натуральным блеском, природным сиянием. И эта встряска души произошла, вылившись сначала в ликующие декларации, звонкие обобщения, а затем — все больше и больше полняясь живою водою благословенной конкретности, обретая здоровую и упругую плоть. А возгласы ликования были, скажем, такие:

Наш день настал! И солнце нас догнало
 На высоте.. Открылся перевал..
 И вырвая пламя из металла,
 Врачует сварку льющийся металл.
 Наш день настал! И высется стропила,
 Толпяся камни будущей стены.
 Меня зарница стали ослепила,
 И я — кузнец, создатель новизны.
 ...И я — гончар, я мну сырую глину,
 Леплю кувшины, радую труду,
 А захочу — и гору с места сдвину,
 И вместе с солнцем к морю припаду.

(Перевод М. Синельникова)

Отмеченная же нами дальнейшая конкретизация этой лирической петиции пошла по разным руслам. Здесь и живописно-яркие портреты реальных героев военных и мирных дней — воспоминания о полководцах и бойцах минувшей великой войны («Памяти генерала Леселидзе», «Неизвестный солдат»), зарисовки творцов духовных и материальных благ родины («Хлопну по плечу Мераба», «Огнеупорна земля, Кетеван», «Пронзаю взором тьму, Гиви Химеридзе я», «Георгию Сабашвили»), групповые портреты тружеников города и села; здесь и лирическая фиксация ежедневных и ежеминутных наблюдений и впечатлений (раздел так и назван — «Ежедневно и ежеминутно»), и сжатые, конденсированные, с равновеликим зарядом лирической энергии и пластической выразительности стихотворные новеллы («Жизнь лозы»,

«Колхидская новелла», «Данси», «Отец» и другие), и своего рода путевые записки, лирические очерки и лирические раздумья — обретающие порою жанровую форму поэмы («Думы»), укладываемые иной раз в свободные рула поэтических циклов («Десять часов по парижскому времени»), а то и образующие поток независимых, самостоятельных стихотворений, объединенных лишь единством лирического героя, меткостью его взгляда, широтой его кругозора, интернациональной целеустремленностью его патриотизма («Ленкорань», «Восток», «Москва. Н. Тихонову», «Мой сон, моя Волга и мой Ярославль», «Волжские берега»), и стихи-посвящения славным соотечественникам («Тициан и Паоло», «Июль, Цхети, Георгию Леонидзе», «Я и скульптор Нико Кайделаки», «Моя беседа с Ревазом Лагидзе»), а также ряд стихотворных обращений к родному Тбилиси. Однако и этот перечень не исчерпывает жанрового и тематического многообразия книги Карло Каладзе.

Лирика, как известно, не пересказуема, но из всей полифонической и многожанровой шири книги Карло Каладзе я попытаюсь выделить хоть несколько мелодий и мотивов, чтобы наметить отдельные путеводные вехи по ее страницам. «Жизнь лозы» — одна из «новелл», новеллистичность которой построена на контрапунктической стыковке образов созидательных и разрушительных сил природы и чудесной силы человеческого труда, способствующего восстановлению в ней гармонии. «Жизнь лозы» — это прекрасный образец современного мифотворчества, нового эпического мироощущения, не нуждающегося для своего проявления в прямой повествовательности, блестяще проецированного на лирический экран стиха. И образ-картина виноградника, и образ града, обрушившегося на лозу, и тень гибели, нависшая над нею, и подвиг виноградарей, спасающих беззащитную лозу, и возрождение, бессмертие лозы (образ, обернувшийся еще более прекрасным ликом бессмертия родины и трудового народа) — весь этот почти мифологический поток, строго организованный в рамках выверенной лирической композиции, — философски насыщен, идейно благороден и возвышен, образительно щедр и ярок. И не менее впечатляющ здесь сплав лиро-эпического пласта с экспрессивным субъективно-монологическим началом, возвышающимся до высот гимнических песнопений:

Чу! Виноградарей песня зовет не меня ли
Зрением слез созерцать этот край
изобилья?
Если умру и забудусь — небес и Манави

Встреча и в том забытьи да не будет
Если б строку совершенной лозе
Я — только голос, чтоб хору все
пелось и пелось,
Я — только глаз, чтобы взгляд был
всевидающе-добрым,
Видя и ведая зелень, и вольность,
и прелесть.
Не шелохнувшись, мгновение длится,
как время.
Разве помыслишь о зле, о вражде и
о вздохе?
Я не случайно избрал для любви и
доверья
Бег, и стремленье, и легкую поступь
Иори.
Лоза, о лоза, узнаю твой ускоренный
пульс:
Бессонница крови, ямб — пауза и
ударенье.
Во мне — твоя кровь. Золотой
виноградной уст,
Тебя восхваляя, свершается
стихотворенье.

(Перевод Б. Ахмадулиной)

А вот какой резкий переход, какой дерзкий поворот поэтического руля, какая осмысленная и высокой страстью продиктованная смена тона и интонация в мужественном реквиеме, посвященном памяти генерала Леселидзе:

О, как безмолвно спят войны грозы,
Как чувств своих не выдают горы;
И словно душат, душат нас слезы,
Деревья вдовами стоят в горе.
...За медным, медленным, как боль,
маршем
Лафет в бессмертие влекут кони.
Издrevле некуда спешить павшим,
Но время нас, живых, вперед гонит
К победам нашим и к смертям нашим.

(Перевод К. Симонова)

А вот уже не торжественное оплакивание, а истовый плач по великому поэту, по самодержцу грузинской речи Георгию Леонидзе:

В горле моем заглушенного горя
мгновенье —
вот преткновенье для вздоха, и где
дуновенье
воздуха? — вымер он весь иль повеять
ленится?
Тяжко, неможется, душно дубам
Леонидзе.
Гогла, твой дом опален твоим жаром
последним.
Грозный ожог угрожает деревьям
соседним.
Гогла, платан, что привык быть
тобою воспетым,

Наследник языка прапрадедов моих,
Я слова не предаю. Как повесть, жизнь
листая,

Ее страниц руду я переплавлю в стих,
Чтобы в стихию строф, в скрещение
рифм живых
Поэзия вошла, судьбу перерастая.

Я высеку огонь из сердца, не сробев,
И ребра, как щепу, подброшу для
растопки,
Чтоб пламя ширилось и крепло, как
напев,
Чтоб, в стужу зимнюю строку в груди
согрев,
Я смог в нее вдохнуть души порыв
неробкий.

(Перевод И. Дадашидзе)

Так пролагаются пути из прошлого —
в настоящее, из настоящего — в буду-
щее, от войн — к миру, от ратных под-
вигов — к свершениям труда и творче-
ства, от чудес родного края — к диву
дивному бескрайней Советской Роди-
ны, от патриотической первоосновы
духа и души — к вершинам социали-
стического интернационализма. Все это
запечатлено поэтом в его новой кни-
ге. И заранее можно было бы «вычис-
лить», что в ней **должны были** прозвучать
строки, обращенные не только к
Тбилиси, но и к Москве, не только к
Леонидзе, но и к Тихонову, и, наконец,
к легендарному образу поэта, само имя
которого связывает поэзию с револю-
цией, Грузию с Москвой, «багдадские
небеса» с «миром Советов». Именно
так звучат настроенные на «маяков-
ский лад» строки стихотворения «Сло-
во на закладке монумента Владимиру
Маяковскому в Тбилиси»:

Ступив на пьедестал, взгляни вокруг,
Дни нашей жизни яростны и громки.
Своих отцов неукротимый дух
Наследуют товарищи потомки!

И мне бы хотелось закончить свой
беглый обзор «Только нового, только
избранного» Карло Каладзе словами
его друга и поэтического собрата, боль-
шого русского писателя Константина
Симонова:

«Поэзия Каладзе — это радостное
ощущение нового, соединенное с гду-
бокой любовью к древним народным
традициям... Поэзия Каладзе — это
любовь к родному грузинскому языку
и глубокая вера в то, что эпоха соци-
ализма создает все возможности для но-
вого расцвета литературы, создаваемой
на этом изумительном поэтическом язы-
ке. Стихи Каладзе — это думы и чув-
ства современного грузинского интел-
лигента, человека, кровно связанного
со своим народом и выражающего язык-
ом своей поэзии его мысли и его чув-
ства».

И уж совсем под занавес предоставим
слово самому поэту, пожелав ему, что-
бы сбывалась и впредь чудесная мета-
фора, легшая в основу этих прекрас-
ных строф, переведенных Евгением Ев-
тушенко:

Да, ты художник истинный, зима!
Взмах кисти —
и уже белы дома!
Взмах кисти —
и на окнах чудеса!
Взмах кисти —
и серебряны леса!

Твой колорит
о многом говорит,
и сотнями оттенков
он горит,
но ты прости, зима,
я убежден,
что все же чуть
однообразен он...

Когда покой в природе настаёт,
мне,
черт возьми,
весны недостает!
И птичьей перепутанной
возни!

Короче:
мне недостает весны...

Я даже и зимой
весну ною
с ее ручьями, птицами
и светом!

Ты не смотри
на седину мою —
под ней весна тается,
как под снегом...

Вахтанг ЧИЧИНАДЗЕ,
член-корреспондент Академии наук
Грузинской ССР

Публицистика

Л о г и к а научно-технического прогресса

РАЗВИТИЕ науки и техники в наши дни происходит в масштабах, которые ни в какой мере не могли быть предсказаны несколько десятков лет назад. Если XVII, XVIII, XIX века удивляли человека выдающимися произведениями искусства, музыки и литературы, то XX столетие следует в основном считать веком развития науки и техники.

Механизация и автоматизация различных процессов позволили резко поднять производительность труда. Следствием этого стало повышение уровня и улучшение условий жизни человека. Функции, выполняемые автоматизированными системами, построенными на ранней стадии развития автоматки, качественно не отличались от тех функций, которые выполнялись механизированными системами. Разница, возможно, была лишь количественная. Однако за последнее время благодаря широкому применению вычислительных машин решены некоторые вопросы, которые раньше человек относил к области интеллектуальных проблем. Примером могут служить автоматический перевод с одного языка на другой, игра в шахматы вычислительными машинами, сочинение ими музыкальных произведений и т. д. Именно после этого возникли многочисленные дискуссии об интеллектуальных возможностях машин, о возможности механического мышления... Этот спор продолжается и до сих пор. Следует отметить, что наряду с интересными высказываниями известных уче-

ных (часть которых также порою носит весьма поверхностный характер) в эту дискуссию нередко включаются дилетанты, чьи суждения чаще всего имеют банальный характер. Для того чтобы точно установить интеллектуальные возможности машин, необходимо знать, что такое интеллект, и дать точное определение этому понятию. К сожалению, такого четкого понятия в настоящее время не существует, и интеллект, как правило, может быть определен лишь интуитивно. Раз это так, всегда можно поспорить, чтобы отвергнуть или принять мысль о возможности выполнения вычислительными машинами каких-либо проблем, относящихся к интеллекту. Способность вычислительных машин и сложных автоматов выполнять логические операции, наличие памяти и возможность осуществить процессы обучения и самообучения позволяют машинам выполнять такие операции, которые раньше были в компетенции человека.

Тут же надо отметить, что сам факт решения этих новых проблем машинами не может служить доказательством того, что машины, созданные человеком, смогут выйти из-под контроля и действовать самостоятельно. Действительно, в начале XX века появление механической пилы или паровоза произвело не меньшую сенсацию, чем первые эксперименты по машинному переводу. Несмотря на то, что речь шла о замене мускульной энергии, тогда также принималась возможность выполнения машинами функций живых существ. В отличие от это-

го в настоящее время машины стали выполнять значительно более сложные операции, решение которых, вообще говоря, — компетенция мозга. Это дало основание некоторым ученым считать, что машины могут в будущем полностью заменить человека и действовать, как уже было сказано, самостоятельно.

В действительности автоматизированные системы сегодняшнего дня любой сложности, а также системы, которые могут быть построены в ближайшем будущем, работают по той программе, которую дает этой системе человек. Она может быть жесткой или меняться и определяться в процессе работы, в зависимости от результатов наблюдений, и все равно, даже в последнем случае, человек, а не кто иной, дает системе ту программу, которая сама в зависимости от обстоятельств строит программу своего поведения.

Возможность проведения аналогии между человеком и такой машиной или системой машины, которые сами на основе опыта определяют пути своего поведения, как раз и послужила основой спора между сторонниками тех, кто считает, что машина все может, и тех, кто полагает, что машина сама по себе ничего не может, ибо ей должен быть дан какой-то алгоритм, пусть даже изменяющийся. Следует отметить, что и люди в своем поведении также исходят из определенной информации, накопленной заранее. Более того, иногда они также действуют согласно жесткому алгоритму без всякой импровизации, ибо не все могут им обладать или не всегда разрешается отходить от этих жестких законов поведения.

Из вышеизложенного становится очевидным, что спор о возможностях современных автоматизированных систем, содержащих вычислительные машины, вообще говоря, лишней. Вопрос о том, может или нет машина мыслить и решать интеллектуальные задачи, является лишь терминологическим и зависит от того, что мы понимаем под словами «мыслить» и «интеллект».

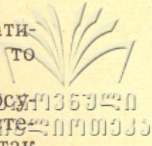
Особо стоит вопрос о занятости людей в мире будущего при наличии высокоорганизованных автоматических систем и широком развитии различных автоматов. Не вызывает сомнения тот факт, что дальнейшее развитие естественных наук и техники потребует значительного повышения квалификации людей, занятых в различных отраслях народного хозяйства. Получается своеобразный парадокс. С целью облегчения условий работы и замены квалифицированного труда машинами необходимо создавать и внедрять сложные автоматы, обслуживание и ввод которых требует, пожалуй, еще большей квалифика-

ции. Целесообразность такой замены диктуется определенной выгодой, то есть повышением производительности труда, однако обязательным условием такого процесса является повышение интеллектуальных способностей людей. Таким образом, технический прогресс и автоматизация приводят к необходимости перемени своей специальности и повышения квалификации.

Большое значение имеет вопрос о внедрении достижений современных методов науки и техники в народное хозяйство и на производстве. Поскольку научная мысль всегда опережала и будет опережать уровень его технического оснащения, особое значение приобретают задачи улучшения условий труда на производстве, повышения технического уровня и производительности труда, которые зависят в основном от трех факторов: от полезности и жизненности идей, предложенных научно-исследовательскими организациями; от культурного и технического уровня инженерно-технического персонала, рабочих и администрации того или иного предприятия и от надежности предлагаемой для внедрения аппаратуры. Особенно важны первые два фактора, так как надежную аппаратуру в конце концов можно создать в результате процессов ее доводки. Ни для кого не секрет, что многие специалисты, работающие в научно-исследовательских организациях, часто предлагают идеи, которые в лучшем случае бывают серыми, а иногда и просто неприемлемыми. Причина этого — в недостаточной квалификации этих специалистов, в их желании во что бы то ни стало защитить диссертацию и т. д. Не менее важен технический и культурный уровень того или иного предприятия, персонал которого не только должен быть в состоянии эксплуатировать поставленную аппаратуру и сложную систему, но и, как говорится, чувствовать вкус к данной проблеме.

Любая автоматическая система призвана выполнить возложенные на нее функции без непосредственного вмешательства человека.

Выполнение сложных функций и особенно задач, связанных с механическим творчеством, большей частью сопровождается некоторым накоплением информации в ходе работы указанных систем и дальнейшем ее использовании. Простейшей системой, которая использует информацию внешней среды, где приходится работать автомату, являются так называемые системы с обратной связью. Наличие ее позволяет системе вводить соответствующие коррективы и, таким образом, улучшить процесс управления. Простейшей системой с обратной связью являются системы стабилизации. При-

мером их служит автопилот, предназначенный для автоматического удерживания самолета на заданном курсе. Отклонение от заданного курса изменяется специальным устройством — гироскопом. В зависимости от этой информации по цепи обратной связи вводится соответствующий корректив, а в результате — поворотом руля вектору полета самолета придается нужное направление. Другой пример системы стабилизации — регулятор скорости или напряжения.

Не вызывает возражения утверждение, что в настоящее время как экономический, так и научный прогресс тесно связан с развитием и применением вычислительной техники и различных систем автоматики. Нет необходимости также повторяться и обосновывать тот факт, что теперь во всех областях народного хозяйства намечается тенденция наиболее широко использования электронных вычислительных машин, как универсальных, так и специализированных. К сожалению, научное исследование, а также некоторые рекомендации по своему количеству значительно опережают реально существующие системы и комплексы, где важные вопросы управления решались бы при помощи вычислительных машин. Причина, по нашему мнению, в том, что, с одной стороны, указанные исследования имеют иногда слишком абстрактный характер и требуется проведение дополнительных работ, чтобы довести их до состояния практического применения. Надо сказать, что иногда это просто невыполнимо, скажем, из-за громоздкости предлагаемого метода. С другой стороны, сам объект или комплекс объектов не готовы для внедрения таких методов порою из-за отсутствия высококвалифицированного персонала в области вычислительной техники и автоматики, способного эксплуатировать сложные устройства, а также по ряду других причин, среди которых, к примеру, назовем отсутствие материальной заинтересованности.

Таким образом, налицо большая диспропорция между состоянием в области исследований и реально работающих систем на различных объектах народного хозяйства. Это — явление законное, но не в таких масштабах. Известно, что на заводах (особенно машиностроительных, металлургических, в пищевой и легкой промышленности) и предприятиях количество объектов, автоматизируемых на основе электронной и вычислительной техники, в настоящее время крайне незначительно. Отдельные устройства, установленные на некоторых заводах, погоды не делают; в то же время ученые уже давно начали разработку проблемы управления большими си-

стемами, поставив вопрос об автоматизации управления целым заводом, а то и еще большим комплексом.

Поскольку объекты управления, осуществляемые автоматическими системами, как правило, инерционные, так как процессы в них протекают не мгновенно, управление с помощью обратной связи при неправильном выборе параметров управления может привести к нежелательным результатам и вместо стабилизации возникнет неустойчивый процесс.

Канал обратной связи существует не только в автоматизированных системах, но также при любом умело осуществленном процессе управления. Действительно хороший руководитель всегда следит за тем эффектом, который следует в результате того или иного распоряжения или приказа, и своевременно корректирует первоначально принятое решение.

Верный подбор параметров системы управления, осуществленный в процессе ее конструирования, позволяет обеспечить правильную работу системы лишь в том случае, если исходные данные, на основе которых осуществляется конструирование, незыблемы и не меняются в дальнейшем. Это требование выполняется не всегда. Так, например, автопилот, рассчитанный для высот до 8 — 10 километров, при нахождении самолета на этой высоте работает более или менее правильно. Однако при полете самолета на больших высотах этот же автопилот уже не способен обеспечить нормальный режим полета, что являлось причиной создания так называемого адаптивного автопилота, у которого параметры меняются в зависимости от внешних условий, в данном случае в зависимости от высоты.

По возможности изменение параметров может быть произведено по заранее заданному закону. Такая возможность появляется только в том случае, если, скажем, автопилоту известно не только, на какой высоте находится самолет (а это всегда известно), но и каковы на ней значения всех параметров внешней среды. В том случае, когда такой закон перестройки заранее невозможно задать, автомат должен осуществить поиск, то есть провести своего рода эксперимент и таким образом определить неизвестные параметры внешней среды и после этого осуществить перестройку параметров уже системы управления.

На основе чисто эвристических соображений можно утверждать, что адаптивные системы в интеллектуальном смысле стоят выше, чем обыкновенные.

Более интересны так называемые обучающиеся и самообучающиеся системы, в которых благодаря наличию памя-

ти учитывается опыт прошлой работы и при аналогичной ситуации система, принимая во внимание накопленный опыт, работает значительно лучше.

Новым, весьма важным направлением являются вопросы оптимального планирования, решаемые на основе применения электронных вычислительных машин.

Проблема оптимального планирования, конечно, не новая, и любая планирующая организация при выполнении той или иной работы всегда исходила из принципа возможно лучшего планирования. Однако без применения сложного математического аппарата и современных вычислительных машин этот вопрос можно было решить лишь с грубым приближением.

Насколько этот вопрос сложный, можно понять из следующего примера. Современному большому городу требуется развитая сеть перевозок как людей, так и грузов. Известно, что наибольшее число автомашин во многих городах мира создало своеобразный кризис. Нелегкой проблемой является решение вопроса по обеспечению нормального, не говоря уж об оптимальном, графика указанных перевозок. Перед соответствующими организациями города возникает вопрос: что лучше — построить дополнительное количество автострад или производить децентрализацию перегруженного района города, осуществить централизованное управление движением транспорта при помощи электронных вычислительных машин? Возможно также и компромиссное решение. Для большинства городов этот вопрос невозможно решить без применения современных методов операционных исследований и электронных вычислительных машин.

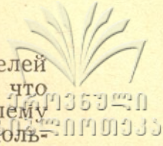
Характерный пример в этом отношении — Тбилиси. Как известно, этот город вытянут в длину и имеет ограниченное количество параллельных магистралей, обеспечивающих транспортировку большого количества машин. В силу этого в Тбилиси трудно ездить уже сегодня. Я не знаю, какие меры принимаются городским Советом по обеспечению нормального движения в недалеком будущем, когда количество машин значительно возрастет, и если принимаются, то насколько они оптимальны. Думаю, что этот вопрос будет решаться без проведения математических исследований, исходя из здравого смысла (в лучшем случае), что далеко не всегда приводит к оптимальным решениям. Между тем, возможно, именно для Тбилиси осуществление движения на перекрестках при помощи центральной вычислительной машины явилось бы более необходимым, чем для других городов.

Создание систем управления, включающих как составной элемент вычислительную машину, обусловливается возникшими за последние годы сложными проблемами. Одна из них — перевозка людей. Возросло количество автомашин, увеличение числа пассажиров и скорости самолетов создали большие сложности. На современных самолетах, особенно на сверхзвуковых, уже недостаточно наличия простого автопилота. Функции управления таким самолетом берет на себя бортовая вычислительная машина. Структура управления современных объектов, в том числе сверхзвуковых самолетов, а также космических кораблей, построена на ступенчатом принципе. Существуют локальные системы управления, каждая из которых имеет свою задачу. Эти локальные системы объединены в единую комплексную систему, которой управляет универсальная цифровая вычислительная машина.

Идеи автоматического управления распространены не только на управление различных аппаратов, пусть даже очень сложных, но и на большие предприятия и их комплексы. Необходимость в хорошем руководстве никогда не была столь актуальной. В настоящее время руководитель предприятия сталкивается со многими трудными проблемами. Для того чтобы хорошо управлять, надо хорошо знать, как протекает управляемый процесс, то есть надо иметь большое количество информации, которая должна быть определенным образом переработана, в результате чего вырабатываются соответствующие рекомендации, необходимые для осуществления самого процесса управления. Переработку поступающей информации и выдачу рекомендаций должна осуществить вычислительная машина.

Нетрудно понять, что такой подход требует новых методов руководства и даже новых людей, в том смысле, что руководители отдельных подразделений и организаций должны совершенствовать свои знания в области новых дисциплин, которые во многом определяют пути руководства.

Но в развитии науки у нас имеются определенные недостатки, которые тормозят этот процесс. К сожалению, в любой специальности имеется слишком много направлений, часто формирующихся в результате того, что тот или иной молодой научный сотрудник, обращаясь для руководства в центральные научные организации, в дальнейшем продолжает работу в направлении, намеченном на ранней стадии его руководителем. Таким образом рождались и продолжают рождаться все новые направления, между которыми нет никакой

связи. Для такой малочисленной республики, как наша, это чревато опасностью. Отсюда и мелкотемье, так как каждый специалист, оставаясь верным своему первоначальному направлению, сам ставит задачи и сам старается их решать. Крупных тем нет вовсе, а если они и есть, то это результат механического объединения вышеуказанных мелких тем.

Чтобы избежать этого, работы институтов Академии наук, имеющие прикладной характер, должны быть связаны с отраслевыми институтами. Как правило, институтам, входящим в отдельные прикладной механики и процессов управления, химии и химической технологии, надлежит решать проблемы, возникающие в соответствующих отраслевых институтах. Вместо этого наши академические институты порою связываются непосредственно с заводами. Однако, не имея соответствующих мощных баз, конструкторских подразделений, опытных заводов, различных служб, они не могут доводить разработки до уровня практического применения, технологию — до уровня, соответствующего требованиям промышленности. В результате бесконечный спор о том, что тот или иной завод не внедрил ту или иную разработку. В большинстве случаев завод не внедряет новую разработку потому, что она не доведена до промышленного уровня. К сожалению, многие ученые из-за слабого знакомства с производством не имеют представления о том, что это такое. Отраслевой институт является как раз тем промежуточным звеном, которое разработку, выполненную в академических институтах, сможет доводить до кондиции, когда ее можно внедрить.

Необходимо обратить внимание и на выполнение хозяйственных работ различными научно-исследовательскими организациями. К сожалению, многие промышленные предприятия не видят возможности решения тех или иных проблем своего предприятия путем заключения хозяйственных тем с той или иной научно-исследовательской организацией или не верят в нее. Это проис-

ходит по ряду причин: у руководителей предприятий нет уверенности в том, что ученые могут решить данную проблему на том уровне, который можно использовать непосредственно на объекте, или же, что также нельзя исключать, у руководителя не хватает знаний и опыта, чтобы правильно выбрать научно-исследовательскую организацию, способную реализовать существовавшую важную для предприятия проблему.

В результате этого выполнение хозяйственных работ, которые, как уже говорилось, в принципе могут служить важнейшим фактором улучшения показателей предприятия, часто носит формальный характер. Нередки случаи, когда предприятия заключают договоры с целью освоения выделенных средств к концу года по данному пункту. Не исключено также, что средства, выделенные на хозяйственные работы, будут потрачены незаконно с целью получения дополнительного дохода как одной, так и другой стороной.

Серьезное внимание следует обратить также на проблему внедрения научно-исследовательских работ в народное хозяйство. Особенно важно следить за ответственностью (скорее безответственностью) руководителей предприятий, выдающих фиктивные документы о внедрении.

Необходимо урегулировать и вопрос подсчета экономического эффекта. В настоящее время он подсчитывается произвольно. Нередки случаи, когда говорится не о том, какой экономический эффект получен, а какой будет получен, если данное мероприятие распространить на все аналогичные установки или проблемы, что практически недостижимо.

И тем не менее, несмотря на все отмеченные недочеты, нет сомнения в том, что введение новых автоматизированных систем и решение на этой основе проблем, возникших на сегодняшний день, приведут к появлению новых проблем, однако как раз в этом и заключается научно-технический прогресс.

ЯРКИЙ ЭПИЗОД БОЕВОГО СОДРУЖЕСТВА

В ЛЕТОПИСЬ боевого содружества украинских и грузинских партизан и участия грузин в борьбе за освобождение Украины от гитлеровских захватчиков вписано немало ярких страниц. В борьбе за освобождение Украины прославились Герои Советского Союза И. Цицишвили, В. Чиковани, Г. Буачидзе, Г. Шенгелия, С. Чхайдзе, Г. Самхарадзе, В. Папидзе, З. Хиталишвили, Я. Йоселиани, Ш. Кирия и другие, отличились генералы К. Джахуа, М. Микеладзе, П. Чанчибадзе, В. Джанджгава, В. Дзабахидзе и другие.

Что же касается грузинских партизан, то, как известно, в соединении легендарного С. А. Ковпак вместе с русскими, украинцами и представителями других народов Советского Союза сражались и грузины (Герой Советского Союза Давид Бакрадзе и др.), о чем свидетельствует существующая литература¹. Из этих материалов явствует также, что украинские

ПО НОВЫМ АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

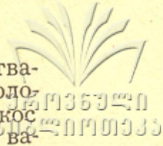
и грузинские партизаны действовали совместно на территории Польши¹.

Но, к сожалению, боевое содружество украинских и грузинских партизан еще не изучено в должной мере, и многочисленные архивные материалы ждут своего исследователя. К таким малоизученным вопросам относится история первого отряда партизанского соединения имени В. И. Ленина, который действовал на территории Винницкой области.

В партархиве Института истории партии при ЦК КП Украины — филиале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в фонде № 74 хранится материал, проливающий свет на историю боевых действий партизанского соединения имени В. И. Ленина, который с начала 1944 года под командованием Анатолия

¹ С. А. Ковпак. От Путивля до Карпат. М., 1945; С. А. Ковпак. Из дневника партизанских походов. М., 1964; П. П. Вершигора. Люди с чистой совестью. В двух томах. М., 1963; Д. И. Бакрадзе. Кровью героев. Тб., 1953; П. П. Вершигора, В. А. Зеболов. Партизанские рейды. Кишинев, 1962; История Грузии, том III, Тб., 1968; Они освобождали Закарпатье. Ужгород, 1968; Страницы истории Грузии. Тб., 1965; Грузинские дивизии в Великой Отечественной войне советского народа. Тб., 1965 (на груз. яз.); К. В. Цкитишвили. Закавказье в партизанской войне 1941—1945 гг. Тб., 1973; Т. Гладков, Л. Кизя. Ковпак. М., 1973.

¹ В. Гурули, В. Мачарадзе. Советский партизанский отряд «Васька Грузин» в Польше (по новым архивным материалам)—См. жур. «Цискари», 1976, № 5, с. 84—91 (на груз. яз.); Братство по оружию. М., 1975; В. И. Клоков. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939—1945). Киев, 1961; М. И. Семиряга. Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970; М. Д. Кундюба. Советско-польские отношения (1939—1945 гг.). Киев, 1963.

1936920
1110133

Станиславовича Менховского¹ действовал на территории Винницкой области. В этом соединении первым отрядом (в соединении было всего три отряда) руководил Шалва Дмитриевич Бигвава. Его отряд, состоящий из 103 человек, с 10 января по 20 марта 1944 года уничтожил два железнодорожных эшелона, 2 паровоза, 66 вагонов, 6 шоссейных мостов, 23 автомашины, склад с боеприпасами и 749 фашистских солдат и офицеров.

Шалва Дмитриевич Бигвава, 1917 года рождения, кандидат в члены ВКП(б), интендант третьего ранга, ветврач, участвовал в обороне Севастополя. 2 июля 1942 года он попал в плен. С сентября 1943 года был в партизанском отряде, а с начала января 1944 года руководил первым отрядом партизанского соединения имени Ленина, который действовал в районе Винницы.

* * *

Советская Армия, разгромив гитлеровцев на Курской дуге, в сентябре 1943 года вышла на рубежи Днепра. С конца 1943 и начала 1944 года Советская Армия в составе четырех Украинских фронтов начала наступление с целью освобождения Правобережной Украины и Крыма. Войска Первого Украинского фронта под командованием генерала Н. Ф. Ватутина 24—28 декабря перешли в наступление, а ударная группировка фронта направилась к Виннице. Как известно, враг усилил свою группировку и сосредоточил три танковые и четыре пехотные дивизии юго-восточнее Винницы и предпринял контрудар в направлении Липовца. Войска Первого Украинского фронта вынуждены были прекратить наступление и принять меры для отражения ударов врага. С переходом советских войск в наступление активизировались действия партизан в тылу врага.

В районе Винницы, как отмечалось выше, с января 1944 года действовал первый отряд из партизанского соединения имени В. И. Ленина под руководством Ш. Бигвава.

Основными районами боевых действий отряда Ш. Бигвава были Винница, Литин, Хмельник, Жмеринка, Калиновка и Пеньковский лес Винницкой области. Отряд делился на группы (по 30 человек), а группы — на отделения (по 10—15 человек)² 17 января 1944 года группа (в

составе 18 человек) из отряда Ш. Бигвава на участке железной дороги Холодновск — Калиновка пустила под откос эшелон; были разбиты паровоз и 36 вагонов, уничтожена охрана эшелона в количестве 37 человек.

С 19 на 20 февраля 1944 года партизаны из отряда Ш. Бигвава уничтожили мост на шоссейной дороге Винница — Бар и автомашины с гитлеровцами (18 человек).

С 24 на 25 февраля 1944 года одна группа партизан из отряда Ш. Бигвава (в составе 24 человек) под непосредственным руководством командира отряда уничтожила 5 мостов на шоссе Калиновка — Хмельник; движение было приостановлено на 10 суток. Другая группа (в составе 11 человек) в г. Жмеринке уничтожила охрану (в составе 8 человек) склада с боеприпасами, взяла оружие и часть боеприпасов, а потом взорвала склад.

С 27 на 28 февраля 1944 года одна группа отряда Ш. Бигвава (в количестве 26 человек) устроила засаду на шоссе Винница — Литин, разбила автоколонну в составе 22 автомашин с боеприпасами, уничтожила до 30 гитлеровцев; вторая группа отряда (в количестве 7 человек) на участке железной дороги Уладовка — Хмельник пустила под откос поезд, уничтожила до 30 вагонов и около 150 вражеских солдат и офицеров.

Отмеченные выше операции партизан значительно затрудняли положение отступающего врага, чем была оказана помощь советским войскам, которые активно наступали на винницком направлении.

С начала марта 1944 года войска Первого Украинского фронта (командующий — Маршал Советского Союза Г. К. Жуков) возобновили наступательные действия.

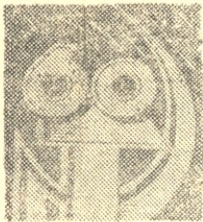
13 марта 1944 года партизаны из отряда Ш. Бигвава на шоссейной дороге Винница — Литин убили зам. гебиткомиссара по Винницкой области Польшинда, а 15 марта отряд напал на немецкий обоз, который отступал из Маидана-Супруновского на с. Дашковцы Литинского района; было сожжено 300 повозок с грузами, ранено и убито до 280 вражеских солдат и офицеров.

17 марта 1944 года на дороге Янцковец — Каменогорка (Литинский р-н) отряд Ш. Бигвава уничтожил 26 вражеских солдат и офицеров.

Проследить дальнейшие действия партизанского отряда Ш. Бигвава по архивным материалам пока не удалось, но, как известно, в это время успешно наступали войска Первого Украинского фронта, которые 18 марта 1944 года освободили Жмеринку, а 20 марта — Винницу.

¹ Партийный архив Института истории партии при ЦК Коммунистической партии Украины—филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее: ПА ИИП при ЦК КП Украины — филиал ИМЛ при ЦК КПСС), ф. 74, оп. 1, д. 1, л. 1.

² ПА ИИП при ЦК КП Украины — филиал ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 74, оп. 1, д. 1, л. 1.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

И ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Среди наиболее передовых печатных изданий 20-х годов следует назвать органы Центрального Комитета комсомола Грузии — ежемесячный политический, литературный и научный журнал «Будущее» («Момавали») и газету «Спартак».

Журнал «Будущее» (так же как и газета «Спартак») систематически печатал специальные литературные страницы, где предоставлялась трибуна передовым в идейно-художественном отношении литературным силам. В одной из своих передовиц журнал «Будущее» писал: «У молодежи Грузии есть достаточно литературных сил. Поэтому мы приняли решение уделять достойное место литературному разделу. Мы широко откроем страницы нашего журнала для тех молодых, которые окажутся наделенными приметным дарованием. В нашу революционную эпоху искусство должно светить мощным светом, эпоха диктатуры пролетариата создаст новую литературу». Литературный раздел журнала «Будущее» открывался стихотворением Алио Мирцхулава-Машашвили «25 февраля», в котором поэт писал:

«Февраль — дата установления Советской власти в Грузии — был озарен, могучим светом Октября».

Новое поколение комсомольской юности боролось, трудилось и творило под знаменем Октябрьской революции во имя победы и утверждения в Грузии Советской власти.

В молодежных газетах и журналах публиковались произведения молодых талантливых писателей — А. Машашвили, К. Каладзе, К. Лордкипанидзе, Э. Полумордвинова (Зедгинидзе), Г. Мдивани и других.

Следует отметить, что правление объединения молодых пролетарских литераторов сыграло определенную роль в деле выявления писательских сил на местах. Именно благодаря названному выше журналу и газете стало возможным становление в качестве надежной силы новой литературы молодого поколения писателей, их рост и художественное развитие.

Свое писательское поколение сумело заложить прочный фундамент для роста и развития советской литературы, искусства социалистического реализма. Один из талантливых представителей этого поколения А. Мирцхулава-Машашвили самые искренние и проникновенные слова своей музыки посвящал новой, советской эпохе. В ней он видит залог обновления всей жизни, с нею связывает будущность своей страны. Поэт верит, что новая эпоха сметет с лица земли порочные пережитки старой действительности, что солнце правды развет «чадящие призраки» выметенных из жизни классовых врагов.

В 1923 году при Центральном Комитете комсомола Грузии создается объединение молодых писателей «Будущее» («Момавали»). Возглавил эту группу тогда еще молодой поэт Алио Мирцхулава, которому и принадлежали приведенные выше строки, искренне приветствовавшие победу новой жизни. В состав группы вошли К. Каладзе, Ш. Радиани, П. Кикодзе, Э. Полумордвинов (Зедгинидзе). Эти писатели систематически публиковали свои произведения в газете «Спартак» и журнале «Будущее». В том же 1923 году, в ноябре, орга-

Продолжение. Начало в №№ 3, 4.

низвалось еще одно объединение пролетарских писателей в городе Кутаиси: В него вошли Б. Буачидзе, К. Лордкипанидзе, Д. Рондели, Г. Мдивани, которые выпустили свой альманах «Динамит».

Уже в следующем, 1924 году к тбилиским молодежным литературным группам «Будущее» и «Спартак» присоединяется перешедшая из Кутаиси группа «Динамит», и вместе они составляют крепкое ядро комсомольско-молодежной литературы, которое уже оказывает воздействие на весь процесс развития грузинской советской литературы. «Ассоциация пролетарских писателей» была самой революционной группой из всех литературных группировок и объединений, существовавших в тот период в грузинской литературе. Большинство писателей, входивших в эту ассоциацию, были членами Коммунистической партии или комсомольцами. Всею кровью и плотью они были связаны с Советской Грузией и активно участвовали в борьбе за победу и утверждение новой власти. К этому периоду в названной ассоциации были объединены писатели двух поколений — дореволюционного (С. Тодрия, С. Эули, Р. Каладзе, И. Лисашвили, Н. Зомлетели, И. Вакели и др.) и молодого, комсомольского поколения, рожденного новой, Советской Грузией (А. Машавили, К. Каладзе, К. Лордкипанидзе, П. Чхивадзе, Б. Буачидзе, П. Кикодзе, Ш. Радиани, Ш. Дудучава).

К началу двадцатых годов в Грузии существовало два писательских союза: старый — «Всегрузинский Союз писателей» (с 1917 года), в 1923 году к нему присоединилась корпорация голубороговцев, и «Ассоциация грузинских пролетарских писателей» (с 1921 года). Эти два союза отображали зарождение новой эры, становление в Грузии Советской власти, современную действительность как бы в двух различных классовых аспектах: в виде горестных и болезненных мифов потерпевших поражение социальных сил («Корабль», «Илиони», «Колокольня Грузии», «Лашари», «Иверия», «Баррикада», «Рубикон» и др.) и романтических, восторженных откликов класса - победителя, трудового народа, Коммунистической партии («Горн», «Знамя», «Искусство», «Пролетмаф», «Светоч», «Пролетарская литература» и др.).

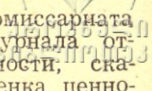
В пролетарской литературе, уже начиная с двадцатых годов, разворачивается борьба за совершенствование формы, особенно среди членов тех корпораций, которые объединяли представителей молодого поколения. Проблема художественной формы, поисков и совершенствования изобразительных средств становится в порядок дня со всей остротой.

В этой сложной идеологической обстановке борьбу против антиреалистических, декадентских школ и групп вел объединенный фронт пролетарской литературы. Несмотря на отдельные ошибки вульгаризаторского характера, допущенные в их трудах, деятельность этой группы в целом была направлена на борьбу за победу пролетарской литературы.

В августе 1923 года по решению собрания пролетарских писателей «Ассоциация пролетарских писателей Грузии» была переименована в «Союз пролетарских писателей Грузии». Этот союз стал выпускать еженедельную литературно-художественную газету «Орион». Всего вышло два ее номера: №1 — 21 октября 1923 года, а № 2 — 28 ноября того же года. Газета оказалась нежизнеспособной. Хотя в передовой статье и говорилось о том, что газета будет бороться против безыдейного искусства, футуристов, голубороговцев и правых, в напечатанных здесь статьях и художественных произведениях не ощущалось этого боевого, революционного пафоса. В газете были помещены стихотворения и статьи И. Вакели, Н. Зомлетели, С. Эули, Ш. Дудучава, П. Кикодзе. Во втором номере был опубликован проект устава «Союза пролетарских писателей».

Вскоре вслед за этим в Тбилиси начала выходить еженедельная газета коллектива пролетарских писателей Грузии «Заводские напевы», датированная 27 мая 1923 года, в которой печатались материалы по литературе и искусству. Передовая статья газеты «Наше слово» принадлежала перу Ш. Дудучава. Несмотря на то, что в ней содержались и вульгарно-социологические положения, оценка событий и явлений грузинской литературной жизни давалась с правильных, партийных позиций. Здесь же опубликована статья Р. Каладзе «Судьбы грузинской литературы». «Современная грузинская литература, — читаем в ней, — не сможет существовать, если она не усвоит современное мировоззрение, взгляд на окружающую действительность и новое содержание новой культуры. Освоение нового содержания новой культуры — вот что должно стать девизом спасения грузинской литературы».

В том же 1921 году при Комиссариате народного образования Грузинской ССР был создан специальный комитет, которому поручалось осуществлять государственную помощь и содействие развитию грузинской культуры, искусства и литературы. Для оперативного направления этих отраслей был основан специальный журнал. 5 июня 1921 года вышел в свет двухнедельный журнал

«Искусство и информация», орган Главного комитета искусств Комиссариата народного образования Грузинской ССР. Литературный раздел журнала откровенно кривался статьей-призывом «За обновление!», в которой, в частности, сказано: «В эту эпоху социальных преобразований начинается переоценка ценностей всех категорий. Дорога выковывания новой жизни окружена огненной энергией. Старое здание разрушается до самых основ, и новый бессмертный дворец должен быть воздвигнут при помощи нового подхода, новых знаний и метода».

На последней странице этого журнала в информационном сообщении сделано такое заявление: «После установления нового строя забота обо всех областях искусства стала государственным делом».

Так проявлялась в Советской Грузии того периода государственная забота обо всех областях духовной культуры, осуществлялось руководство ими. Активное участие в этом деле с самого же начала приняла грузинская литература. В этом официальном органе Комиссариата народного образования печатались прозаические, поэтические и литературно-критические произведения Ш. Дадияни, К. Гамсахурдиа, И. Гришашвили, В. Котетишвили, Н. Мицишвили, Мариджан, Д. Турдоспирели, Д. Мегрели, Оболи-муша, В. Рухадзе и других.

В развитии грузинской советской литературы и искусства значительную роль сыграл журнал «Знамя искусства» («Хеловнебис дроша»). Первый номер этого двухнедельного органа Всегрузинского профсоюза работников искусств вышел в июне 1924 года. Первый и второй номера подписывала редакционная коллегия, с третьего номера редактором значится С. Куридзе (Эули).

Позиция и направление журнала были сформулированы в виде декларации в его втором номере: «Знамя искусства, которое окрашено в красный цвет и на котором огненными буквами написано: искусство — жизни... Мы не верим и никогда не сможем поверить в «искусство для искусства»... Это хитрость буржуазной идеологии, призванная обмануть трудовой народ... Мы не верим и никогда не сможем поверить в надклассовость искусства. Мы живем в эпоху диктатуры пролетариата. Пролетариат как класс держит в руках кормило государственной власти. И искусство, как одно из наилучших орудий для создания новой жизни, нового общества, необходимо пролетариату...».

Журнал до конца остается верным этой позиции. В нем публиковались произведения Ш. Дудучава, И. Гомартели, Т. Вахвакишвили, Т. Табидзе, Р. Каладзе, А. Васадзе, А. Пагава, Д. Аракишвили, И. Гедеванишвили, Г. Кучишвили, С. Эули, И. Вакели, П. Самсонидзе, Т. Гранели и других. Для характеристики журнала примечательно и то, что на обложке его третьего номера был напечатан портрет Эгнате Ниношвили, а в статье, посвященной его творчеству, сказано: «Э. Ниношвили был предтечей всего нашего рабочего движения, он был вдохновителем, инициатором, организатором и подлинным вождем «Месаме даси».

В марте 1925 года в издательстве «Сахелгами» был выпущен первый номер журнала (или, вернее, сборника) «Пролемаф», название которого представляло собой анаграмму грузинских слов: новый фронт пролетарского искусства. Номер открывался редакционной статьей «Новый фронт пролетарского искусства», в которой, в частности, говорилось: «Особые условия революционной современности требуют от пролетарского искусства особого же подхода к текущей действительности.

Нам надо действительно стоять на страже пролетарского искусства и вести по-ленински борьбу с литературной контрреволюцией... Искусство — могучее оружие воздействия на массы и их воспитания, поэтому необходимо перейти от риторической плакатной агитации (которая не удовлетворяет массы) на глубоко психологическую пропаганду... Этот первый плод «Пролемафа» — славному грузинскому комсомолу».

Под этой редакционной статьей стояли подписи К. Каладзе, К. Лордкипанидзе, К. Феодосишвили, Б. Буачидзе, В. Бесошвили, Э. Гугунава, Г. Мдивани, Т. Чкареули, Д. Рондели, Ш. Радиани, П. Кикодзе.

Несмотря на многие крайности и ошибки «Пролемафа», молодежный фронт в грузинском искусстве, самоотверженная борьба за обогащение изобразительных возможностей пролетарского искусства представляют собой вполне закономерное явление. Такие представители тогдашней молодежи, как А. Машашвили, К. Лордкипанидзе, К. Каладзе и другие, многое сделали для подъема и расцвета грузинской советской литературы.

На рубеже 1925—26 годов появился на свет новый ежемесячный литературно-художественный орган «Союза пролетарских писателей Грузии» — журнал «Мерцхали» («Ласточка»). В его редакционную коллегию входили А. Машашвили, Н. Зомлетели, Б. Буачидзе, Д. Рондели. Первый номер от-

движение рабочего ядра.. Пленум в основном принимает творческую платформу РАПШа, которая зиждется на принципе диалектического материализма. Журнал «Пролетарули мцрлоба» и руководство союза не критически воспринимали ошибочные рапповские лозунги, например, такие как «Или союзник, или враг». Среди их ошибок следует отметить и то, что создаваемое пролетариатом искусство они не считали национальным по форме и социалистическим по содержанию, как учит марксизм-ленинизм, а воспринимали его вне-национальным. Эти и другие подобные им левацкие лозунги, несомненно, нанесли урон работе «Ассоциации пролетарских писателей Грузии» и превратились в тормозящий фактор осуществления ленинского принципа союза со старым поколением. Политика партии в области литературы и искусства предусматривала деловое и товарищеское сотрудничество с представителями старших поколений, с испытанными мастерами художественного слова с тем, чтобы отколоть их от буржуазии и поставить на службу пролетариата. Рапповцы же вместо этого в дубинкой в руках ополчились против лучших представителей этих поколений, искренне и всей душой старавшихся перейти на платформу советской литературы.

Несмотря на подобные ошибки рапповского характера, журнал «Пролетарули мцрлоба» сыграл заметную роль в борьбе за подъем советской литературы. Во главе его стояла редакционная коллегия, в которую с 1927 года входили Б. Буачидзе, С. Тодрия, В. Луарсамидзе, А. Машавили, Д. Рондели. А с 1930 года состав редколлегии выглядел так: Б. Буачидзе, С. Эули, В. Луарсамидзе, Ш. Радиани, А. Сулава, К. Лордкипанидзе, А. Машавили. На страницах журнала публиковали свои произведения Ф. Махарадзе, С. Хундадзе, А. Машавили, Б. Чхендзе, Б. Буачидзе, К. Каладзе, К. Лордкипанидзе, И. Абашидзе, Г. Качахидзе, Г. Натрошвили, К. Феодосишвили, Ф. Нарошвили, С. Эули, И. Вакели, П. Кикодзе, Ш. Радиани, Ш. Дудучава, И. Хоштария, К. Бобохидзе, П. Чхиквадзе, Д. Рондели, Д. Бенашвили, А. Гомиашвили, Л. Чичинадзе и другие.

* * *

Грузинская литературная жизнь в двадцатые годы характеризовалась большим числом различных журналов и газет, многие из которых издавались по личной инициативе: журналы «Тебервали» («Февраль») и «Толабери сарткели» («Поис Толабери») — редактор Г. Цецхладзе, «Хеловнеба» («Искусство») — редактор-издатель Сосо Асланишвили (Кутаиси, 1921 г.), «Укимериони» (Кутаиси, 1921 г.), «Смарагд» — редактор-издатель В. Гноргадзе, газета «Бахтриони» — редактор-издатель Георгий Леонидзе и другие. По своим эстетическим позициям многие из этих журналов склонялись к модернизму, хотя на их страницах в большей или меньшей степени находила отражение и современная действительность.

Если говорить в общем, то для литературной периодики 20-х годов было характерно неумное стремление к совершенству формы, к разнообразию художественно-образительных средств. «Борьба за форму» была актуальной даже для таких реалистических по своим позициям журналов и газет, как орган «Ассоциации пролетарских писателей Грузии». В этом смысле процесс овладения формой, несомненно, способствовал общему прогрессу молодой советской литературы. Но, к сожалению, к концу двадцатых годов эта борьба благодаря рапповцам и футуристам приобрела уродливые формы, мешая консолидации и сплочению писателей на платформе Советской власти. Именно это обстоятельство обусловило и предопределило необходимость роспуска «Ассоциации пролетарских писателей Грузии» и создания нового единого литературного объединения — Союза советских писателей.

Как было отмечено выше, сразу же после установления Советской власти, пролетарская литература встала на сторону нового государственного строя и Коммунистической партии. Политика партии в области литературы и искусства определялась положениями, выдвинутыми еще в 1905 году в ленинской статье «Партийная организация и партийная литература», исторической потребностью использовать такое мощное идеологическое оружие, каким являются литература и искусство, в интересах укрепления первого в мире социалистического государства. Партии предстояло таким образом направить всю деятельность творческих организаций, чтобы она стала частью общепартийного дела.

Основное ядро пролетарской литературы верно стояло на стороне политики партии большевиков в этих вопросах и с первых же лет активно способствовало защите завоеваний Октябрьской революции. К сожалению, вскоре в рядах самой пролетарской литературы выявилась левацкая троцкистская группка. Критик А. Воронский, редактор журнала «Красная новь», ранее отстаивавший принцип партийности литературы, перешел на троцкистские позиции, утверж-

дая, что пролетарской культуры не существует и нет необходимости создавать ее. По мнению Воронского и его сторонников, художественное творчество является неосознанным процессом и потому всякое, в том числе и партийное, вмешательство в его ход бесплодно, поскольку творческий процесс не подчиняется принципу партийности.

Вторая группа, сформировавшаяся в рядах пролетарских писателей, — «напостовцы», получившие свое наименование по названию журнала «На посту», выходившего в 1923—25 гг. (в 1925—28 гг. — «На литературном посту», редактор Л. Авербах). Члены этой группы, напротив, утверждали, что пролетарская культура является реальным фактором, а пролетарская литература и пролетарское искусство растут и развиваются, заменяя собой все прочие течения и направления прошлого и настоящего. Роль «напостовцев» в деле становления и утверждения пролетарской литературы и искусства, действительно, весьма велика. Однако очень скоро в их верхушке дали о себе знать такие крайности, как «комчанство» и групповщина.

Особо следует упомянуть группу критика Л. Переверзева, которая в 1928 году выпустила в свет сборник «Литературоведение». Согласно ее утверждениям, литература непосредственно связана с производственными силами, отражение же ею действительности является пассивным процессом при минимальном значении личности художника. Поэтому и бесплодны всякие попытки партийного вмешательства в творческий процесс.

Пролеткультовцы (1917—20 гг., А. Богданов, В. Плетнев) проявляли резко отрицательное отношение к классическому наследию, на почве чего механически отрывали пролетарскую литературу и искусство от литературы и искусства прошлого и рассматривали его как нечто совершенно «независимое». В 1920 году эту ошибочную теорию подверг суровой критике В. И. Ленин. В своем историческом выступлении на III съезде комсомола он заявил, что все классическое наследие, созданное человечеством, является необходимой основой, фундаментом для культуры пролетариата. Такую же решительную борьбу повела партия против «переверзевщины» и «воронщины».

На основе ленинского принципа партийности литературы Центральный Комитет Коммунистической партии в 1925 году принял известное постановление «О политике партии в области художественной литературы». В нем четко были сформулированы основополагающие принципы литературной политики партии. Однако, несмотря на это, в деятельности руководства Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей в 1928 году вновь были отмечены ошибки левацкого характера. Именно ими был сформулирован лозунг «Или союзник, или враг». Рапповцы механически отсекали от пролетарской литературы писателей старшего поколения, всех тех, кто стремился перейти на платформу Советской власти. Однако ослепленным шорами групповщины рапповцам не под силу было разглядеть искренность этих попыток, и потому они отталкивали «старых» литераторов.

Партия была вынуждена вмешаться и навести порядок на фронте искусства и литературы. Именно этой цели служило принятое 23 апреля 1932 года постановление «О преобразовании литературно-художественных организаций». Согласно этому постановлению были упразднены «Ассоциация пролетарских писателей Грузии» и другие литературные группировки. Эти группировки и издаваемые ими газеты и журналы («Пролеткульт» А. Богданова, «Красная новь» А. Воронского, «На посту» и «На литературном посту» Л. Авербаха, сборник «Литературоведение» В. Переверзева, «Кузница», «Перевал») оказывали прямое и косвенное воздействие на соответствующие литературные формирования и печатные органы в Грузии, о которых шла речь выше. Соответственно с этим становится ясным и историческое значение партийных решений в области литературы и искусства, распространившееся на все национальные литературы Советского Союза.

Георгий ДЖИБЛАДЗЕ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Подобно старому Беде, он не смог донести до людей свою проповедь. Это нельзя считать только пессимистическим стоном, индивидуалистическим настроением отшельника, так же как элегические стихи «Какая тишь! Ни шелеста, ни зова!», «Здесь один я плачу поневоле», «До коих пор не будем мы знать цену жизни», «Одинок, плыву в житейском море», «Темно вокруг, и на душе темно, и это сердце — холода жилище», «Под бременем печали изнывая, не у людей ищу я утешенья».

Вместе с тем, в этих словах звучит характерный для Бараташвили мотив непримиренности с судьбой — такой же, как в бесстрашной песне гондольера Андре Шенье:

На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокий...¹.

(Перевод А. С. Пушкина)

Илья Чавчавадзе, также считая себя совершенно одиноким человеком среди бушующего моря, среди грома и молний, говорил:

За волной волна ко мне несется,
На ладью мою бросаясь, бьется².

(Перевод Б. Серебрякова)

Это была борьба, объявленная юным поэтом старым нормам жизни; он бесстрашно выступил на арену борьбы, не опасаясь новых страданий; надо было стойко перенести все превратности судьбы, лишь бы совершить полезное для общественной жизни деяние. На этом пути он готов был встретить любые испытания.

Все вынесу с отвагою железной,
В борьбе с судьбой не запятнаю честь,
И лишь никчемность жизни бесполезной —
Вот я чего не в силах перенести!

(Перевод Н. Заболоцкого)

Эти настроения, эта жажда бесстрашной, самоотверженной борьбы питались в душе поэта заботами о родной стране, так ярко выраженными еще в юношеском стихотворении «Горам Кварели», написанном в 1857 году, а затем ставшими лейтмотивом всего его творчества. Это была яркая патриотическая

¹ Андре Шенье. Избранные произведения. М., 1940, с. 79.

² И. Чавчавадзе. Избранное. Тб., 1952, с. 47.

Продолжение. Начало в № 4.

проповедь, осуществляемая всеми средствами художественного слова, в том числе и переводами: не случайно спустя пятнадцать лет после создания «Горам Кварели» Илья Чавчавадзе обращается к Томасу Муру, чтобы перевести его патриотическое стихотворение «Ирландии», начинающееся так же, как и Стихотворение «Горам Кварели»:

Где бы я ни был, со мною вы, горы, повсюду, —
Сын ваш мятежный, ужели я вас позабуду?¹

(Перевод Н. Заболоцкого)

С теми же словами обращается к своей родной Ирландии и Томас Мур:

Тебя я не забуду, нет! Пока душа жива,
Пока стучится в сердце кровь, — к тебе мои слова!

Аналогичными соображениями Илья Чавчавадзе руководствовался еще в юности, когда в 1858 году решил перевести на грузинский язык одно из стихотворений Байрона «Из еврейских мелодий» — «Плачьте!», являющееся выражением глубокого сочувствия всем потерявшим общий кров.

Все это еще крепче связало имя Ильи Чавчавадзе с новой грузинской литературой, открывшей совершенно неведомые пути и новые горизонты в многовековой истории духовной жизни грузинского народа.

История новой литературы почти всех европейских народов, как известно, начинается со второй половины XVIII века, а в некоторых случаях, как, например, в русской и немецкой литературах, и ранее. После Мартина Опица (XVII век) в Германии только Лессингу удается возродить и продолжить его дело, заложить основы новой немецкой литературы, а в 1763 году, когда выходит «Лякоон», его влияние подвергаются вместе с Гёте писатели уже известной плеяды периода «бури и натиска». Это влияние касалось не только вопросов стиля. Решающее значение имели, прежде всего, новые идеи и новые задачи литературы, как, например, во время выступления на литературном поприще в России Радищева и Карамзина; впрочем, новые идеи, естественно, повлекли за собой и возникновение нового стиля. Грузинский романтизм, помимо стиля, выдвинул и новые идеи, придав тем самым всей литературе совершенно иное направление. Поэтому мы считаем бесполезным пытаться доказывать, будто основатель новой грузинской литературы мог появиться в 60-х годах XIX столетия. Против такого положения, которое неизбежно тянуло бы грузинскую литературу назад, выступил бы и сам Илья Чавчавадзе, поскольку для него литература и ее общественные задачи всегда стояли выше личных интересов.

Новая грузинская литература, подобно русской и европейской, возникает в самом начале XIX века, если не ранее. Во всяком случае, ее истоки восходят к Александру Чавчавадзе, как первому представителю грузинского романтизма. Основоположником же ее является великий Николоз Бараташвили, полнее всех выразивший взгляды и настроения, развитые и возведенные на новую ступень «тергдалеули» в 60-х годах. Именно этот момент имеет в виду Илья Чавчавадзе, давая высокую оценку заслугам Николоза Бараташвили перед грузинской литературой и отмечая, что «Н. Бараташвили придал грузинской мысли, чаяниям грузинского народа, его общественному сознанию большую широту и глубину, он сделал и грузина соучастником общечеловеческой жажды и дал ему припасть к утоляющему эту жажду источнику»². Для Ильи Чавчавадзе Николоз Бараташвили «единственный писатель, который больше, яснее и полнее других вводит нашу мысль и жажду познания в ту необъятную сферу, где решаются общечеловеческие вопросы о вере и неверии, о бытии и небытии, где звучит призыв к порыву и волнению страстей»³. Огромные заслуги Николоза Бараташвили перед новой грузинской литературой были Илье Чавчавадзе настолько очевидны, что не нуждались ни в каких подтверждениях. «Пути его жизни, — говорил Илья Чавчавадзе, — широта и глубина потока его мыслей настолько значительны, что ему легко вершить без доказательства и обоснования. Он является сиротливым примером, сиротливым потому, что он — единственный в нашей литературе»⁴.

Николоз Бараташвили — основоположник новой грузинской литературы; это место отвел ему сам Илья Чавчавадзе — величайший представитель грузинской литературы.

¹ И. Чавчавадзе. Избранное. Тб., 1952, с. 42.

² И. Чавчавадзе. «Статьи о грузинской литературе», Полн. собр. соч., т. III, 1953, с. 219 (на груз. яз.).

³ Там же.

⁴ Там же, с. 221.

зинской литературы, начиная со второй половины XIX века предводителем «тергдалеули» и вождь грузинского национально-освободительного движения того периода. Идейное богатство Ильи Чавчавадзе и других «тергдалеули» 60-х годов уходит своими корнями именно в творчество Николая Бараташвили. Достаточно назвать «Раздумья на берегу Куры» (философия практической заботы о родной стране и действия; у Ильи Чавчавадзе — «Мы должны дать народу будущее»), «Одинокая душа» (чувство духовного одиночества; у Ильи — «Элегия» и «На твоей земле»), «Гиацинт и странник» (идея свободы; у Ильи — «Свобода»), «Мерани» (непримиримость с судьбой, роком, прокладывание пути для потомства; у Ильи — «Посчитаемся, судьба» и «Мое перо»), «Могила цари Ираклия», «Судьба Грузии» (новая Каргли, ее благополучие; у Ильи — «Грузинке-матери», «Видение») и т. д.

Но ни Илья Чавчавадзе, ни другие «тергдалеули» не могли удовлетвориться только этими идеями, разработанными предыдущим поколением, и в частности Николозом Бараташвили. Жизнь ушла вперед, в порядке дня стоял вопрос о крестьянской реформе, и поэтому естественно, что в результате отмены крепостничества и формирования новых социальных отношений в творчестве «тергдалеули», и в частности — Ильи Чавчавадзе (поэзия, проза, драматургия, публицистика, экономическое учение), этой теме было отведено большое место. Как И. Чавчавадзе, так и другие «тергдалеули» усвоили те идеи, которые в России проповедовали Белинский, Чернышевский и Добролюбов, воспринимали отклик и в Грузии, например, в области педагогики; не случайно Илья Чавчавадзе, касаясь вопросов педагогической науки, за образец брал принципы воспитания, разработанные выдающимися педагогами эпохи Ренессанса (XIV век) — Витторино да Фельтре как практика и Паоло Вержеро и Матео Ведио, как теоретиков. В проповеди гуманизма эпохи Возрождения, в частности в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Франсуа Рабле — в этом блестящем литературном памятнике XV века, Илья Чавчавадзе узрел многие необходимые для его времени истины, осуждение старых, схоластических порядков обучения и признание того обязательного закона, по которому воспитание, прежде всего, должно подражать гармоничное развитие воспитуемого, выявление и использование его творческих сил, физическое совершенствование, духовное возвышение, изучение не только наук, но и самой жизни. Это в корне подрывало схоластическую доктрину воспитания и обучения. Как справедливо отмечал И. Чавчавадзе, решающий удар по этой доктрине в самом начале XVI века нанес великий филолог, мыслитель и сатирик, автор «Похвалы глупости» Эразм Роттердамский¹. Он отверг церковную систему воспитания, считая, что полное перевоплощение воспитуемого могут осуществить только школа и искусные педагоги; поэтому, как говорил он, большое бремя возлагалось на воспитателя, но зато тем самым облегчался труд воспитанника.

Этих вопросов Илья Чавчавадзе касался в «Основах педагогики» (1888 г.). Кроме того, народному просвещению он посвятил целую серию статей, в которых рассматривались не только общетеоретические, но и конкретные практические проблемы воспитания и обучения: необходимость учреждения грузинских средних школ, женского образования, значение низших хозяйственных школ, сельскохозяйственных училищ.

В 1898 году И. Чавчавадзе первым в грузинской педагогической литературе выдвинул идею, осуществление которой в то время оказалось невозможным и которую мы сегодня называем политехническим образованием. Он защищал эту идею, указывая при этом на необходимость создавать мастерские и специальные технические школы: они «крайне необходимы, они представляют собой ту животворную силу, которая способна возродить пошатнувшееся хозяйство и влить новые силы в ослабевшую страну»². В то время об этом можно было только мечтать, но даже постановка такого вопроса имела определенное практическое значение.

Таким многосторонним мыслителем и глубоким исследователем был Илья Чавчавадзе; такие прогрессивные взгляды отстаивал он в своем художественном творчестве и в литературно-публицистических статьях.

Конечно, современная научная мысль не может разделить некоторые взгляды Ильи Чавчавадзе: так, например, мы не можем согласиться с переоценкой литературных достоинств Чахрухадзе и Теймураза Первого, с концепцией

¹ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. IV, 1955, с. 309. И. Чавчавадзе отмечает (с. 303), что сведения относительно педагогов эпохи Возрождения «почти слово в слово» выписаны им из книги «Педагогические теории эпохи Возрождения».

² Там же, с. 390.

Илья Чавчавадзе в отношении классов и сословий в истории Грузии, с метафизическим преувеличением роли самоуправления, с некоторыми пунктами «четвертичности», но, как говорил Энгельс о Чернышевском, удивляют не эти ошибки, а то, что ошибок было так мало. Действительно, как указывал В. И. Ленин, каждый деятель прошлого должен оцениваться не только с современной точки зрения, но и с учетом тех конкретно-исторических условий, в которых протекала его деятельность. Именно так и следует подходить к анализу жизни и деятельности Илья Чавчавадзе. Говоря его же словами, «жизнь подобна могучей волне, набегаящей на скалистый берег, и обыкновенный человек слишком слаб, чтобы противостоять ей. Только грудь гения способна расцечь и сокрушить ее; другим же это не под силу. Дальновидность, власть над временем — удел одного лишь гения. Смело шагая вперед, он стряхивает пыль времени, которая мешает нам, простым смертным, понять значение предмета, он ведет за собой народ и освещает ему путь»¹.

Эти слова лучше всего характеризуют самого Илью Чавчавадзе, его жизнь и творчество. Не будет преувеличением, если мы скажем, что во второй половине XIX века ни один из общественных деятелей Грузии не был таким разносторонним и не отличался столь широкими энциклопедическими познаниями. Только такой человек был способен возглавить национально-освободительное движение своего народа.

Само собой разумеется, что деятельность такого рода возлагает на человека огромную ответственность. Каждый, кто в условиях колониального гнета возглавляет национально-освободительное движение, неизбежно становится притягательным центром для всех прогрессивных сил своего народа, но вместе с тем и подвергается наиболее ожесточенным нападкам со стороны мрачных сил реакции, враждебных всякому проявлению национального самосознания. Именно поэтому жизнь такого человека всегда связана с тяжелыми испытаниями. Эти испытания постоянно сопутствовали Илье Чавчавадзе на его жизненном пути и стали для него роковыми после того, как он был избран в апреле 1906 года членом Государственного Совета. Спустя год, в июне 1907 года, после окончания работы второй сессии совета, Илья Чавчавадзе в последний раз спешит на родину, благополучно возвращается сюда, а спустя два месяца, 30 августа того же года, падает, сраженный пулей в Цицамурском лесу. Человек, который незадолго до того выступил в Государственном Совете с речью против смертной казни, гибнет от руки подлого убийцы.

Убийство Илья Чавчавадзе долгое время было окутано тайной, хотя ни для кого не было секретом, что этот великий писатель и гражданин пал жертвой самодержавия. Только спустя 34 года была окончательно раскрыта тайна цицамурской трагедии. Трагическая гибель Илья Чавчавадзе была одной из величайших потерь грузинского народа. Цицамурская трагедия осталась в народной памяти как символ насилия и национального бедствия, по своему значению приближавшегося к крцаниской катастрофе: оба эти события оставили глубокую рану в сердце народа, призывая его к борьбе против зла и несправедливости. Сбылись пророческие слова поэта о том, что старый мир не выдержит «могучего порыва обновления», что борьба за истину, за справедливость сокрушит поработителей: будут разбиты оковы, стеснявшие жизнь людей, и страна пойдет по новому пути.

К этому призывал Илья Чавчавадзе более ста лет тому назад. Еще в 1859 году поэт предвидел, что если главной задачей XIX века было освобождение труда, то после того, как рухнет старый мир и воцарится «светлый мир труда» и равенства, человек будет полностью восстановлен в своих человеческих правах, прекратится всяческое насилие над ним. Вдохновенными поэтическими строками, обращенными к потомкам, воспевал И. Чавчавадзе наступление этого золотого века в истории человечества:

Где ты воспрянешь с поднятым челом,
 Почуешь силы творческие снова
 И сам не будешь более рабом,
 И не возьмешь в рабы себе другого?

(Перевод Н. Заболоцкого)

Все творчество и вся жизнь И. Чавчавадзе были посвящены служению одной великой цели: по мере своих сил способствовать приближению этого желанного времени. Именно этим стремлением великого поэта были вдохнов-

¹ И. Чавчавадзе. О «Вестнике Грузии». Полн. собр. соч., т. III, Тб., с. 57.
² И. Чавчавадзе. «Видение», XIV глава. Избр. соч., т. I, Тб., 1957, с. 85.

лены произнесенные столетие назад слова, с такой силой выразившие глубоко осознанный патриотический долг перед родиной:

Э. А. М. 1937
Э. А. М. 1937

Пусть я умру — в душе боязни нет,
Лишь только б мой уединенный след
Заметил тот, кто выйдет вслед за мною;
Чтоб над моею могильною плитою —
Далекий житель солнечных долин —
Склонился мой возлюбленный грузин
И голосом, исполненным участия,
Мне пожелал спокойствия и счастья
И так сказал: «Хоть рано ты умолк,
Но ты исполнил свой великий долг,
И песнь твоя от самого начала
Нам не напрасно издали звучала!»¹.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Само время подтвердило справедливость этих слов, показав, что их автор действительно не боялся смерти, но страстно мечтал о том, чтобы наподобие Бараташвилиевскому Мерани оставить в жизни след, чтобы его грядущий собрат, который пойдет по этому следу, признал честно выполненный поэтом долг перед потомством. Этот яркий след, оставленный великим патриотом, лежит на том пути, по которому и поныне идут все новые и новые поколения грузинского народа; и на Мтацминде, где над могилой Илья Чавчавадзе склонилась, как символ Грузии, мастерски изваянная Якобом Николадзе печальная женщина с разбитой лирой в руках, они воздают должное вечной памяти верного и бескорыстного патриота, лира которого и поныне звучит с прежней силой.

Для того чтобы всесторонне осмыслить творческое наследие великого человека, необходимо, разумеется, в первую очередь по возможности подробнее ознакомиться с его эпохой, детально осветить пройденный им жизненный путь.

В сознании каждого грузина Илья Чавчавадзе возвышается подобно великану Казбеку, и его исполинская фигура увенчана ореолом бессмертия. Совершенно справедливо Илью Чавчавадзе, как и Сулхана-Саба Орбелиани, называют «отцом Грузии». Вместе с творческим наследием Шота Руставели и Николоза Бараташвили, Акакия Церетели и Важа Пшавела его произведения составляют золотой фонд грузинской литературы.

Илья Чавчавадзе родился в год гибели Александра Сергеевича Пушкина. В биографии поэта, опубликованной в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, сказано, что Илья Чавчавадзе родился 27 октября² 1837 года в селении Кварели, Кварели, одно из самых живописных селений Кахетии, входило тогда в состав Телавского уезда. Величественные горы, утопающие в зелени окрестности, бурная река Дуруджи — все это, естественно, повлияло на развитие воображения и фантазию будущего поэта, наложило определенный отпечаток на его творчество.

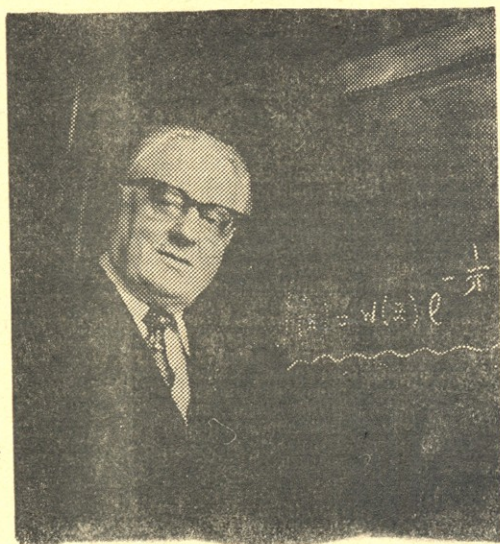
Народные предания связывают возникновение Кварели с переселением из Пшавии в Кахетию одной из ветвей фамилии Чавчавадзе. В Пшавии имелось селение Квара, откуда и переселились предки Илья Чавчавадзе. Переселенцев стали называть кварельцами, а селение — Кварели³. В дальнейшем селение Кварели превратилось в одно из самых крупных и известных селений Кахетии.

¹ И. Чавчавадзе. «...Пусть я умру...» — В кн.: Избр. соч., т. I, Тб., «Заря Востока», 1957, с. 18.

² Как указано в метрическом свидетельстве, Илья Чавчавадзе родился 20 января 1837 года и был крещен 26 января того же года.

³ Это предание было записано Г. Чиковани («Коммунист», 1947, № 135, на груз. яз.) и широко использовано Леваном Асатиани (Избр. соч., т. I, 1958, с. 217).

Продолжение следует

АКАДЕМИКУ Илье Несторовичу Векуа исполнилось 70 лет. С его именем связаны крупнейшие достижения во многих областях советской математики, признанные во всем мире, огромная организаторская деятельность, в результате которой — непосредственная причастность к основанию Тбилисского математического института имени А. Размадзе, Новосибирского университета, Института прикладной математики Тбилисского государственного университета. И. Н. Векуа — гордость и слава советской науки, замечательный пример беззаветного служения ей.

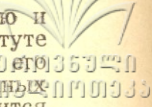
Грузинский народ, широкая общественность страны с искренней любовью приветствуют выдающегося ученого, человека большого таланта, огромной трудоспособности и необыкновенного обаяния.

ЧУДЕСНЫЙ СПЛАВ ТАЛАНТА И ТРУДА

Илье Несторовичу Векуа — выдающемуся ученому, крупному организатору науки, блестящему педагогу — семьдесят лет. С чувством большой гордости произносим мы имя этого человека, снискавшего любовь и уважение народа; обращаясь к событиям и вехам его жизни, видим в ней поучительный пример высокого служения науке.

Сегодня Илью Несторовича знают в нашей стране и за рубежом как одного из крупнейших советских математиков и механиков, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий, заслуженного деятеля науки. Но, вероятно, не многим известно, что такое признание пришло к крестьянскому сыну из немощей семьи, которому революция открыла путь к развитию и совершенствованию таланта исследователя.

В студенческие годы в стенах Тбилисского государственного университета И. Векуа проявил незаурядные способности и интерес к математике, покорившей его своей строгостью, логической стройностью. Талантливую юношу заметили. По окончании университета он вместе с группой молодых математиков в октябре 1930 года был направлен в Ленинград в аспирантуру Академии наук СССР. В Ленинграде он работал под руководством академика А. Крылова. Сюда часто приезжал Николай Иванович Мусхелишвили, читавший лекции по математической теории упругости, руководивший аспирантами. На одном из семинаров ему довелось прослушать доклад Векуа, который, по его признанию, произвел очень сильное впечатление зрелостью мысли, отчетливостью изложения. Так началось их близкое знакомство, переросшее затем в крепкую дружбу.

В Грузию он вернулся уже сложившимся ученым, начал вести научную и преподавательскую работу в университете, затем в Математическом институте Грузинского филиала Академии наук СССР, который был организован при его участии. В скором времени, благодаря выполнению важных работ в различных областях теоретической и прикладной математики, Илья Несторович становится одним из ведущих представителей грузинской математической школы, которую возглавлял академик Н. Мухелишвили.

Докторская диссертация ученого относится к теории дифференциальных уравнений с частными производными эллиптического типа, занимающей основное место в его научном творчестве. Монография «Новые методы решения эллиптических уравнений», вобравшая в себя результаты исследований в этой области, в 1950 году была удостоена Государственной премии СССР.

Другая важная область математики, в которую фундаментальные работы Ильи Несторовича внесли существенный вклад, — теория сингулярных интегральных уравнений. И здесь им был разработан ряд крупных научных проблем принципиальной важности.

Илья Несторович положил начало новой отрасли математической физики — теории нормально разрешимых эллиптических краевых задач — одному из центральных направлений исследований в современной математике.

Заслуги его перед наукой получили высокое признание. В 1944 году он избирается членом-корреспондентом Академии наук Грузинской ССР, в 1946-м — действительным членом этой академии и членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В разное время И. Векуа был заместителем директора Математического института Грузинского филиала Академии наук СССР, деканом факультета, проректором Тбилисского государственного университета, председателем Отделения математических и естественных наук, академиком-секретарем Академии наук республики. И всюду, на всех этих постах проявил себя незаурядным, крупным организатором науки.

Новый этап его научной деятельности связан с Москвой. В 1951 году Илья Несторович принял приглашение на должность заведующего отделом в Центральный аэрогидродинамический институт имени Н. Е. Жуковского (ЦАГИ). В последующие годы работал заместителем директора в Институте точной механики и вычислительной техники, позднее в Математическом институте Академии наук СССР, был профессором Московского университета имени М. В. Ломоносова.

Московский период отмечен новыми важными работами ученого. Продолжив начатые в Тбилиси исследования по теории эллиптических систем первого порядка, он изложил их в монографии «Обобщенные аналитические функции», которая была отмечена Ленинской премией в 1963 году.

Имя И. Векуа становится широко известным за пределами Советского Союза. Он выступает на международной конференции в Хельсинки в 1957 году, через год — на международном математическом конгрессе в Эдинбурге. За рубежом на разных языках издаются его монографии.

Закномерным признанием заслуг ученого стало избрание его действительным членом Академии наук СССР. Произошло это в 1958 году, вдвойне знаменательно для Ильи Несторовича. Вместе с группой советских ученых он едет в Новосибирск. На востоке страны по решению партии и правительства создавался новый крупный научный центр — Сибирское отделение Академии наук СССР.

В 1959 году организуется Новосибирский университет, задуманный как университет нового типа. И. Векуа назначают его ректором. На этом поприще ярко проявился талант Ильи Несторовича как организатора науки.

Творческий труд, высокие результаты этого труда, смелые идеи всегда привлекали к Илье Несторовичу молодежь, он постоянно был окружен учениками, многим из которых помог найти свой путь в математической науке. Под его научным руководством выросли многочисленные высококвалифицированные специалисты.

Возглавляя Новосибирский университет, И. Векуа одновременно руководил работой теоретического отдела Института гидродинамики Сибирского отделения Академии наук страны.

Неся столь большую нагрузку, он вместе с тем оставался ученым-исследователем, продолжал научную деятельность с широким выходом из области математического анализа в другие области современной математики, а также механики сплошной среды.

И. Векуа разработал стройную математическую теорию широкого класса задач теории оболочек, свободную от недостатков классической теории. На ее основе он предложил ряд новых вариантов теории упругих оболочек.

Данное направление составляет еще один большой цикл в творчестве И. Векуа. Часть полученных им результатов изложена в монографии «Теория тонких пологих оболочек переменной толщины», которая была издана в 1965 году. Методы, предложенные ее автором, могут быть широко применены в геометрии и механике.

С 1965 года Илья Несторович Векуа — вновь в Тбилиси. Здесь он был вице-президентом Академии наук Грузинской ССР, ректором Тбилисского государственного университета. С 1972 года, став президентом Академии наук Грузии, возглавил науку республики.

Творческая энергия, глубокая заинтересованность в развитии науки проявились на этом высоком посту с новой силой. Его идеи, замыслы, научно-организационные начинания отвечают требованиям времени.

Одновременно И. Векуа руководит созданным по его инициативе Институтом прикладной математики Тбилисского университета и сектором механики в Математическом институте Академии наук Грузинской ССР.

Заслуги Ильи Несторовича Векуа высоко оценены партией и правительством. Среди врученных ему наград рядом с Золотой Звездой Героя Социалистического Труда — пять орденов Ленина. Он — депутат Верховного Совета СССР трех созывов, был в числе тех, кто представлял нашу республику на XXV съезде КПСС.

Желаем Илье Несторовичу крепкого здоровья, многих лет жизни, новых творческих успехов в многогранной научной и общественной деятельности.

Е. ХАРАДЗЕ,
вице-президент Академии наук Грузинской ССР,

В. КУПРАДЗЕ,
академик-секретарь Отделения математики и физики
Академии наук Грузинской ССР.

Жизнь в науке

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАКИЯ ШАНИДЗЕ

ВЫДАЮЩЕМУСЯ советскому ученому Акакию Гавриловичу Шанидзе принадлежит неограниченная роль в развитии картвельского языкознания. Если основоположником этой отрасли грузиноведения, завершившим своей деятельностью первый этап ее развития, был Александр Цагарели, а знаменосцем второго периода, имеющего огромное значение в истории грузиноведческих изысканий, считается Николай Марр, то последующий этап ее развития полностью протекал под руководством Акакия Шанидзе. Он явился одним из основоположников грузинской языковедческой школы, создателем ее лучших традиций.

Круг научных проблем, занимающих Акакия Шанидзе, широк и многогранен: структура и история картвельских языков, диалектология, лексикология и лексикография, нормализация грузинского литературного языка, текстология, эпиграфика, фольклористика, руствелология, албанология — вот перечень тех основных отраслей, в которых ученым созданы основополагающие труды.

Имя Акакия Шанидзе, как ученого и общественного деятеля, широко известно и у нас в Советском Союзе, и за рубежом.

А. Шанидзе прошел прекрасную научную школу. Он получил образование в Петербургском университете на факультете восточных языков, куда поступил в 1909 году сразу же по окончании гимназии.

В Петербургском университете преподавали выдающиеся русские ученые — известные ориенталисты. А. Шанидзе слушал лекции профессора Н. Марра (по армяно-грузинской филологии), приват-доцентов И. Джавахишвили (по истории Грузии) и Н. Адонца (по истории

Армении, армянскому языку), профессора В. Жуковского (по персидскому языку), приват-доцентов И. Крачковского (по истории арабской христианской литературы) и А. Хашаба (по новому арабскому языку), профессоров В. Бартольда (по истории Востока) и И. Бодуэна де Куртене (по общему языкознанию), приват-доцента Л. Щербы (по экспериментальной фонетике) и других.

Еще в 1903 году по инициативе И. Джавахишвили в Петербургском университете был основан «Научный кружок студентов-грузин». В дальнейшем, в 1911 году, председателем этого кружка довелось А. Шанидзе. Основной задачей кружка было составление библиографии материалов из грузинских периодических изданий и ведение научных исследований.

Результатом работы «Научного кружка студентов-грузин» было издание в Петрограде в 1916 году первой книги библиографии. Ее публикация, имеющая огромное для своего времени значение, была осуществлена на основании особого решения Российской Академии наук. Тексту предпослано предисловие приват-доцента Петербургского университета Иссыфа Кипшидзе, из которого мы узнаем имена лиц, принимавших участие в составлении библиографии. Многие из перечисленных там студентов впоследствии стали известными учеными: Акакий Шанидзе, Вукол Беридзе, Иосиф и Давид Кипшидзе, Симон Каухчишвили, Георгий Читая, Владимир Путуридзе.

Еще студентом А. Шанидзе объездил Пшавию и Хевсуретию, собирая диалектологический материал. Он побывал у Важа Пшавела в селе Чаргали, поделился с ним своими планами и успехами в собирании пшавских и хевсурских фоль

«лорных материалов, размышлениями об их дальнейшей разработке с языковедческой точки зрения. В студенческие годы А. Шанидзе также сотрудничал в «Русской энциклопедии».

В мае 1913 года он окончил университет и по представлению Н. Марра был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности при кафедре армяно-грузинской филологии. Кафедрой заведовал Н. Марр. Тем же летом А. Шанидзе вновь был направлен в Грузию для изучения горских диалектов, но на этот раз по поручению Российской Академии наук. В 1914 году он был командирован в Эчмиадзин для работы над армянскими рукописями с целью выяснения происхождения грузинских и армянских версий «Песни песней». Но, заболев в Эчмиадзине малярией, вынужден был переехать в Александрополь (ныне Ленинакан), где по выздоровлении взялся за изучение новоармянского языка.

В 1915 году научный кружок издал в Тбилиси сборник под редакцией И. Джавахишвили, в котором помещено исследование Акакия Шанидзе «Грузинские диалекты в горах».

Тогда же А. Шанидзе сдал экзамены на звание магистра и занялся описанием грузинских рукописей Петербургской публичной библиотеки. Летом 1916 года по поручению Историко-этнографического общества Грузии он отправился в Мегрелию, а затем две недели провел в селах Рачи, где собирал диалектологические материалы.

В 1915 году А. Шанидзе приступил к печатанию исследования о префиксах грузинского глагола. Работа печаталась в типографии Российской Академии наук.

После февральской революции 1917 года молодой ученый возвращается в Тбилиси и принимает активное участие в организации Тбилисского университета, входит в состав инициативной группы его основателей.

А. Шанидзе внес огромный вклад в организацию высшего учебного заведения в Грузии, в дело дальнейшего развития и укрепления основанного здесь университета. С этого времени начинается широкая общественная деятельность ученого, проявлявшего постоянную заботу об общественных делах, об организации национальных научных учреждений.

Первым заведующим научной библиотекой университета был избран Г. Ахвледиани, которого в этой должности сменил А. Шанидзе (1919 — 1922 гг.).

В 1918 — 1920 годах он — секретарь философского факультета, в 1919 — 1921 годах — секретарь профессорского совета университета и с 1919 же го-

да заведует кафедрой грузинского языка.

Со дня основания Тбилисского университета А. Шанидзе преподавал армянский и армянский языки, а с 1919 года (после кончины профессора И. Кипшидзе) и грузинский язык. Кроме того, в разное время он читал в университете курсы грузинской диалектологии, сравнительной грамматики картвельских языков, языка Руставели, сванского языка.

В 1925 — 1926 годах А. Шанидзе преподавал и цова-тушинский язык и тем самым положил начало изучению кавказских языков в университете.

В 1920 году он представил профессорскому совету на соискание ученой степени доктора наук диссертацию «Субъектный префикс второго лица и объектный префикс третьего лица в грузинских глаголах». Официальными оппонентами были назначены И. Джавахишвили и Г. Ахвледиани. Прения состоялись 9 мая 1920 года. Это была первая защита диссертации в Тбилисском университете.

Вместе с К. Кекелидзе в 1922 году А. Шанидзе в Москве и Петрограде занимался эвакуацией грузинских рукописей и других древностей.

В 1923 году было основано «Грузинское языковедческое общество», председателем которого был избран Г. Ахвледиани, а товарищем председателя — А. Шанидзе. Общество сыграло важную роль в развитии языковедческого мышления в Грузии.

В 1933 — 1936 годах А. Шанидзе заведовал сектором грузинского языка в существовавшем при университете Институте Руставели. В 1930 — 1931 годах работал заведующим сектором картвельских языков Института языка, истории и материальной культуры имени Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР. Помимо университета А. Шанидзе в 1935 — 1936 годах читал лекции в Кутаисском педагогическом институте, а в 1933—1935 годах — на курсах по повышению квалификации педагогов в Тбилиси. В 1946 — 1948 годах он заведовал кафедрой грузинского языка и в Тбилисском государственном педагогическом институте имени А. С. Пушкина.

С 1945 года по инициативе А. Шанидзе кафедра грузинского языка в университете была разделена на две кафедры: древнегрузинского языка и новогрузинского языка. С тех пор по настоящее время А. Шанидзе заведует в Тбилисском государственном университете кафедрой древнегрузинского языка.

В 1937 году он был избран членом-корреспондентом Пражского (Чехословакия) института востоковедения, а в 1938 году — членом Ученого совета Института истории и литературы в Ереване.

В 1939 году А. Шанидзе как выдающийся советский ученый избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР.

22 февраля 1941 года он был утвержден действительным членом Академии наук Грузинской ССР. С 1946 года заведовал отделением общественных наук, а в 1948 — 59 годах являлся вице-президентом Академии наук.

В 1966 году А. Шанидзе был избран почетным доктором Йенского университета имени Фридриха Шиллера.

Необычайно разносторонняя и общественная деятельность А. Шанидзе.

В области грамматики А. Шанидзе исследует в основном вопросы морфологии и синтаксиса. Вместе с тем он успешно занимается и фонетикой. В первую очередь нужно отметить, что А. Шанидзе превосходно объяснил явления редукции и вызывающие их причины в каргельских языках. Пространное исследование посвятил он сванскому умлауту.

В 1920 году в свет вышла монография А. Шанидзе «Субъектный префикс второго лица и объектный префикс третьего лица в грузинских глаголах». Это исследование имеет эпохальное значение вообще в истории научного изучения грузинского языка. Оно является образцовым как в смысле методов исследования, так и по подбору материалов и научным выводам.

Результатом исследования вопросов о префиксах явились новая классификация грузинских глаголов, новое (отличающееся от данной Н. Марром в своих «Основных таблицах» схемы) распределение их по группам спряжения. Эта работа утвердила новую точку зрения на грузинский глагол.

О существовании субъектного префикса второго лица в диалектах А. Шанидзе докладывал еще в 1912 году на заседании «Научного кружка студентов-грузин» в Петербурге. В дальнейшем на применение этого префикса в древнегрузинском языке обратил внимание профессор И. Кипшидзе. Закономерности употребления объектного префикса третьего лица в горских говорах были исследованы А. Шанидзе летом 1913 года. В том же году, осенью, списывая текст книги Исхода из ошской Библии, он заметил, что морфологические нормы употребления показателя третьего объектного лица в древнегрузинском по существу те же, что и в горских диалектах, в частности в пшавском и хевсурском.

С этим открытием он ознакомил Н. Марра, который в своей статье, опубликованной в журнале «Христианский восток» в 1914 году, подтвердил и

признал открытое молодым ученым правило употребления объектного префикса третьего лица. Подробное описание новованию этого правила через несколько лет была посвящена вышеупомянутая монография А. Шанидзе.

В этом же исследовании им отмечен особый показатель второго субъектного лица — *б* (*x*), имеющийся в качестве исключения лишь в двух глаголах (*б_б* и *б_з*). Исходя из этого, он предположил наличие показателя не известного еще в науке древнего грузинского диалекта. На основе анализа двух надписей Болнисского и Мхетского храмов, а также географического названия Хертвиси ученый пришел к выводу, что подобный же показатель (*б*) должен иметь место и для третьего объектного лица. Научные предсказания А. Шанидзе оправдались. Его работа «Пережиточные формы объектного префикса третьего лица перед гласными в грузинских глаголах» была напечатана в 1923 году во II томе «Вестника Тифлисского университета». Следует отметить, что публикация этой статьи совпала с пребыванием А. Шанидзе в Петрограде, куда он был послан в качестве эксперта по поводу возвращения в Грузию грузинских древностей, в том числе и рукописей. В Петрограде он узнал об открытии грузинских древнейших текстов, сохранившихся в нижних, неполностью смытых слоях палимпсестов.

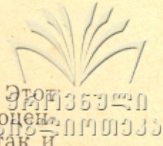
Знаменитая статья И. Джавахишвили «Вновь открытые древнейшие грузинские рукописи и их значение для науки» была опубликована одновременно со статьей А. Шанидзе в этом же томе.

Сравнение открытых И. Джавахишвили текстов, имеющих в качестве показателей второго субъектного и третьего объектного лиц — *б*, *с* древнейшими грузинскими надписями, где имеются подобные же показатели, дало возможность датировать палимпсестные тексты V — VI веками. Тексты эти были названы «ханметными», то есть имеющими лишний *б*. Их открытие было событием огромной важности.

Изучение «ханметных» памятников дает возможность делать важнейшие выводы по истории грузинской культуры. В частности, убеждаемся, что многие библейские тексты были переведены на грузинский язык если не в V, то во всяком случае в VI веке. Евангелие же можно считать переведенным в V веке.

Определение значения термина «ханметные», употребляемого в известном завещании Георгия Мтацмидели (Святогорца), также является заслугой А. Шанидзе.

1923 год был знаменательным не только благодаря открытию «ханметных» памятников и решению связанных

с ним культурно-исторических вопросов. Весною того же года А. Шанидзе при исследовании одного из древних памятников — адигского Четвероевангелия обратил внимание на своеобразное употребление глагольного префикса *з*, который кое-где встречается в тех же случаях, что и префикс *в* в так называемых «ханметных» памятниках. По аналогии с термином «ханмети» он ввел в употребление и термин «хаэмети».

Тем же летом ученый посетил Сванетию и ознакомился с хранившимися в Ипарской церкви рукописями. Из описания профессора А. Хаханашвили он помнил, что там должен был храниться какой-то палимпсест. Оказалось, это это была часть рукописи из коллекции Историко-этнографического общества Грузии, числившейся в каталоге под № 1329. Нижний текст этого палимпсеста был «хаэметный».

Итак, еще одно открытие — был выявлен древний памятник письменности, относящийся, согласно исследованию А. Шанидзе, к VIII веку, для которого характерна «хаэметность». Вскоре А. Шанидзе опубликовал этот «хаэметный» текст с соответствующим исследованием.

В дальнейшем он публикует ряд первостепенных памятников, которые расширяли наше представление о древнейшем грузинском литературном языке.

Заслуга создания опирающейся на прочную научную основу грамматики грузинского языка принадлежит А. Шанидзе. Его «Грамматика грузинского языка (I, морфология)» вышла в свет в 1930 году. Написанию этой книги предшествовали монографическая разработка отдельных вопросов грузинской грамматики, их детальное исследование. На протяжении ряда лет А. Шанидзе публикует специальные труды, в которых освещаются отдельные структурные особенности грузинского языка. Эти работы и подготовили почву для написания «Грамматики грузинского языка», А. Шанидзе изучил некоторые грамматические категории грузинского языка, выявление которых представляет интерес и в теоретическом плане. Наглядным примером этого служит установление новой категории — версии, ранее не известной в грузинской научной литературе. В работе «Версии грузинского глагола» (1926) А. Шанидзе определил в общих чертах основные версионные формы, показал их образование и функцию. В завершенном же виде учение о версии дано в опубликованной в 1930 году «Грамматике». После этого наличие версии как грамматической категории в грузинском языке было признано специалистами. Установление этой морфологической категории прояснило многие стороны

структуры грузинского глагола. Этот труд А. Шанидзе получил высокую оценку как у нас в Советском Союзе, так и в Европе; версия как грамматическая категория заняла свое место в грузинских учебниках.

В опубликованной в 1930 году монографии были суммированы результаты многолетних поисков ученого. В этой книге было дано «систематическое описание фонетической и морфологической структуры современного грузинского литературного языка на основе монографических работ, выполненных автором в 1921 — 1929 гг. К тому же в этом труде впервые поставлен и решен целый ряд грамматических вопросов» (Г. Ахвледиани).

Норвежский ученый Г. Фогт, автор написанной на французском языке «Грамматики грузинского языка» (два издания, Осло, 1936 и 1972 гг.), писал, что эта книга А. Шанидзе дала очень многое для выяснения структуры грузинского языка. На основании «Грамматики» А. Шанидзе была написана и «Грамматика грузинского языка» Б. Руденко на русском языке (Ленинград, 1940).

В 1941 году А. Шанидзе выдвинул теорию о грамматическом ряде (скриви). Он выделил ряд как группу форм глагольного спряжения, объединенных общими грамматическими признаками, но различающимися (для грузинского языка) по лицам и числам. А. Шанидзе ознакомил научную общественность с теорией ряда (скриви) впервые в 1941 году в Ленинграде, где прочел доклад на отделении языка и литературы АН СССР. В его докладе указывалось, что отождествление означенных групп с временами или наклонениями в корне неправильно. Он же указал на наличие соответствующих групп в других языках и высказал убеждение, что теория имеет значение и для других языков.

В 1942 — 1943 годах вышла в свет книга А. Шанидзе «Основы грузинской грамматики».

Результаты проведенной А. Шанидзе на протяжении нескольких десятков лет напряженной творческой работы в области грузинской грамматики (в частности морфологии) суммированы в капитальной (672 страницы) книге «Основы грузинской грамматики (I, морфология)», которая издана Тбилиским университетом в 1953 году (переиздана в 1973 году под заглавием «Основы грамматики грузинского языка»).

В «Основах грамматики грузинского языка» отображен грамматический (морфологический) строй современного грузинского языка, освещены его структурные особенности. Эта книга стоит в ряду исследований в области грузиноведения,

являющихся основополагающими в деле изучения истории и культуры грузинского народа («История грузинского народа» И. Джавахишвили, «История грузинской литературы» К. Кекелидзе, «История грузинского искусства» Г. Чубинашвили и др.). Этот труд А. Шанидзе является пространным курсом, который положен в основу изучения грузинского языка в наших высших учебных заведениях. На грамматическое учение А. Шанидзе опирается также преподавание родного языка в школах нашей республики.

Методологические основы грамматики А. Шанидзе определяются поиском и изучением взаимоотношения формы и функции. Учет этого момента имеет решающее значение для понимания целого ряда грамматических категорий.

Большой вклад внес А. Шанидзе в грузинскую филологию. Изданные им тексты являются образцовыми и основополагающими в этой области. В 1927 году в «Вестнике Тифлисского университета» печатается вновь открытый памятник, представляющий огромную важность для нашей истории и существенно изменивший наши представления о характере и объеме грузинской литературы древнейшего периода. Этим текстом является Многоглав, характерную черту которого представляет «ханметность». А. Шанидзе принадлежит также публикация одной небольшой «ханметной» рукописи, оригинал которой хранится в библиотеке Кембриджского университета. Это отрывок из грузино-еврейского палимпсеста. Грузинский текст содержит отрывки из древнейшего перевода книги Иеремии. Еще одним «ханметным» памятником, научную публикацию которого осуществил А. Шанидзе, является так называемый «Грузинский ханметный лекционарий». Из древних памятников (V—VII вв.) он является единственным, текст которого дошел до нас почти без изменений; поэтому он имеет большую научную ценность, поскольку более или менее пространные «ханметные» тексты известны нам только по палимпсестным фрагментам.

Задачи изучения грузинского и других кавказских языков, необходимость систематической и планомерной публикации древних грузинских рукописей продиктовали А. Шанидзе мысль основать целые серии изданий, каковыми являются «Caucasus Polyglottus» (1935), «Памятники древнегрузинского языка» (с 1944 г. издано 13 книг) и «Труды кафедры древнегрузинского языка» (с 1955 г. издано 19 книг).

Много сделал А. Шанидзе для осуществления академического издания текста грузинской Библии. Его большой заслугой нужно считать возобновление работы по изданию текста афонской Библии. В

1947 и 1948 годах были опубликованы два выпуска, содержащие сохранившиеся в рукописи 978 года части Пятикнижия и других ветхозаветных книг.

В серии «Памятники древнегрузинского языка» А. Шанидзе в 1945 году также опубликовал Четвероевангелие по трем рукописям IX—X веков. Академическое издание текстов Четвероевангелия — событие огромной важности в истории грузинской филологии. Публикация А. Шанидзе имеет большое значение для решения целого ряда историко-литературных вопросов.

Серия «Труды кафедры древнегрузинского языка» была основана А. Шанидзе в Тбилисском государственном университете. Особо следует остановиться на изданном в этой серии «Синайском Многоглаве», подготовленном к печати членами кафедры под руководством А. Шанидзе. «Синайский Многоглав» особенно интересен тем, что представляет собой древнейшую грузинскую датированную рукопись. Это своего рода хрестоматия, включающая 50 сочинений 18 авторов. Многоглав переписан в 864 году в Сабацминдском монастыре, близ Иерусалима, и, следовательно, относится к более раннему периоду, чем все известные нам датированные грузинские письменные памятники, за исключением эпиграфических памятников. В исследовании А. Шанидзе, предпосланном тексту, дано подробное описание памятника, изложены история создания рукописи и наблюдения над языковыми особенностями текста.

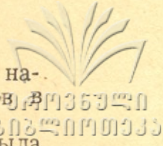
Основанная А. Шанидзе серия «Caucasus Polyglottus» представляет также издание Тбилисского университета. Первым выпуском, осуществленным в 1935 году, явилась книга А. Шанидзе «Древнегрузинская хрестоматия», составленная соответственно требованиям университетского курса.

Вместе с Н. Марром А. Шанидзе заложил основу изучения грузинских диалектов. Еще студентом он начал собирать диалектологические материалы, положенные в основу его исследования, в котором даются классификация горских диалектов и анализ основных диалектных явлений.

В 1923—1924 годах А. Шанидзе опубликовал хевсурские тексты Виссарiona Габуури, имеющие большое значение для грузинской диалектологии.

Весьма ценным вкладом в грузинскую диалектологию является книга А. Шанидзе «Грузинская народная поэзия. I. Хевсурская», опубликованная в 1931 году.

Особо нужно отметить составленный А. Шанидзе словарь к сочинениям Важа Пшавела, который прилагается к I—IV томам сочинений писателя. Заслуживает интерес также хевсурский

словарь, который А. Шанидзе приложил к изданным под его редакцией хевсурским текстам В. Габуури.

Большая работа была проделана ученым при составлении словаря произведения выдающегося грузинского писателя XI века Георгия Святогорца («Житие Иоанна и Евфимия»). Словарь, составленный А. Шанидзе к этому тексту, особенно интересен и тем, что в него введена новая система обозначения личных форм глаголов одной основы. В словаре впервые были использованы так называемые индексы, помогающие разобраться в сложных формах грузинского глагола и облегчающие пользование словарем. Таким образом, А. Шанидзе выработал оригинальный принцип расположения слов, в особенности глаголов. «Посредством индексов глагол характеризуется кратко, наглядно и доступно. К тому же легко удастся собрать в словаре имеющие одно лексическое значение формы глагола... рационально их расположить, а не разбрасывать в разных местах», — отмечает ученый.

Особой заслугой А. Шанидзе нужно признать заботу об изучении лексики «Витязя в тигровой шкуре».

Большой вклад внес А. Шанидзе в дело издания грузинского словаря Сулхана-Саба Орбелиани.

А. Шанидзе внес свою лепту и в изучение грузинских эпиграфических памятников. Им расшифрованы многие «немые» надписи, среди них и поврежденные. А. Шанидзе изучил такие первостепенные эпиграфические памятники, каковыми являются надписи из Цкиси и Манглиси, Коши (в Армении), Гречи, Хунамиси и другие. Полученные ученым результаты исследований прочно вошли в науку.

Много внимания А. Шанидзе уделяет изучению структуры других картвельских языков — чанско-мегрельского (колхского) и сванского. Он изучил сванские наречия, записал множество стихов, сказок, поговорок и загадок и т. п.

Перу А. Шанидзе принадлежит основополагающий труд «Умлаут в сванском языке» (1925). Изучение природы умлаута пролило свет на многие неясные до тех пор стороны образования сложных морфологических категорий сванского языка. А. Шанидзе вме-

сте с В. Топурия положил начало научной публикации сванских текстов Грузии.

В 1939 году в Академии наук была основана серия «Материалы для изучения картвельских языков», в которой было опубликовано несколько томов сванских текстов.

В 1924 году А. Шанидзе выдвинул положение о том, что мегрельский и чанский являются по отношению друг к другу не отдельными независимыми языками, а диалектами.

Деятельность А. Шанидзе как исследователя грузинского языка не ограничивается только изучением теоретических проблем. Он всегда с большим вниманием и любовью занимается практическими вопросами литературного языка.

В его теоретическом языковедческом исследовании, которое было представлено в качестве докторской диссертации, не забыты и злободневные вопросы новогрузинского литературного языка: в этой книге в виде приложения дан «Проект реформы орфографии», в котором изложены правила употребления префиксов *ჰ* и *ლ* в глаголах.

А. Шанидзе издавна занимала проблема установления текста «Витязя в тигровой шкуре». Заслуга ученого в этой области весьма велика.

В 1937 году, в юбилейные дни Руставели, грузинская общественность получила превосходный подарок. Это было воспроизведенное А. Шанидзе издание первой публикации (осуществленной в 1712 году царем Вахтангом VI) «Вепжисткаосани».

В сферу научных интересов А. Шанидзе входят также вопросы литературы и фольклористики.

А. Шанидзе возглавил научную школу, подарившую грузинской науке много выдающихся ученых — его учеников. Уже несколько десятилетий высшие учебные заведения республики готовят новые кадры филологов, опирающихся в своей работе на грамматическое учение А. Шанидзе.

И сегодня Акакий Гаврилович Шанидзе, невзирая на возраст, с привычной энергией, бодростью и неослабевающим трудолюбием продолжает свое любимое дело, с прежним увлечением служит родной науке.

ЗАПЕЧАТЛЕННАЯ МЫСЛЬ

О СКУЛЬПТОРЕ Мерабе Бердзенишвили много сказано и написано. Редко кому посвящалось столько стихотворений, редко о ком спорили столь упорно. Что же можно добавить к сказанному? Мераб Бердзенишвили — большой грузинский ваятель, приближающийся к зениту своего творчества...

Может показаться странным, но в трехфигурной его композиции «И вы растут!» главной мне представляется четвертая фигура, та, которой нет, но чей дух присутствует здесь, наполняя сердца и печалью, и надеждой. «Каков род, таков и приплод!». Однако смотришь на детей и видишь отца, исполнившего свой долг героя, в память о котором создана эта прекрасная скульптура.

Сколько людей едет ныне в сторону Алгети, где воздвигнут этот памятник нашему будущему! Меч, который держат в руках дети, не просто угроза. В таком случае скульптура многое потеряла бы в наших глазах. Меч в первую очередь свидетельствует о благоговении перед пролитой кровью и о боли и страхе перед той, что еще может пролиться. Ничто в этой скульптуре не говорит, что меч — это угроза, оружие мести. Тут он — символ гордости за отца-героя, на крови которого взойшли эти два бутона. Невидимые руки Эриний — богинь мести еще не коснулись детей. Иные руки направляют их — руки грузинской матери...

Только тот, кто обладает даром массового гипнотизирования, может считаться истинным скульптором! Так веками зачаровывали народы памятники, воздвигнутые на холмах и больших перекрестках. Так легендой дошли до нас Фидий и Пракситель. Потому так ярко отпечатались в нашей памяти Аполлон и Венера...

У Мераба Бердзенишвили есть этот благословенный дар — дар массового гипнотизирования. Как жаль, что число прибывающих взглянуть на памятник остается за пределами интересов наших социологов и статистиков. В Алгети едут специально, смотрят на голеньких еще богатырей и верят, что они скоро подрастут и оденутся в тигровые шкуры.

И все-таки основная фигура в этой композиции — четвертая. Мераб Бердзенишвили умеет придать локальному явлению широкое звучание. Как это было отмечено и в «Литературной газете», скульптура Мераба Бердзенишвили по своему значению выходит за рамки памятника воинам какого-либо района. Его скульптура — священный гимн самоотверженности, идее защиты родины, самопожертвования во имя ее будущего! Отец этих прекрасных близнецов, которого взглядом разума видит зритель, — Вечный Герой! Он был убит вместе с тремястами спартанцами! Он погиб с тремястами арагвинцами! Он — воин-одиночка, и о его ранах и страданиях, о его надеждах и заветах знает только полевой цветок, то есть никто!

Два голеньких малыша, как два беспомощных секунданта истины, смотрят вдаль, в будущее! Они держат в руках меч, в котором отныне уже не должно быть нужды. Этот меч — не часть реквизита прошлого. И в композиции он — не дань архаичному стилю художественного мышления. Меч — это воплощение прошлого, его кровавых ливней.

И четвертая фигура этой блестящей композиции, — которой нет, но которая чувством и разумом подразумевается, — твердо верила: кровь его прольется не даром, жизнь продолжается в потомках!

Манера гиперболизировать, свойственная Мерабу Бердзенишвили, именно в силу своей гиперболичности, самая реалистическая — меч его героя из Носте самый что ни на есть настоящий: нарушенные пропорции лучше всего свидетельствуют о невыразимо сложной борьбе и невероятно тяжелых победах.

Четвертый — здесь, его гордый дух — в этих долинах, его жизнь наполнила эти прекрасные места! И люди едут сюда, останавливаются у памятника, души их полнятся надеждой, желанием творить добро, чувством благодарности и одинаково проникают прошлым, настоящим и будущим, ибо мир Мераба Бердзенишвили простирается почти во все времена. Алгеи постепенно очень естественно входит в число тех святых, которые становятся местом поклонения.

В мире, созданном резцом Мераба Бердзенишвили, историческое сливается с надисторическим, реальное с мистическим.

«Медея!» Трехфигурная композиция — мать и двое детей.

«И вырастут!» Трехфигурная композиция — мать и двое детей.

Между этими двумя парами маленькой пролегла история Грузии в несколько тысячелетий. Эти тысячелетия — тысячекратные трагедии, полные пролитой крови и потому — пролитых слез. Однако в «Медее» Мераб Бердзенишвили принципиально отмежевывается от интерполированной версии убийства детей. Его Медея — это не только женщина, потерявшая любовь, но мать, живущая глазами этой любви. Одно только: дети Медеи намного беспомощнее — у них был другой отец. Светотени тысячелетий, пролеглих между этими детьми, пронизали все творчество Мераба Бердзенишвили. Его герои — это рыцари, сошедшие с грузинских фресок и чеканных стихов. В приставшем к берегу «Арго» они видят не похитителя золотого руна, а гостя, доброго человека. Однако при необходимости они могут справиться и с тигром, им не хуже других известны законы мореходов и путешественников.

Сколько раз говорилось о красоте Бергубани и Тимотесубани, Икорти и Канчаэти, Озаани и Цромли, Кинцвиси, Кумурдо, Гелати, Бетаниа, Светицховели. Но ктиторы, вззирающие с высоких стен и карнизов этих храмов, хранят молчание о тех, кто их строил, о тех, кто ваял их, чьему резцу они должны быть благодарны за то, что живут в камне! И все же эти безвестно исчезнувшие художники продолжают жить, души их переселились в певцов сегодняшней Грузии.

Мераб Бердзенишвили — один из тех наследников старых мастеров, которыми они могли бы по праву гордиться.

Считалось безнравственным отсекать врагу десницу, но в тысячу раз более безнравственно лишать правой руки ближнего. Этим художникам с роковой судьбой — Дамиани, Хурцидзе, Тбилели и Арсукидзе — сегодня достойно наследует Мераб Бердзенишвили.

Удивительное это творение — человеческое тело, и мысль увековечить его в высшей степени благородна. И еще не известно, какой памятник более велик — египетская пирамида или дремлющая в ее склепах мумия, чьи заледенелые клетки насчитывают тысячелетия. Мераб Бердзенишвили — певец человеческого тела, мастер выписывания теней в складках его одежды, художник линий, прочерченных рукой в пространстве. И в человеке его интересует нечто большее, чем «пуговица и ноготь», как того требуют иные от станковой скульптуры.

Работы Мераба Бердзенишвили скорее подходят для площадей и больших перекрестков, чем для залов музея с их искусственным освещением, поскольку его творения — истинно демократического стиля, они призваны одинаково радовать и тех, кто специально прибыл посмотреть на них, и тех, кто не думал об этом вовсе и просто случайно увидел их. Его стиль — отражение его души. Если бы он жил тысячелетия назад и оказался перед выбором — работать над барельефами Парфенона и Пергама или создавать скальный храм Рамзеса II или сфинксов, он, наверное, выбрал бы последнее, всем сердцем потянувшись в Египет.

В статье, посвященной выдающемуся скульптору и общественному деятелю Якову Николадзе, Геронтий Кикодзе писал, что «наиболее слабую сторону его творчества представляют собой произведения монументального стиля». Мераб Бердзенишвили и несколько его талантливых друзей — наследников Якова Николадзе — эту слабость грузинского изобразительного искусства обратили в его силу, но при этом настолько «нарушили баланс», что даже породили некоторую оппозицию против яковы не столь необходимого примата монументальной скульптуры. В то же время не может не вызвать улыбки противоположное обвинение. Вот что, к примеру, пишет Н. Воронина: «Изменяются старые, привычные формы. В Грузии в области монументальной пластики этот процесс идет медленнее, чем в ряде других республик».

Мераб Бердзенишвили и скульпторы его поколения — Элгуджа Амашукели, Гоги Очиаури, Вахтанг Ониани, Джуна Микатадзе, Гулда Каладзе и другие вывели грузинскую монументальную скульптуру на большую и на редкость интересную дорогу. Они утвердили ее во множестве грузинских и негрузинских городов.

В различных городах и селениях установлены скульптуры Мераба Бердзенишвили. Его работы можно увидеть в Москве, Тбилиси, Каспи, Марнеули, Гурджаани, Сочи, Пицунде. Но этого все же мало: народ должен давать своему скульптору столько заказов, на сколько он согласится и сколько осилит десница мастера!

Я бы назвал Мераба Бердзенишвили «первым резцом». Но точно так же назвал бы еще не одного грузинского скульптора (в хорошем оркестре, как известно, около двадцати первых скрипок). Мы все хорошо знаем, какой вклад внесли лучшие представители поколения Мераба Бердзенишвили в грузинское искусство, в грузинскую культуру вообще. Вспомните тысячи красивых жизней, воплощенных в камне, дереве, глине, бронзе, металле. Окиньте взором великий праздник торжества человеческого тела. Еще раз насладитесь триумфом красоты, ослепительным движением, чарующими образами людей, исполненных стремления созидать и творить! Как мы были бы бедны безо всего этого! Как мы богаты сегодня! В этой бесценной сокровищнице большая доля принадлежит Мерабу Бердзенишвили — первому резцу Грузии!

Именно поэтому мы должны ему заказывать так же, как заказывали, оканчивается, некогда Родену — килограммами и тонами! Так как каждый «килограмм» его творений, лично мне, представляется народным богатством.

Ктитор каждого подлинного художника — будущее. По его «заказу» создается он то, что создает, перед ним и отчитывается.

Так живет и работает Мераб Бердзенишвили.

Когда мне предложили написать эту статью, я не отказался, хотя, будучи лицом некомпетентным, не смог бы основательно проанализировать памятник. Однако истинно хорошее произведение радует меня по-настоящему. Такую безграничную радость вызвал во мне памятник «И вырастут!».

Не перечесть обрадовавшихся вроде меня! Но из сотен писем, которые скульптор получает со всех концов Советского Союза, я выбрал одно. Автор его даже не сообщает своего точного адреса. Не просит и фотографии скульптуры, как некоторые, вообще не ждет ответа. Автор письма, должно быть, чья-то мать, просто не может не написать скульптору:

«Дорогой тов. Бердзенишвили! Вы создали в Марнеули такой необыкновенный памятник, насыщенный чувствами и мыслями, что он будет волновать многие поколения людей. Грузинская мать с такими трудовыми руками отдала на защиту Отечества все, что имела, — своих сыновей, которые в ее воображении превратились снова в маленьких пухленьких мальчиков, может быть, в близнецов. Они полны решимости и воли! Их мордашки так выразительны! Они крепко держат в своих ручонках карающий меч.

Я так плакала, когда увидела фото памятника в «Правде» от 6 мая 1976 года. Хотела повесить на стену, но чувствую, что буду плакать, как взгляну. Вы, вероятно, еще молоды, но как вы сумели воплотить столько чувства и мудрости в эту скульптуру?! Вы очень талантливы. Не останавливайтесь, работайте. Вас ждет большое будущее.

С большой благодарностью и наилучшими пожеланиями

В. НИКОЛАЕВА, г. Москва».

Мераб Бердзенишвили — лауреат высшей национальной премии — в минувшем году был удостоен Государственной премии СССР. Это ли не всенародное признание его больших заслуг!

В мире книг

ПОД ЗНАКОМ „ДВОИНОЙ РАДУГИ“

ОБРАЗНЫЙ мир поэзии и прозы, очерка и публицистики Николая Тихонова огромен, и поэтому исследователи этой богатой добрыми неожиданностями, прекрасной страны открывают новые и новые ценности, немало не повторяя друг друга. Книга ленинградского критика и поэта Владислава Шошина «Поэт романтического подвига» («Сов. писатель», Л., 1976) многое скажет читателю: она плод труда увлеченного, умелого и тщательного.

Энергия исследователя сказывается и во внимательном прочтении, верном истолковании десятков книг, созданных Н. С. Тихоновым, и в настойчивом, неустанном подборе документов, позволяющих глубже освоить, понять замечательную жизнь и творчество художника. В книге слышатся голоса людей различных профессий, национальностей, поколений, имевших счастье встретиться с Николаем Семеновичем на различных жизненных дорогах и бережно сохраняющих эти воспоминания. Здесь «говорят» ленинградцы Всеволод Рождественский и Михаил Слонимский, дагестанский литературовед Гаджи Гамзатов и молдавский поэт Петр Крученюк, Тициан Табидзе и полковник И. Гаглоев, Виктор Гольцев и Валентина Балужвици, Борис Полевой и Мирзо Турсун-заде и еще многие, многие другие...

Надо ли тому удивляться?! Вся жизнь Николая Семеновича проходит под знаком «двойной радуги» — сияющей эмблемы, которую он обозначает дружбу людей и народов. Черты характера поэтического и человеческого здесь совпадают полностью. И В. Шошин, почувствовав эту нераздельную связь, сделал ее основой своего труда, насытил его страницы красноречивыми фактами, подводящими к верным и точным выводам.

Заметное место в работе критика, — так же как и в биографии, и в творчестве его героя! — занимает Грузия, Кавказ... Маршруты, проложенные Тихоновым, пересекают большую часть земно-

го шара, но чаще всего пути приводят его сюда, к людям его любящим и им любимым, в края, прочно вошедшие в его стихи, поэмы, рассказы, очерки, статьи.

Душевные движения художника закрепились в образном слове, получили долгую жизнь в сердечных излияниях, в многоцветных картинах действительности, в мудрых и пронизательных раздумьях. Как много было увидено, познано, пережито Тихоновым на тбилисских улицах и в долинах Кахетии, в цехах Рустави и на горе Зедзени, у стен старых крепостей и на плотине ЗАГЭС! И как важно проследить превращение этих впечатлений и помыслов в живую ткань образного строя, действующего уже как бы «отдельно» от своего творца и все-таки постоянно о нем напоминающего, побуждающего с благодарностью думать о подвиге художника, воина, работника, певца своего времени.

Уже в одной из начальных глав книги Шошина упоминается о первом приезде Н. С. Тихонова в столицу Грузии, приводятся строки его воспоминаний о Есенине: «Я был очень рад, что линии наших странствий пересеклись в этом благословенном городе юга» (стр. 22). Это только начало... Затем следуют новые и новые встречи с Кавказом. В Грузию писатель не только приезжает, но и приходит, одолевая кручи и перевалы, требующие от путника отваги, ловкости, умения. С полным на то основанием критики приводят в главе «Кавказ» восторженные строки Тихонова, посвященные горам, восхваляющие их, свидетельствующие о том, что высота заоблачных вершин постепенно становилась для художника воплощением и вершинного исторического, общественного зрения.

Возвышенность и реальность, пафос и трезвость — самым чудесным порядком сочетаются в прозе и поэзии Тихонова. Заявив в самом начале пути — «про землю стоит говорить!» — он остался верен этому убеждению. О грузинской земле он говорит страстно и проникаю-

венно, возвращаясь к ней опять и опять. В. Шошин справедливо замечает: «Если верно, что Кавказ стал для Тихонова как бы второй родиной, то что можно сказать о Грузии — сердце тихоновского Кавказа?» (стр. 173). Критик имеет возможность ответить на этот вопрос с предельной предметностью, наглядностью, рассказав о беседах с альпинисткой Александрой Джапаридзе и поэтом Сандро Шаншиашвили, проанализировав повесть «Клятва в тумане» и «Стихи о Кахетии», «Грузинскую весну» и очерк о Викторе Гольцеве, напомнив о том, что и в осажденном Ленинграде Тихонов неизменно держал и в памяти и в сердце любимый Кавказ, обращался к его защитникам, писал о его людях, защищавших город над Невою.

Да, все этапы творческого пути Николая Тихонова, все его книги — неразъемные звенья динамического и разностороннего единства. И естественно, посвящая один из разделов большой и во многом ключевой главы «Мастер» характеристике отношения А. М. Горького к Тихонову — отношения неизменно сочувственного и доброжелательного, — критик подчеркивает, что «Кавказ

и Грузия были особенно дороги Горькому в связи с обстоятельствами биографического характера. Грузия, несомненно, сыграла роль в его творческом становлении. Тихонов на Кавказ и в Грузию пришел писателем уже сформировавшимся. Но и для него глубокое чувство к Кавказу, к Грузии не было кратковременным». Что и говорить! Вот уже в нынешнем, 1977 году мы имели счастье прочитать стихи Николая Тихонова, в которых поэт глядит

**На тот—внизу раскинутый Тбилиси,
На Грузию от моря и до гор...**

Энергия дружбы живет в этих строках. Дружбы, подтвержденной целым массивом подвижных, красочных, исполненных смысла и красоты образов. Дружбы, сказавшейся также в блистательных переводах, передающих очарование ума и таланта соратников-товарищей. Дружбы, которая рождает все новые и новые книги, обогащающие ум и сердца читателей, становящиеся источником размышлений и исследований.

Иосиф ГРИНБЕРТ

Сдано в набор 5 апреля 1977 г. Подписано к печати 13 мая 1977 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 1214

Тираж 7050

УЭ 01561

26-77

77-226
ქართული
ენების
საზოგადოებრივი
ცენტრი

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა